

Долшедные Крайки

Долшедные
Крайки







Художники:

Художники:

А. Мокшаков В. Мосин

В. Сидриков Е. Мошин

Н. Устинов В. Перцов

Д. Зороховский

Сказки
Долшедней
Советских
Краски
писателей



МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1989

ББК 84Р7
В69



Волшебные краски: Сказки советских писателей/Сост. О. Романченко.— Переиздание с готовых диапозитивов.— М.: Моск. рабочий, 1989.— 335 с.

В книгу вошли сказки советских писателей, созданные ими в разное время и полюбившиеся ребятам.

В 4803010102—169
М172(03)—89 Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5—239—00632—6

© Составление, оформление, иллюстрации. Издательство «Московский рабочий», 1978

© Издательство «Московский рабочий», 1989

Здравствуй, Сказка!

Жила-была сказка. Родилась она не в каком-то волшебном царстве, неизвестном государстве, а на нашей русской земле, в тех самых заветных местах, где жил трудовой народ. Он-то и сложил сказку, выразив в ней свою мечту и своё стремление разделаться с ненавистным злом, которое мешало ему, народу, жить и трудиться по-человечески.

Гуляла та сказка, мудрая и неутомимая, по белу свету, дарила людям хорошее настроение, звала к борьбе с царём и другими угнетателями, вселяла в сердца людей добрую надежду и веру в свои силы. Рабочие и крестьяне благодарили сказку за правдивое слово и весёлый склад, желали ей жить долго-долго.

И она прожила долго-долго. Ни капельки не состарилась. Сказки, как и волшебники, никогда не стареют, всегда молодыми остаются.

Давно не стало того мудрого старика, который сказал первое слово сказки; нет в живых и его внука, которому в наследство он свою сказку передал. Но родились новые внуки и правнуки, они запомнили древнюю сказку и пересказали её другим людям. А те, другие, порадовали доброй сказкой своих внуков.

Так сказка дожила до наших дней, продолжая верно служить людям.

И вот что удивительно: кто бы старую сказку ни пересказывал, всякий раз она по-иному звучала... Почему бы это? Слова в сказке вроде бы те же самые, что и прежде, и действующие лица сохранились, но звучит сказка по-новому, словно довелось ей появиться на свет не в давне-давние времена, а в наше советское время.

Посудите сами, в ту пору, когда сказка родилась, сказочный герой в ней летал на ковре-самолёте, ездил по дороге верхом на горячей печке и играл на волшебной дудочке, заставляя всех встречных лихо плясать под её заразительную музыку. А ныне тот же самый герой, если верить новым сказочникам, летает в космические дали на сверхзвуковой ракете, делая посадки на далёких планетах; бороздит льды Северного полюса на современном атомоходе. Без всякой волшебной дудочки поворачивает многоводные реки вспять, покрывает садами знойные пустыни и по своему хотению-велению приказывает дождю полить землю там, где сухо и зелёным всходам нужна влага.

Хотя и говорят люди, что «быль за сказкой не угонится», в наше стремительное время фантастические события, происходящие в жизни, нередко опережают самую невероятную сказку. Вот и обновляется старая сказка современными приметами и рассказывает о том, что нам особенно интересно и близко.

В огне Великой Октябрьской революции и гражданской войны рождались сказки о прославленных в старых былинах богатырях, заступниках народных. В их сказочном облике угадывались черты подлинных героев революции, сильных духом и благородных, готовых до последнего дыхания биться за счастье народное, за власть Советов. И во время Великой Отечественной войны, когда ратный подвиг героев былых лет поднимал боевой дух наших воинов, служил примером воинской храбрости, вдруг оживали и получали широкую известность революционные сказки. Кто сочинял их? Кто именно? Попробуй узнай теперь! Скорее всего многие люди, и каждый обогащал сказку своими словами и своими чувствами, и стала она коллективным сочинением. Потому-то и называли эту сказку народной.

Но есть сказки — и их немало! — авторы которых нам хорошо известны. Сами себя они называют писателями-сказочниками.

Профессия сказочника с давних лет и по сей день пользуется особым уважением у народа. Особенно у народа детского, для которого слово «сказочник» звучит точно так же, как слово «волшебник». Дети очень любят, когда писатель разговаривает с ними на языке сказки, весело и интересно. За таким человеком можно пойти хоть на край света, где, как утверждают сказки, живут настоящие волшебники, придумывающие самые фантастические произведения о самой настоящей жизни.

Сказка и вдруг... самая настоящая жизнь! Совместимо ли это? Ведь сказка, как считают некоторые мальчишки и девчонки, состоит из одних выдумок. Неправильно считают, скажу я вам. В любой сказке обязательно присутствует что-то и от жизни. Своим языком и своими героями сказка непременно выражает нечто близкое тому времени, о котором она рассказывает и в которое была написана. Отголоски этого времени делают сказку особенно ценной и нужной для современника. «Во всякой сказке есть элемент действительности...» — писал Владимир Ильич Ленин, отмечая связь сказки с жизнью народа, с народными чаяниями. Думы народные находят художественное отражение в сказке. Сказка рождается жизнью.

А как же тогда быть с фантастической выдумкой, без которой не обходится ни одна сказка? Как быть с волшебниками?

Без волшебника не обойтись. Кто из ребят не читал повесть-сказку Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч»? Не будь в книге старого кудесника-джинна Хоттабыча, не было б и сказки. А в советскую книгу он пришёл из старинной волшебной сказки. В ней рассказывалось о том, как мудрый джинн, заточённый на веки вечные в медный сосуд, в ожидании своего спасителя дал клятву, что он будет верой и правдой служить тому, кто освободит его, подарит тому человеку все сокровища земли и сделает его могущественным из султанов. Услышь такие слова, алчный человек непременно воспользовался бы волшебной силой старика в своих корыстных целях, заграбастал бы все земные богатства.

Случилось же иначе. Древний сосуд с джинном вытащил из реки обыкновенный советский мальчик — школьник Волька Костыльков. Воспитанный социалистическим обществом, где достоинство каждого гражданина оценивается не по денежным накоплениям, а по отношению к труду, к общественным делам, пионер Волька отказался от волшебных услуг Хоттабыча и сам стал учить джинна жить по-советски, честно и открыто, бескорыстно. Старик, прошедший в страшном заточении две тысячи лет, живший когда-то в другом обществе, заражённый его суевериями и чуждыми нашей свободной стране представлениями, вынужден был пойти в ученики к школьнику Вольке, чтобы научиться жить по новым, советским законам.

Пионерская сказка о Хоттабыче, как видим, отражает действительную картину жизни нашего общества. Она помогает читателю глубже понять отличие общества социалистического от капиталисти-

ческого, даёт детям ясное представление о смысле жизни, о счастье и пионерской взаимовыручке. Вот как много серьёзного и важного содержит в себе сказка, в которой есть и весёлая выдумка, и волшебная сила, и необычные приключения. А главное, пожалуй, это то, что она верно раскрывает жизнь наших людей и обнажает корень зла того мира, от которого наш народ избавился в октябре 1917 года, когда по воле народа была установлена в стране Советская власть.

Хорошая сказка всегда правдива, хотя и действуют в ней волшебники. Рядом со «Стариком Хоттабычем» я поставил бы повесть-сказку Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал», где тоже немало волшебного и немало жизненного, невыдуманного. И прежде существовали сказки, в которых говорилось о зеркалах. Вспомним А. С. Пушкина: «Свойство зеркало имело: говорить оно умело...» Зеркало в сказке В. Губарева не говорит, а только показывает. Показывает то, что в человеке есть, но чего не должно быть, от чего он должен избавиться. Зеркало как бы помогает ему взглянуть на себя со стороны, понять свои недостатки. Сталкиваясь с собственным отражением в зеркале, человек невольно начинает искать пути к исправлению дурных черт своего характера. Именно так и поступает пионерка Оля, оказавшись в Королевстве кривых зеркал, где господствует несправедливый и злой закон, унижающий человека, мешающий ему жить нормальной человеческой жизнью. И не случайно один из пионеров, откликаясь на повесть-сказку «Королевство кривых зеркал», написал автору: «Повесть научила меня критике и самокритике, она научила меня почаще смотреть на себя со стороны. И ещё мне стало понятно, что нет на свете ничего лучше и прекрасней нашей любимой Советской страны».

Сказки всегда учат распознавать лица друзей и врагов, бороться за доброту и справедливость. Воспитать честность и трудолюбие, чувство дружбы и товарищества — вот на что нацелены повести-сказки «Праздник Непослушания» Сергея Михалкова, «Баранкин, будь человеком!» Валерия Медведева, «В стране Вечных Каникул» Анатолия Алексина. Все они предостерегают школьников от праздной, бездумной жизни и приобщают их к жизни трудовой, общественно полезной.

Я здесь перечислил лишь незначительную часть повестей-сказок, занявших почётные места в советской детской литературе. Однако советские дети охотно читают не только большие сказочные повести, но и маленькие сказки.

Уверен, пионеры и октябрюта полюбят вот эту, любовно оформленную книжку, где в дружбе и согласии, как добрые соседи, не тесня друг друга, живут самые различные маленькие сказки: волшебные, юмористические, радостные и задумчивые.

Романтикой революции овевана замечательная гайдаровская «Сказка про Военную Тайну, Мальчиша-Кибальчиша и его твёрдое слово», во весь голос рассказывающая о бессмертном подвиге юного героя Страны Советов, который крепко умеет хранить военную тайну и держать своё твёрдое слово. По первому зову военного горниста устремляется он в жаркое пекло сражения, увлекает за собой на смертный бой с буржуинами других солдат революции. Такой же пламенной любовью к родному народу охвачены отважные герои «Сказки о громком барабане» Софьи Могилевской и сказок «Умный танк» Николая Тихонова и «Храбрый клоун» Сергея Воронина.

У каждого писателя — своя манера сказочного повествования, свой неповторимый голос, своя интонация. Но всех их роднит то, что они умеют разглядеть в обыденном необыкновенное, с чарующим волшебством вести разговор с юным читателем. Тепло и лирично, с тонким проникновением в душу человека рассказывает Константин Паустовский в сказках «Похождения жука-носорога» и «Растрёпанный воробей» о прекрасном в жизни, о нежности человеческого сердца. Простой и ясный стиль сказок Валентина Катаева вбирает в себя и искромётный юмор, и поэзию открытий в окружающей действительности, в людях («Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик»).

Тема труда всегда была одной из самых желанных в народных сказках. Сохранила она своё главенство и в настоящее время. Евгений Пермяк, сказки которого сверкают волшебными красками живой народной речи, мудро и влюблённо славит мастера-умельца «с живинкой в деле», возвеличивает своими сказками чувство патриотизма, рабочей гордости. Своеобразный подход к трудовой теме нашли и другие сказочники — Сергей Михалков в «Похождениях рубля», Евгений Шварц в «Сказке о потерянном времени», Владимир Воробьёв в «Стёпе-недотёпе», Ольга Романченко в сказке «Витя в стране Лодырантии»... Пусть иные герои этих сказок и ошибаются подчас, думая, что можно и «без труда вынуть рыбку из пруда», зато юный читатель сразу смекнёт, что лентяям и неумехам подражать не стоит и надо жить по-честному, по трудовой мерке, чтобы люди тобою гордились.

Представлены в этом сборнике и сказки о природе, птицах и зверях. И тут писатели верны современности. Борис Житков и Виталий Бианки, Андрей Платонов и Виктор Важаев, Наталия Дурова и Александр Шаров, Анатолий Митяев и другие сказочники не столько изображают нравы животного мира, сколько показывают взаимоотношения человека и зверей в несколько необычной обстановке. Звери здесь, как это и должно быть в сказке, нередко думают по-человечьи и ведут разговоры на вполне понятном языке. По тому, ЧТО и КАК они говорят, читатель легко может догадаться, какой у кого нрав, какие повадки.

В поведении сказочных зверей скрыт намёк — «добрым молодцам урок». А как же иначе? Ведь для того и сказки эти сказывались, чтобы отучить некоторых из людей от «звериных» замашек и научить добру. Тут на помощь человеку спешит мудрое сказочное слово. Прочтите сказки Николая Носова «Бобик в гостях у Барбоса» о том, как два пса задумали в дедушкиной кровати поваляться; Валентины Осевой «Добрая хозяйushка», где маленькая девочка, обменивавшая ради забавы петушка на курочку, курочку на уточку, оказалась никудышной, бездушной хозяйushкой; Валерия Медведева «Как воробьёнок придумал голосами меняться и что из этого вышло» — о воробьёнке, который только то и делал, что всем завидовал; Бориса Заходера «Матари-Кари» — о странном крокодиле и маленькой птичке, которая делает большие, хорошие дела. Во всех этих и других сказках содержится великая детская весёлость и великая детская доброта авторов, открывающих для маленького человека в ярких и забавных сказочных приключениях важные жизненные заповеди: будь всегда и во всём честным и справедливым, нежно относись к природе, зверям и птицам, умей дарить людям радость...

Читателю этой книги предстоит отправиться в необычное путешествие. Конечно, любая книга зовёт читателя в путешествие, но не всегда его встречает так много заботливых проводников, да ещё волшебников! Это и хорошо и трудно. С чего начать? Куда отправиться раньше? Куда потом?

Поэтому люди, создавшие эту книгу, решили помочь ребятам сделать так, чтобы увереннее прошёл маленький читатель по дорогам, дорожкам, тропинкам, которые открывают ему добрые волшебники. Чтобы каждая следующая сказка добавляла что-то к прочитанной раньше.

А путешествие будет долгим. Через годы, десятилетия проведут читателя авторы этой книги. Сегодня писатели-сказочники предлагают юному читателю получше оглядеться вокруг, присмотреться к тому, на что, может быть, недосуг было взглянуть раньше. Да и помочь детям мир увидеть шире, например узнать, отчего поспорили между собой доллар и советский рубль...

Сейчас ты, мой юный друг, откроешь следующую страницу нашего сборника, и в твой дом придёт сказка. Сначала одна, потом — другая, третья... Много сказок придёт к тебе. Над их созданием работали советские писатели в разное время. А теперь вот они собрались все вместе, как добрые кудесники, мудрые и весёлые хозяева великой детской державы. Собрались, чтобы подарить тебе радость. Первая сказка уже рядом.

Скажи, читатель, и ты ей приветливые, идущие от сердца слова:
— Здравствуй, сказка!

Владимир РАЗУМНЕВИЧ



СКАЗКА ПРО ВОЕННУЮ ТАЙНУ, МАЛЬЧИША-КИБАЛЬЧИША И ЕГО ТВЁРДОЕ СЛОВО

В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война, жил да был Мальчиш-Кибальчиш.

В ту пору далеко прогнала Красная Армия белые войска проклятых буржуинов, и тихо стало на тех широких полях, на зелёных лугах, где рожь росла, где гречиха цвела, где среди густых садов да вишнёвых кустов стоял домишко, в котором жил Мальчиш, по прозвищу Кибальчиш, да отец Мальчиша, да старший брат Мальчиша, а матери у них не было.

Отец работает — сено косит. Брат работает — сено возит. Да и сам Мальчиш то отцу, то брату помогает или просто с другими мальчишами прыгает да балуется.

Гоп!.. Гоп!.. Хорошо! Не визжат пули, не грохают снаряды, не горят деревни. Не надо от пуль на пол ложиться, не надо от снарядов в погреба прятаться, не надо от пожаров в лес бежать. Нечего буржуинов бояться. Некому в пояс кланяться. Живи да работай — хорошая жизнь!



Вот однажды — дело к вечеру — вышел Мальчиш-Кибальчиш на крыльцо. Смотрит он — небо ясное, ветер тёплый, солнце к ночи за Чёрные Горы садится. И всё бы хорошо, да что-то нехорошо. Слышится Мальчишу, будто то ли что-то гремит, то ли что-то стучит. Чудится Мальчишу, будто пахнет ветер не цветами с садов, не мёдом с лугов, а пахнет ветер то ли дымом с пожаров, то ли порохом с разрывов. Сказал он отцу, а отец усталый пришёл.

— Что ты? — говорит он Мальчишу. — Это дальние грозы гремят за Чёрными Горами. Это пастухи дымят кострами за Синей Рекой, стада пасут да ужин варят. Иди, Мальчиш, и спи спокойно.

Ушёл Мальчиш. Лёг спать. Но не спится ему — ну, никак не засыпается.

Вдруг слышит он на улице топот, у окон — стук. Глянул Мальчиш-Кибальчиш, и видит он: стоит у окна всадник. Конь — вороной, сабля — светлая, папаха — серая, а звезда — красная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Пришла беда, откуда не ждали. Напал на нас из-за Чёрных Гор проклятый буржуин. Опять уже свистят пули, опять уже рвутся снаряды. Бьются с буржуинами наши отряды, и мчатся гонцы звать на помощь далёкую Красную Армию.

Так сказал эти тревожные слова краснозвёздный всадник и умчался прочь. А отец Мальчиша подошёл к стене, снял винтовку, закинул сумку и надел патронташ.

— Что же, — говорит старшему сыну, — я рожь густо сеял — видно, убирать тебе много придётся. Что же, — говорит он Мальчишу, — я жизнь круто прожил, и пожить за меня спокойно, видно, тебе, Мальчиш, придётся.

Так сказал он, крепко поцеловал Мальчиша и ушёл. А много ему расцеловываться некогда было, потому что теперь уже всем и видно и слышно было, как гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров...

День проходит, два проходит. Выйдет Мальчиш на крыльцо: нет... не видать ещё Красной Армии. Залезет Мальчиш на крышу. Весь день с крыши не слезает. Нет, не видать. Лёг он к ночи спать. Вдруг слышит он на улице топот, у окошка — стук. Выглянул Мальчиш: стоит у окна тот же всадник. Только конь худой да усталый, только сабля погнутая, тёмная, только папаха простреленная, звезда разрубленная, а голова повязанная.

— Эй, вставайте! — крикнул всадник. — Было полбеда, а теперь кругом беда. Много буржуинов, да мало наших. В поле пули тучами, по отрядам снаряды тысячами. Эй, вставайте, давайте подмогу!

Встал тогда старший брат, сказал Мальчишу:

— Прощай, Мальчиш... Остаёшься ты один... Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах... Живи, как сумеешь, а меня не дожидайся.

День проходит, два проходит. Сидит Мальчиш у трубы на крыше, и видит Мальчиш, что скачет издалека незнакомый всадник.

Доскакал всадник до Мальчиша, спрыгнул с коня и говорит:

— Дай мне, хороший Мальчиш, воды напиться. Я три дня не пил, три ночи не спал, три коня загнал. Узнала Красная Армия про нашу беду. Затрубили трубачи во все трубы сигнальные. Забили барабанщики во все громкие барабаны. Развернули знаменосцы все боевые знамёна. Мчится и скачет на помощь вся Красная Армия. Только бы нам, Мальчиш, до завтрашней ночи продержаться.

Слез Мальчиш с крыши, принёс напиться. Напился голец и поскакал дальше.

Вот приходит вечер, и лёг Мальчиш спать. Но не спится Мальчишу — ну, какой тут сон?

Вдруг он слышит на улице шаги, у окошка — шорох. Глянул Мальчиш и видит: стоит у окна всё тот же человек. Тот, да не тот: и коня нет — пропал конь, и сабли нет — сломалась сабля, и папахи нет — слетела папаха, да и само стоит — шатается.



— Эй, вставайте! — закричал он в последний раз. — И снаряды есть, да стрелки побиты. И винтовки есть, да бойцов мало. И помощь близка, да силы нету. Эй, вставайте, кто ещё остался! Только бы нам ночь простоять да день продержаться.

Глянул Мальчиш-Кибальчиш на улицу: пустая улица. Не хлопают ставни, не скрипят ворота — некому вставать. И отцы ушли, и братья ушли — никого не осталось.

Только видит Мальчиш, что вышел из ворот один старый дед во сто лет. Хотел дед винтовку поднять, да такой он старый, что не поднимет. Хотел дед саблю нацепить, да такой он слабый, что не нацепит. Сел тогда дед на зава-linkу, опустил голову и заплакал.

Больно тогда Мальчишу стало. Выскочил тогда Мальчиш-Кибальчиш на улицу и громко-громко крикнул:

— Эй же, вы, мальчиши, мальчиши-малыши! Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать? И отцы ушли, и братья ушли. Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтоб буржуины пришли и забрали нас в своё проклятое буржуинство?

Как услышали такие слова мальчиши-малыши, как заорут они на все голоса! Кто в дверь выбегает, кто в окно вылезает, кто через плетень скачет.

Все хотят идти на подмогу. Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу.

Бьются мальчиши от тёмной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьётся, а всё ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь. И видит Плохиш, что лежит за горкой громада ящиков, а спрятаны в тех ящиках чёрные бомбы, белые снаряды да жёлтые патроны. «Эге, — подумал Плохиш, — вот это мне и нужно».

А в это время спрашивает Главный Буржуин у своих буржуинов:

— Ну что, буржуины, добились вы победы?

— Нет, Главный Буржуин,— отвечают буржуины,— мы отцов и братьев разбили, и совсем была наша победа, да примчался к ним на подмогу Мальчиш-Кибальчиш, и никак мы с ним все ещё не справимся.

Очень удивился и рассердился тогда Главный Буржуин, и закричал он грозным голосом:

— Может ли быть, чтобы не справились с Мальчишем? Ах вы, негодные трусищи-буржуищи! Как это вы не можете разбить такого маловатого? Скачите скорей и не возвращайтесь назад без победы.

Вот сидят буржуины и думают: что же это такое им сделать? Вдруг видят: вылезает из-за кустов Мальчиш-Плохиш и прямо к ним.

— Радуйтесь! — кричит он им.— Это всё я, Плохиш, сделал. Я дров нарубил, я сена натащил, и зажёл я все ящики с чёрными бомбами, с белыми снарядами да с жёлтыми патронами. То-то сейчас грохнет!

Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в свое буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья.

Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется.

Вдруг как взорвались зажжённые ящики! И так грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

— Измена! — крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

— Измена! — крикнули все его верные мальчиши.

Но тут из-за дыма и огня налетела буржуинская сила, и схватила, и скрутила она Мальчиша-Кибальчиша.

Заковали Мальчиша в тяжёлые цепи. Посадили Мальчиша в каменную башню. И помчались спрашивать: что же с пленным Мальчишем прикажет теперь Главный Буржуин делать?

Долго думал Главный Буржуин, а потом придумал и сказал:

— Мы погубим этого Мальчиша. Но пусть он сначала расскажет нам всю их Военную Тайну. Вы идите, буржуины, и спросите у него:

— Отчего, Мальчиш, бились с Красной Армией Сорок Царей да Сорок Королей, бились, бились, да только сами разбились?

— Отчего, Мальчиш, и все тюрьмы полны, и все каторги забиты, и все жандармы на углах, и все войска на ногах, а нет нам покоя ни в светлый день, ни в тёмную ночь?

— Отчего, Мальчиш, проклятый Кибальчиш, и в моём Высоком Буржуинстве, и в другом — Равнинном Королевстве, и в третьем — Снежном Царстве, и в четвёртом — Знойном Государстве в тот же день в раннюю весну и в тот же день в позднюю осень на разных языках, но те же песни поют, в разных руках, но те же знамёна несут, те же речи говорят, то же думают и то же делают?

Вы спросите, буржуины:

— Нет ли, Мальчиш, у Красной Армии военного секрета?

И пусть он расскажет секрет.

— Нет ли у наших рабочих чужой помощи?

И пусть он расскажет, откуда помощь.

— Нет ли, Мальчиш, тайного хода из вашей страны во все другие страны, по которому как у вас кликнут, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются?

Ушли буржуины, да скоро назад вернулись:

— Нет, Главный Буржуин, не открыл нам Мальчиш-Кибальчиш Военной Тайны. Рассмеялся он нам в лицо.

— Есть,—говорит он,—и могучий секрет у крепкой Красной Армии. И когда б вы ни напали, не будет вам победы.

— Есть,—говорит,—и неисчислимая помощь, и сколько бы вы в тюрьмы ни кидали, всё равно не перекидываете, и не будет вам покоя ни в светлый день, ни в тёмную ночь.

— Есть,—говорит,—и глубокие тайные ходы. Но сколько бы вы ни искали, всё равно не найдёте. А и нашли бы, так не завалите, не заложите, не засыплете. А больше я

вам, буржуинам, ничего не скажу, а самим вам, проклятым, и ввек не догадаться.

Нахмурился тогда Главный Буржуин и говорит:

— Сделайте же, буржуины, этому скрытному Мальчишу-Кибальчишу самую страшную Муку, какая только есть на свете, и выпытайте от него Военную Тайну, потому что не будет нам ни житья, ни покоя без этой важной Тайны.

Ушли буржуины, а вернулись теперь они не скоро.

Идут и головами покачивают.

— Нет,— говорят они,— начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твёрдое слово. А когда мы уходили, то опустился он на пол, приложил ухо к тяжёлому камню холодного пола, и, ты поверишь ли, о Главный Буржуин, улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?..

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивлённый Главный Буржуин.— Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат своё твёрдое слово? Торопитесь же, буржуины, и погубите этого гордого Мальчиша. Заряжайте же пушки, вынимайте сабли, раскрывайте наши буржуинские знамёна, потому что слышу я, как трубят тревогу наши сигнальщики и машут флагами наши махальщики. Видно, будет у нас сейчас не лёгкий бой, а тяжёлая битва.

И погиб Мальчиш-Кибальчиш...

Но... видели ли вы, ребята, бурю? Вот так же, как громы, загремели и боевые орудия. Так же, как молнии, засверкали огненные взрывы. Так же, как ветры, ворвались конные отряды, и так же, как тучи, пронесли красные знамёна. Это так наступала Красная Армия.

А видели ли вы проливные грозы в сухое и знойное лето? Вот так же, как ручьи, сбегая с пыльных гор, сливались в бурливые, пенистые потоки, так же при первом грохоте



войны забурлили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства.

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с её удивительным народом, с её непобедимой армией и с её неразгаданной Военной Тайной.

А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зелёном бугре у Синей Реки. И поставили над могилой большой красный флаг.

Плывут пароходы — привет Мальчишу!
Пролетают лётчики — привет Мальчишу!
Пробегут паровозы — привет Мальчишу!
А пройдут пионеры — салют Мальчишу!





СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ

Барабан висел на стене между окнами, как раз напротив кровати, где спал мальчик.

Это был старый военный барабан, сильно потёртый с боков, но ещё крепкий. Кожа на нём была туго натянута, а палочек не было. И барабан всегда молчал, никто не слышал его голоса.

Однажды вечером, когда мальчик лёг спать, в комнату вошли дедушка и бабушка. В руках они несли круглый свёрток в коричневой бумаге.

— Спит,— сказала бабушка.

— Ну, куда нам это повесить? — сказал дедушка, показывая на свёрток.

— Над кроваткой, над его кроваткой,— зашептала бабушка.

Но дедушка посмотрел на старый военный барабан и сказал:

— Нет. Мы повесим его под барабаном нашего Ларика. Это хорошее место.

Они развернули свёрток. И что же? В нём оказался новый жёлтый барабанчик с двумя деревянными палочками.

Дедушка повесил его под большим барабаном, они полюбовались им, а потом ушли из комнаты...

И тут мальчик открыл глаза.

Он открыл глаза и засмеялся, потому что вовсе не спал, а притворялся.

Он спрыгнул с кровати, босиком побежал туда, где висел новый жёлтый барабанчик, придвинул стул поближе к стене, вскарабкался на него и взял в руки барабанные палочки.

Сначала он тихонько ударил по барабанчику лишь одной палочкой. И барабанчик весело откликнулся: трам-там-там!

Что за славный был барабан!

И вдруг мальчик поднял глаза на большой военный барабан. Раньше, когда у него не было этих крепких деревянных палочек, он даже со стула не мог дотронуться до большого барабана. А теперь?

Мальчик встал на цыпочки, потянулся вверх и крепко ударил палочкой по большому барабану. И барабан прогудел ему в ответ тихо и печально...

Это было очень-очень давно. Тогда бабушка была ещё маленькой девочкой с толстыми косичками.

И был у бабушки брат. Его звали Ларик. Это был весёлый, красивый и смелый мальчик. Он лучше всех играл в городки, быстрее всех бегал на коньках, и учился он тоже лучше всех.

Ранней весной рабочие того города, где жил Ларик, стали собирать отряд, чтобы идти бороться за Советскую власть.

Ларику тогда было тринадцать лет.

Он пошёл к командиру отряда и сказал ему:

— Запишите меня в отряд. Я тоже пойду драться с белыми.

— А сколько тебе лет? — спросил командир.

— Пятнадцать! — не сморгнув ответил Ларик.

— Будто? — спросил командир. И повторил снова: — Будто?



— Да,— сказал Ларик.

Но командир покачал головой:

— Нет, нельзя, ты слишком молод...

И Ларик должен был уйти ни с чем. И вдруг возле окна, на стуле, он увидел новый военный барабан. Барабан был красивый, с блестящим медным ободком, с туго натянутой кожей. Две деревянные палочки лежали рядом.

Ларик остановился, посмотрел на барабан и сказал:

— Я могу играть на барабане...

— Неужели? — обрадовался командир.— А попробуй-ка!

Ларик перекинул барабанные ремни через плечо, взял в руки палочки и ударил одной из них по тугому верху. Палочка отскочила, будто пружинная, а барабан ответил весёлым баском:

— Бум!

Ларик ударил другой палочкой.

— Бум! — снова ответил барабан.

И уж тогда Ларик стал барабанить двумя палочками. Ух как они заплясали у него в руках! Они просто не знали удержу, они просто не могли остановиться. Они отбивали такую дробь, что хотелось встать, выпрямиться и шагать вперёд!

Раз-два! Раз-два! Раз-два!

И Ларик остался в отряде.

На следующее утро отряд уезжал из города. Когда поезд тронулся, из открытых дверей теплушки раздалась весёлая песенка Ларика:

Бам-бара-бам-бам,
Бам-бам-бам!
Впереди всех барабан,
Командир и барабанщик.

Ларик и барабан сразу стали товарищами. По утрам они просыпались раньше всех.

— Здорово, приятель! — говорил Ларик своему барабану и легонько шлёпал его ладонью.

— Здо-ро-во! — гудел в ответ барабан. И они принимались за работу.

В отряде не было даже горна. Ларик с барабаном были единственными музыкантами. По утрам они играли побудку:

Бам-бара-бам,
Бам-бам-бам!
С добрым утром,
Бам-бара-бам!

Это была славная утренняя песня!

Когда отряд шёл походным маршем, у них была припасена другая песня. Руки Ларика никогда не уставали, и голос барабана не умолкал всю дорогу. Бойцам было легче шагать по топким осенним дорогам. Подпевая своему барабану, они шли от привала к привалу, от привала к привалу...

И вечером на привалах барабану тоже находилась работа. Только ему одному, конечно, справиться было трудно.

Он только начинал:

Эх! Бам-бара-бам,
Бам-бара-бам!
Веселей всех
Барабан!

Сразу же подхватывали деревянные ложки:

И мы тоже ловко бьём,
Бим-бири-бом,
Бим-бири-бом!

Потом вступали четыре гребешка:

Не отстанем мы от вас,
Бимс-бамс, бимс-бамс!

И уже последние начинали губные гармошки.

Вот это было веселье! Такой замечательный оркестр можно было слушать хоть всю ночь.

Но была у барабана и Ларика ещё одна песня. И эта песня была самая громкая и самая нужная. Где бы ни были бойцы, они сразу узнавали голос своего барабана из тысячи других барабанных голосов. Да, если нужно было, Ларик умел бить тревогу...



Прошла зима. Снова наступила весна. Ларику шёл уже пятнадцатый год.

Красногвардейский отряд снова вернулся в тот город, где вырос Ларик. Красногвардейцы шли разведчиками впереди большой сильной армии, и враг убегал, прячась, скрываясь, нанося удары из-за угла.

Отряд подошёл к городу поздно вечером. Было темно, и командир приказал остановиться на ночлег возле леса, недалеко от полотна железной дороги.

— Целый год я не видал отца, матери и младшей сестрёнки,— сказал Ларик командиру.— Я даже не знаю, живы ли они. Можно их навестить? Они живут за тем леском...

— Что ж, иди,— сказал командир.

И Ларик пошёл.

Он шёл и чуть слышно насвистывал. Под ногами в мелких весенних лужицах булькала вода. Было светло от луны. За спиной у Ларика висел его боевой товарищ — военный барабан.

Узнают ли его дома? Нет, младшая сестрёнка, конечно, не узнает. Он нащупал в кармане два розовых пряника. Этот гостинец он давно припас для неё...

Он подошёл к опушке. Как здесь было хорошо! Лес стоял тихий-тихий, весь посеребрённый лунным светом.

Ларик остановился. От высокой ели падала тень. Ларик стоял, укрытый этой чёрной тенью.

Вдруг тихо щёлкнула сухая ветка.

Одна справа. Другая слева. За спиной...

На опушку вышли люди. Их было много. Они шли длинной цепью. Винтовки наперевес. Двое остановились почти рядом с Лариком. На плечах белогвардейские погоны. Один офицер сказал другому очень тихо:

— Часть солдат идёт со стороны леса. Другая — вдоль железнодорожной линии. Остальные заходят с тыла.

— Мы замкнём их в кольцо и уничтожим,— сказал второй.

И, крадучись, они прошли мимо.

Это были враги.

Ларик глубоко вздохнул. Он стоял в тени. Его не заметили.

Ларик потёр ладонью горячий лоб. Всё понятно. Значит, часть солдат идёт из леса. Другие заходят с тыла. Часть — вдоль полотна железной дороги...

Белые хотят замкнуть их отряд в кольцо и уничтожить.

Нужно бежать туда, к своим, к красным. Нужно предупредить, и как можно скорее.

Но разве он успеет? Они могут опередить его. Они могут поймать его по дороге...

Нет! Сделать нужно по-другому.

И Ларик быстро повернул к себе свой боевой барабан, вынул из-за ремня деревянные палочки и, широко взмахнув руками, ударил по барабану.

Тревога!

Это прозвучало, как выстрел, как тысяча коротких ружейных залпов.

Тревога!

Весь лес откликнулся, загудел, забарабанил громким эхом, будто возле каждого дерева стоял маленький смелый барабанщик и бил в боевой барабан.

Ларик стоял под елью и видел, как к нему со всех сторон устремились враги. Но он не двинулся с места. Он только колотил, колотил, колотил в барабан. Это была их последняя песня — песня боевой тревоги.

И только когда что-то ударило Ларика в висок и он упал, барабанные палочки сами выпали у него из рук...

Ларик уже не мог видеть, как навстречу врагу с винтовками наперевес устремились красные бойцы и как побеждённый враг бежал и со стороны леса, и со стороны города, и оттуда, где блестели тонкие линии железнодорожного полотна.

Утром в лесу снова стало тихо. Деревья, стряхивая капли влаги, поднимали к солнцу прозрачные верхушки, и только у старой ели широкие ветви лежали совсем на земле.

Бойцы принесли Ларика домой. Глаза его были закрыты.



Барабан был с ним. Только палочки остались в лесу, там, где они выпали у Ларика из рук.

И барабан повесили на стену.

Он прогудел последний раз — громко и печально, будто прощаясь со своим славным боевым товарищем.

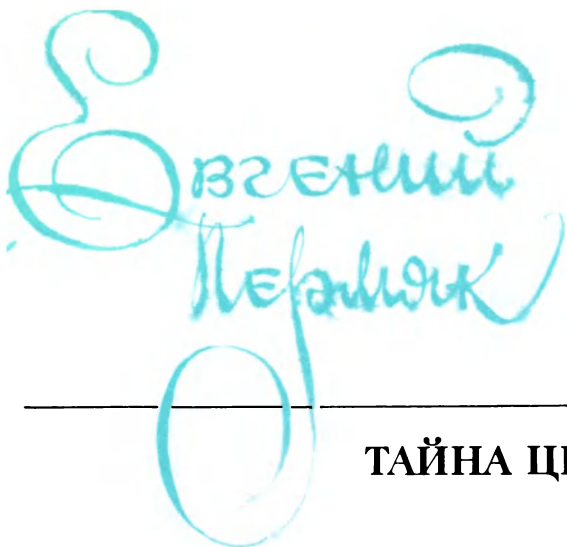
Вот что рассказал мальчику старый боевой барабан.

Мальчик тихонько слез со стула и на цыпочках вернулся в постель.

Он долго лежал с открытыми глазами, и ему казалось, будто он идёт по широкой красивой улице и крепко колотит в свой новый жёлтый барабанчик. Голос у барабанчика громкий, смелый, и они вместе поют любимую песенку Ларика :

Бам-бара-бам,
Бам-бара-бам!
Впереди всех барабан,
Командир и барабанщик.





ТАЙНА ЦЕНЫ

У дедушки Гордея лёгкая работа была. Он из раковин пуговицы высекал. При дедушке дотошный паренёк-сирота Сергунька за родного внука жил. Всё-то ему знать надо, до сути дойти. Как-то понадобилось Сергуньке обутки, одежду исправить. Вырос из старого и к тому же поизносил. Гордей и говорит ему:

— Пойдём, Сергунька, на берег — хорошие обутки, пригожую одежду искать.

— А разве её на берегу ищут? — спрашивает Сергунька.

— Пойдём, внук, увидим.

Пришли.

— Гляди, внук, сколько сапожонок, рубашонок, порток, картузов на берег волны повыбросили! Знай собирай в мешок, — говорит дед Гордей и не смеётся.

— Да это же раковины, дедушка! Как их наденешь?

— А ты, внук, знай собирай! Дома разберёмся.

Набрали они по мешку раковин, пришли домой, выварили их, пообчистили как надо и за работу принялись. Пуговицы высекать стали.

Гордей высекает, Сергунька зачищает. Дед дырочки в пуговичках сверлит, а внук их по дюжине на листки пришивает.

Весело дело идёт.

Много дюжин наделали. Хорошие пуговички получились. Крупные, с радужным отливом. В город поехали, в лавку сдали, расчёт получили. Хватило расчёта на сапоги и на картуз, на рубаху и на штаники, да ещё на чай-сахар, белый хлеб осталось. И новые свёрла купили.

Довольнёшенек дед. Посмеивается, трубочкой попыхивает:

— Гляди, Сергунька, сколько мы всякого добра из раковин добыли!

Задумался дотошный Сергунька, деда спрашивает:

— Как же это так получилось, что даровые раковины стоить стали? Новым картузом обернулись, кумачовой рубахой, плисовыми портками, сапогами со скрипом стали?

— Цена в них вошла,— говорит на это дед.

— А когда она в них вошла, дедушка?

— Не ведаю.

— Может быть, при высечке?

— Знал бы, так сказал,— хитрит дед. Хочется ему, чтобы внук сам до сути дошёл.

А внук своё:

— Может быть, при сверловке, дедушка?

А тот опять хитрит:

— Не ведаю. Тайная это сила для меня. Давно на берег хожу — даровые раковины ношу, а отчего они стоить начинают, когда в них цена входит, ума не приложу. Сходи-ка ты к гончару-кувшиннику. Может быть, у него выведаешь, когда тайная сила цены в даровую глину входит.

Пришёл Сергунька к гончару-кувшиннику. Видит: гончар даровую глину в горе копает, с песком её мнёт и водой разбавляет. Квасит.

Сергунька глаз не спускает. Смотрит, когда в даровую глину цена войдёт.

Кувшинник тем часом бросил комок мятой глины на кружало, завертел его и принялся кувшин выкруживать. Выкружил кувшин, взял другой комок глины мятой, вытянул его, выгнул лебяжьей шеей и на кувшин ручкой приставил. Потом достал резец-палочку и принялся изукрашивать



кувшин. Изукрасил его цветами-розами, заморскими птицами, виноградом-смородиной, потом раскрасил кисточкой и обжигать стал.

Обжѣг кувшинник кувшин, вынул из печи. Сергунька даже попятился, загляделся на синих птиц с изморозью, на золотой виноград с чернедью. Незнаемой цены кувшин. А когда в него цена вошла, этого он не увидел, и кувшинник толком сказать не может.

— То ли,— говорит,— на кружале, то ли,— говорит,— в печи. А может быть, она от резца-палочки. Сходи-ка лучше, парень, к лодочнику. Он из дерева ценные лодки выдалбливает. Там, может, виднее будет.

Тоже хитѣр был дедушкин однокашник. Хотел, чтобы Сергунька сам хитрую тайну цены понял.

Пришѣл Сергунька к лодочнику в тайгу. Лодочник в два обхвата даровое дерево валит. Отпилил сколько надо, долбить лодку принялся. Выдолбил, обтесал, распарил, бока распорками развѣл. Развернулась лодка. Нос, корма поднялись — цену лодке прибавили.

Смекать Сергунька начал, как и чем лодочник в дерево цену загоняет. К другим глядеть пошѣл. К мочальникам, что даровое липовое лыко дерут-мочат, в мочалу треплют, а из мочалы стѣящие кули ткут. У берестовщиков побывал, что из даровой бересты туески-лукошки, пестерьки-сумки на продажу вырабатывают, а до корня цены не дошѣл.

И у рыбаков побывал. Рыба тоже даровой в реке плавает, а поймай ее — в ней тайная сила цены объявится. И всюду так. Глядеть — замок прост, а ключа не находится.

К каменотѣсу забрѣл. Разговорился про ключ цены. А тот ему и говорит:

— Пока сам работать не начнёшь, ключа не найдёшь.

Очень хотелось Сергуньке ключ цены найти. Пробовать стал камни тесать. Не сразу. Сначала подтаскивал. Подтащит камень-другой и ценить его начнѣт. В горе лежал камень — даровым был. На место пришѣл — стоять начал.

Научил его каменотѣс бока у камня прямить. Для строительства не какой попало камень идѣт — мерный. Отешет

Сергунька другой-третий камень. Видит — опять в них цена прибывала.

Фаску научил его каменотёс снимать. Как даст Сергунька фаску камню — его цена чуть не вдвое вырастет.

Ну, а когда пузатые колонки, кудрявые капительки научился Сергунька из камня высекать, тогда и спрашивать больше не стал, в чём тайная сила цены. Сам понял. Понял и решил у дедушки побывать.

Приходит к дедушке и говорит:

— Я, дедушка, каменотёсом стал. Львов-тигров, даже ценных каменных див высекаю. Яшменные пуговицы тебе на пробу высек. Бери.

Глядит дед на подарок: одна другой пуговицы краше.

— Большую цену за них дали бы,— говорит дед Гордей.— А в чём тайная сила цены, выведал?

— Нет, дедушка, не выведал. Сам дошёл, когда работать начал. В руках, дедушка, тайная сила цены. В руках. В моих, в твоих, в кувшинниковых, лодочниковых — в трудовых руках...

Так открыл Сергей великую тайну цены. И на что ни поглядит теперь — на дом ли, на стол ли, на узорчатую ткань, на ржаной хлеб, на радужные пуговицы,— труд человека видит: цену всех цен, корень всех ценностей-драгоценностей нашей земли и самой жизни.





ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

I

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой, рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

II

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.



Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штаннины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

III

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный,— это Ивашка смекнул сразу! Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину.

И вот он прочёл такую надпись:

**КТО СНЕСЁТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЁТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЁТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЁТ ЖИТЬ СНАЧАЛА.**

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

IV

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мохальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжело».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые, очень просто, могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела.

Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

V

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он. — Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза такую жизнь видел. Это когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от



конюшни колхозной до самой школы. Это когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

VI

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке. — А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, но это тогда, когда мы — ещё неумело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бок мне рассекли лицо, но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одоле-

вает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку, протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, какая она сейчас,— могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

VII

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. «А что, — думаю, — дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. — Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошёл прочь — своей дорогой.



ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА

Жила-была Машенька-рукодельница, и была у неё волшебная иголочка. Сошьёт Маша платье — само себя платье стирает и гладит. Разошьёт скатерть пряниками да конфетками, постелит на стол, глядь — и впрямь сладости появляются на столе. Любила Маша свою иголочку, берегла её пуще глаза и всё-таки не уберегла. Пошла как-то в лес по ягоды и потеряла. Искала, искала, всю травку обшарила — нет как нет её иголки. Села Машенька под дерево и давай плакать.

Пожалел девочку Ёжик, вылез из норки и дал ей свою иголку:

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Поблагодарила его Маша, взяла иголочку, а сама подумала: «Не такая моя была».

И снова давай плакать.

Увидела её слёзы высокая старая Сосна — бросила ей свою иголку:

— Возьми, Машенька, может, она тебе пригодится!

Взяла Машенька, поклонилась Сосне низко и пошла по лесу. Идёт, слёзы утирает, а сама думает: «Не такая эта иголочка, моя лучше была».

Вот повстречался ей Шелкопряд, идёт — шёлк прядёт, весь шёлковой ниткой обмотался.

— Возьми, Машенька, мой шёлковый моточек, может, он тебе пригодится.

Поблагодарила его девочка и стала спрашивать:

— Шелкопряд, Шелкопряд, ты давно в лесу живёшь, давно шёлк прядёшь, золотые нитки делаешь из шёлка, не знаешь ли, где моя иголка?

Задумался Шелкопряд, покачал головой...

— Иголка твоя, Машенька, у Бабы-Яги — костяной ноги. В избушке на курьих ножках. Только нет туда ни пути, ни дорожки. Мудрено достать её оттуда.

Стала Машенька просить его рассказать, где Баба-Яга — костяная нога живёт.

Рассказал ей всё Шелкопряд:

— Идти туда надо не за солнцем, а за тучкой,

По крапивке да по колючкам,

По овражкам да по болотцу

До самого старого колодца.

Там и птицы гнёзд не вьют,

Одни жабы да змеи живут,

Да стоит избушка на курьих ножках,

Сама Баба-Яга сидит у окошка,

Вышивает себе ковёр-самолёт,

Горе тому, кто туда пойдёт.

Не ходи, Машенька, забудь свою иголку,

Возьми лучше мой моточек шёлку!

Поклонилась Машенька Шелкопряду в пояс, взяла шёлку моточек и пошла, а Шелкопряд ей вслед кричит:

— Не ходи, Машенька, не ходи!

У Бабы-Яги избушка на курьих ножках,

На курьих ножках в одно окошко.

Сторожит избушку большая Сова,

Из трубы торчит Совиная голова,

Ночью Баба-Яга твоей иголкой шьёт,

Вышивает себе ковёр-самолёт.

Горе, горе тому, кто туда пойдёт!



Страшно Машеньке к Бабе-Яге идти, да жалко ей свою иголочку.

Вот выбрала она в небе тёмную тучку,
Повела её тучка
По крапиве да по колючкам
До самого старого колодца,
До зелёного мутного болотца,
Туда, где жабы да змеи живут,
Туда, где птицы свои гнёзда не вьют.
Видит Маша избушку на курьих ножках,
Сама Баба-Яга сидит у окошка,
А из трубы торчит Совиная голова...

Увидела Машу страшная Сова да как заохает, закричит на весь лес:

— Ох-хо-хо-хо! Кто здесь? Кто здесь?

Испугалась Маша, подкосились у неё ноги от страха. А Сова глазами ворочает, и глаза у неё, как фонари, светятся, один жёлтый, другой зелёный, всё кругом от них жёлто да зелено!

Видит Машенька, некуда деться ей, поклонилась Сове низко и просит:

— Позволь, Совушка, Бабу-Ягу повидать. У меня к ней дело есть!

Засмеялась Сова, заохала, а Баба-Яга ей из окошка кричит:

— Сова моя, Совушка, само жаркое к нам в печку лезет!

И говорит она девочке так ласково:

— Входи, Машенька, входи!

Я сама тебе все двери открою,

Сама их за тобой и закрою!

Подошла Машенька к избушке и видит: одна дверь железным засовом задвинута, на другой тяжёлый замок висит, на третьей — литая цепь.

Бросила ей Сова три пёрышка.

— Открой,— говорит,— двери да входи поскорее!

Взяла Маша одно пёрышко, приложила к засову — открылась первая дверь, приложила второе пёрышко к замку — открылась вторая дверь, приложила она третье пёрышко к литой цепи — упала цепь на пол, открылась перед ней третья дверь! Вошла Маша в избушку и видит: сидит Баба-Яга у окошка, нитки на веретено мотает, а на полу ковёр лежит, на нём крылья шёлком вышиты и Машина иголочка в недошитое крыло воткнута.

Бросилась Маша к иголочке, а Баба-Яга как ударит по мелом об пол, как закричит:

— Не трогай мой ковёр-самолёт! Подмети избу, наколи дров, истопи печку, вот кончу ковёр, зажарю тебя и съем!

Схватила иголочку Баба-Яга, шьёт и приговаривает:

— Девчонка, девчонка, завтра ночью

Ковёр дошью да с Совушкой-Совой попирую,

А ты гляди, чтобы избу подмела

И сама бы в печке была!

Молчит Машенька, не откликается,

А ночка чёрная уже надвигается...

Улетела чуть свет Баба-Яга, а Машенька скорей села ковёр дошивать. Шьёт она, шьёт, головы не поднимает, уж три стебелька осталось ей дошить, как вдруг загудела вся чаща вокруг, затряслась, задрожала избушка, потемнело синее небо — возвратилась Баба-Яга и спрашивает:

— Сова моя, Совушка,

Хорошо ли ты ела и пила?

Вкусная ль девчонка была?

Застонала, заохала Сова:

— Не ела, не пила Совиная голова,

А девчонка твоя живёхонька-жива.

Печку не топила, себя не варила,

Ничем меня не кормила.

Вскочила Баба-Яга в избу, а иголочка Машеньке шепчет:

— Вынь иголочку сосновую,

Положи на ковёр как новую,

Меня спрячь подальше!

Улетела опять Баба-Яга, а Машенька скорей за дело принялась: шьёт-вышивает, головы не поднимает, а Сова ей кричит:

— Девчонка, девчонка, почему из трубы дым не поднимается?

Отвечает ей Машенька:

— Сова моя, Совушка,
Плохо печь разгорается.

А сама дрова кладёт, огонь разжигает.

А Сова опять:

— Девчонка, девчонка, кипит ли вода в котле?

А Машенька ей отвечает:

— Не кипит вода в котле.
Стоит котёл на столе.

А сама ставит на огонь котёл с водой и опять за работу садится. Шьёт Машенька, шьёт, так и бегают иголочка по ковру, а Сова опять кричит:

— Топи печку, я есть хочу!

Подложила Маша дров, пошёл дым к Сове.

— Девчонка, девчонка! — кричит Сова. — Садись в горшок, накройся крышкой и полезай в печь!

А Маша и говорит:

— Я бы рада тебе, Совушка, угодить, да в горшке воды нет!

А сама все шьёт да шьёт, уж один стебелёк ей остался.

Вынула у себя Сова пёрышко и бросила ей в окошко:

— На, открой дверь, сходи за водой, да смотри мне, коль увижу, что ты бежать собираешься, кликну Бабу-Ягу, она тебя живо догонит!

Открыла Машенька дверь и говорит:

— Сова моя, Совушка, сойди в избу да покажи, как надо в горшок садиться, как крышкой накрыться.

Рассердилась Сова да как прыгнет в трубу и в котёл угодила! Задвинула Маша заслонку, а сама села ковёр доши-



вать. Как вдруг задрожала земля, зашумело всё вокруг, вырвалась у Маши из рук иголочка:

— Бежим, Машенька, скорей,
Открывай трое дверей,
Бери ковёр-самолёт,
Беда на нас идёт!

Схватила Машенька ковёр-самолёт, открыла Совиным пёрышком двери и побежала. Прибежала в лес, села под Сосной ковёр дошивать. Белеет в руках проворная иголочка, блестит, переливается шёлковый моточек ниток, совсем немножко остаётся дошить Маше.

А Баба-Яга вскочила в избушку, потянула носом воздух и кричит:

— Сова моя, Совушка,
Где ты гуляешь,
Почему меня не встречаешь?
Вытащила она из печки котёл, взяла большую ложку, ест и похваливает:

— До чего девчонка вкусна,
До чего похлёбка жирна!

Съела она всю похлёбку до самого донышка, глядит — а на донышке Совиные пёрышки! Глянула на стенку, где ковёр висел, а ковра-то и нет! Догадалась она тут, в чём дело, затряслась от злости, схватила себя за седые космы и давай по избе кататься:

— Я тебя, я тебя
За Совушку-Сову
В клочки разорву!

Села она на своё помело и взвилась в воздух; летит, сама себя веником прищипоривает.

А Машенька под Сосной сидит, шьёт, торопится, уж последний стежок ей остаётся. Спрашивает она Сосну высокую:

— Сосна моя милая,
Далеко ли ещё Баба-Яга?

Отвечает ей Сосна :

— Пролетела Баба-Яга Зелёные Луга,
Помелом взмахнула, на лес повернула...

Ещё пуще торопится Машенька, уж совсем ей немного остаётся, да нечем дошить, кончились у неё нитки шёлковые. Заплакала Машенька. Вдруг откуда ни возьмись — Шелкопряд:

— Не плачь, Машенька, на́ тебе шёлку,
Вдень мою нитку в иголку!

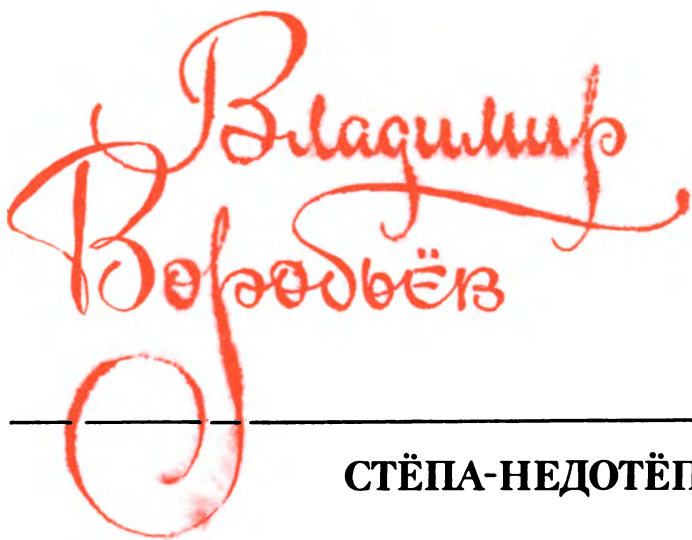
Взяла Маша нитку и опять шьёт.

Вдруг закачались деревья, поднялась дыбом трава, налетела Баба-Яга как вихрь! Да не успела она на землю спуститься, как подставила ей Сосна свои ветки, запуталась она в них и прямо около Маши на землю упала.

А уж Машенька последний стежок дошила и ковёр-самолёт расстелила, только сесть на него остаётся.

А Баба-Яга уже с земли поднимается. Бросила в неё Маша ежину иголку: прибежал старый Ёж, кинулся Бабе-Яге в ноги, колет её своими иголками, не даёт с земли встать. А Машенька тем временем на ковёр вскочила, взвился ковёр-самолёт под самые облака и в одну секунду домчал Машеньку домой.

Стала жить она, поживать, шить-вышивать людям на пользу, себе на радость, а иголочку свою берегла пуще глаза. А Бабу-Ягу затолкали ежи в болото, там она и затонула на веки вечные.



СТЁПА-НЕДОТЁПА

Ходил Стёпа по селу. Не причёсан. Не умыт. На одной ноге сапог, на другой — ботинок.

И смеялись над ним всем селом. И бранили его всем колхозом.

— Гляди, Стёпка пошёл, глаза заспанные!

— Недотёпа идёт, распоясанный.

— Не пора ли, Степан, человеком стать? Не пора ль тебе за работу взяться?

Однажды Стёпа сказал колхозникам:

— Буду землю па-ахать,— и в кулак зевнул.

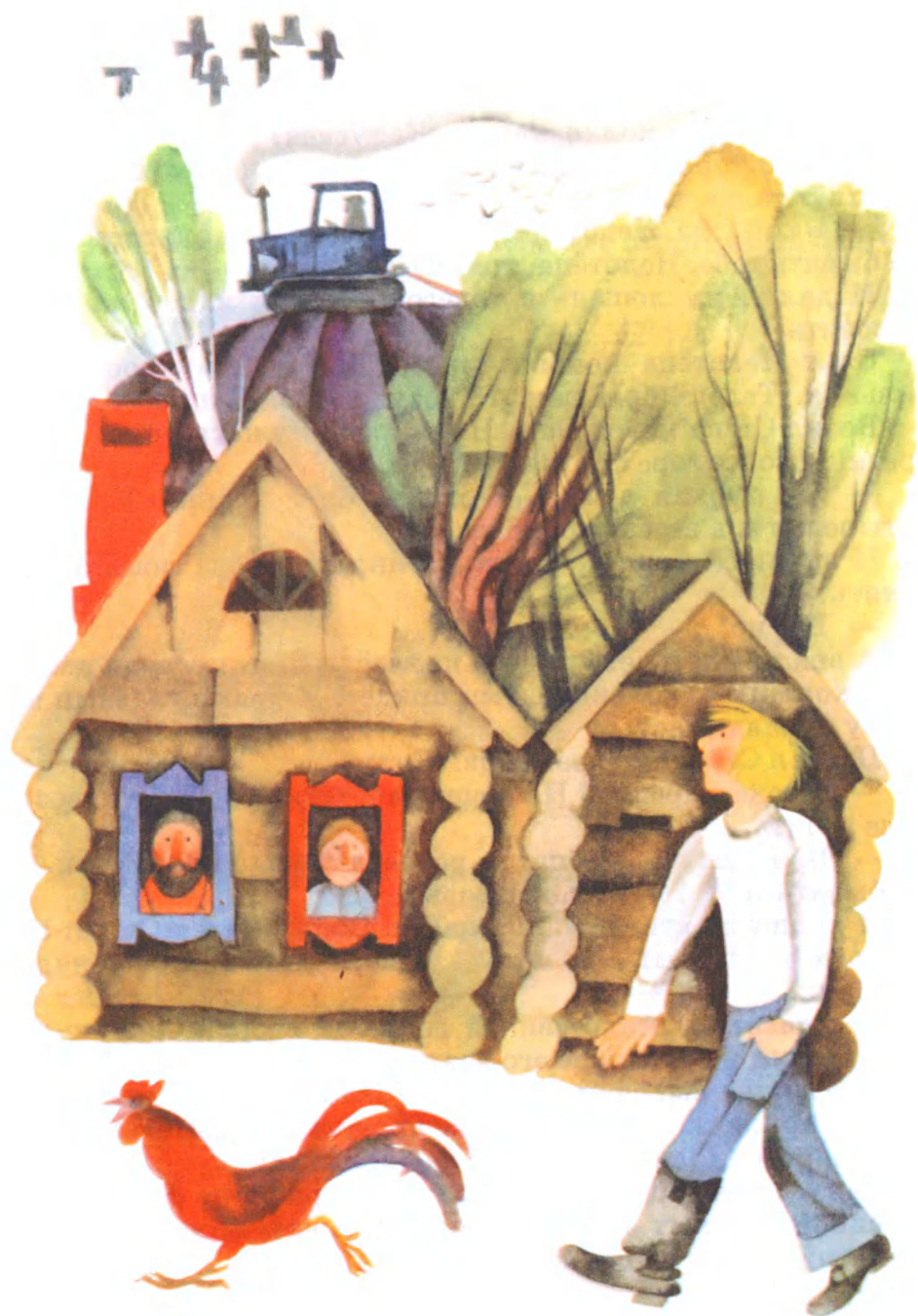
Дали ему колхозники трактор. Показали, как мотор заводить. Как руль крутить. Куда заливать горючее, а куда воду. И стал Стёпа трактористом.

Взялся поле пахать.

Вот пашет он день. Запахал поле вдоль. На второй день наскучило. Начал поле поперёк пахать. А на третий день и вовсе горе его взяло.

— Ты плохая машина,— сказал он трактору.— Сам железный, а есть просишь. Горючее, как телёнок молоко, со-сёшь. Ты у меня без горючего поработай.

И заправил трактор одной водой.



Принялся Стёпа трактор заводить. А он не заводится. Молчит, не урчит. Посреди поля стоит. Как вкопанный. Фарами на Стёпу уставился.

Позвал Стёпа колхозников. Жалуется:

— Трактор плохой! Не хочет работать. Не хочет за собой плуг таскать.

— Экий ты Недотёпа! — рассердились колхозники. — Не бывать тебе, Недотёпа, трактористом.

И дали ему лошадь с телегой. Велели навоз на поле вывозить.

Стал Недотёпа коновозчиком. Лошадь ему досталась сильная. Телега большая. Навозу много. И поле близко.

Возил Стёпа навоз день. На второй ему наскучило. А на третий и вовсе горе его взяло.

— Ты плохая лошадь, — сказал он лошади. — У самой четыре ноги, а везёшь один воз.

И впряг её в четыре воза. Принялся Стёпа лошадь погонять:

— Но, но!

А она не идёт, четыре воза не везёт. Стоит посреди двора как вкопанная. Только ушами прядёт. Умными глазами на Стёпу поглядывает.

Позвал Стёпа колхозников. Жалуется:

— Плохая лошадь! Не хочет работать. Не хочет навоз в поле возить.

— Экий ты Недотёпа! — рассердились колхозники. — Не бывать тебе, Недотёпа, ездовым.

И дали ему стадо свиней пасти. Обрадовался Стёпа. На свиньях не пахать, не возить. Ни горючего им не надо, ни сбруи.

Вот пасёт он стадо свиней день. На второй наскучило. А на третий и вовсе горе его взяло.

— Свиньи вы, свиньи и есть, — сказал он свиньям. — Не умеете прилично вести себя на прогулке. Будете теперь у меня парами ходить, как ребята-школьники.

Связал Стёпа свиней хвостами попарно и по селу повёл. А свиньи не хотят в парах ходить. Визжат, верещат на чём свет стоит. Друг на дружку валяются.

Увидали это колхозники — сами к Стёпе бегут, бранятся:

— Эх ты, Недотёпа! Ничего ты делать толком не можешь. Не бывать тебе, видно, Недотёпа, колхозником...

Где сейчас Стёпа-Недотёпа? Куда пошёл? Неизвестно. Но кто его встретит — узнаёт сразу.

Не причёсан, не умыт. На одной ноге сапог, на другой — ботинок. И глаза заспанные.





СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и всё время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню.

А приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё «успею» да «успею».

И вот однажды пришёл Петя Зубов в школу, как всегда, с опозданием. Вбежал в раздевалку. Шлёпнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тётя Наташа! Возьмите моё пальтишко!

А тётя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалок:

— Кто меня зовёт?

— Это я. Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хриплый? — спрашивает тётя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того ни с сего.

Вышла тётя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петю да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

— Тётя Наташа, что с вами?

— Как что? — отвечает тётя Наташа. — Вы говорили, что вы Петя Зубов, а на самом деле вы, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тётя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли у него окладистая борода, усы. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом:

— Мама! — и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

— Ну уж если и мама меня не узнает, тогда всё пропало.

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит на Петю и молчит. И Петя молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама наконец.

— Ты меня не узнаёшь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама.

Отвернулся бедный Петя и пошёл куда глаза глядят.

Идёт он и думает:

— Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей... И главное, ничему не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя. А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут: ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на двойки да на тройки. Что же со мною будет?

Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же всё это кончится?

Так Петя думал и шагал, шагал и думал и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шёл он по лесу, пока не стемнело.

— Хорошо бы отдохнуть,— подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за ёлками, белеет какой-то домик. Вошёл Петя в домик — хозяев нет. Стоит посреди комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре табуретки. Ходики тикают на стене. А в углу горою навалено сено.

Лёг Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, заплакал тихонько, утёр слёзы бородой и уснул.

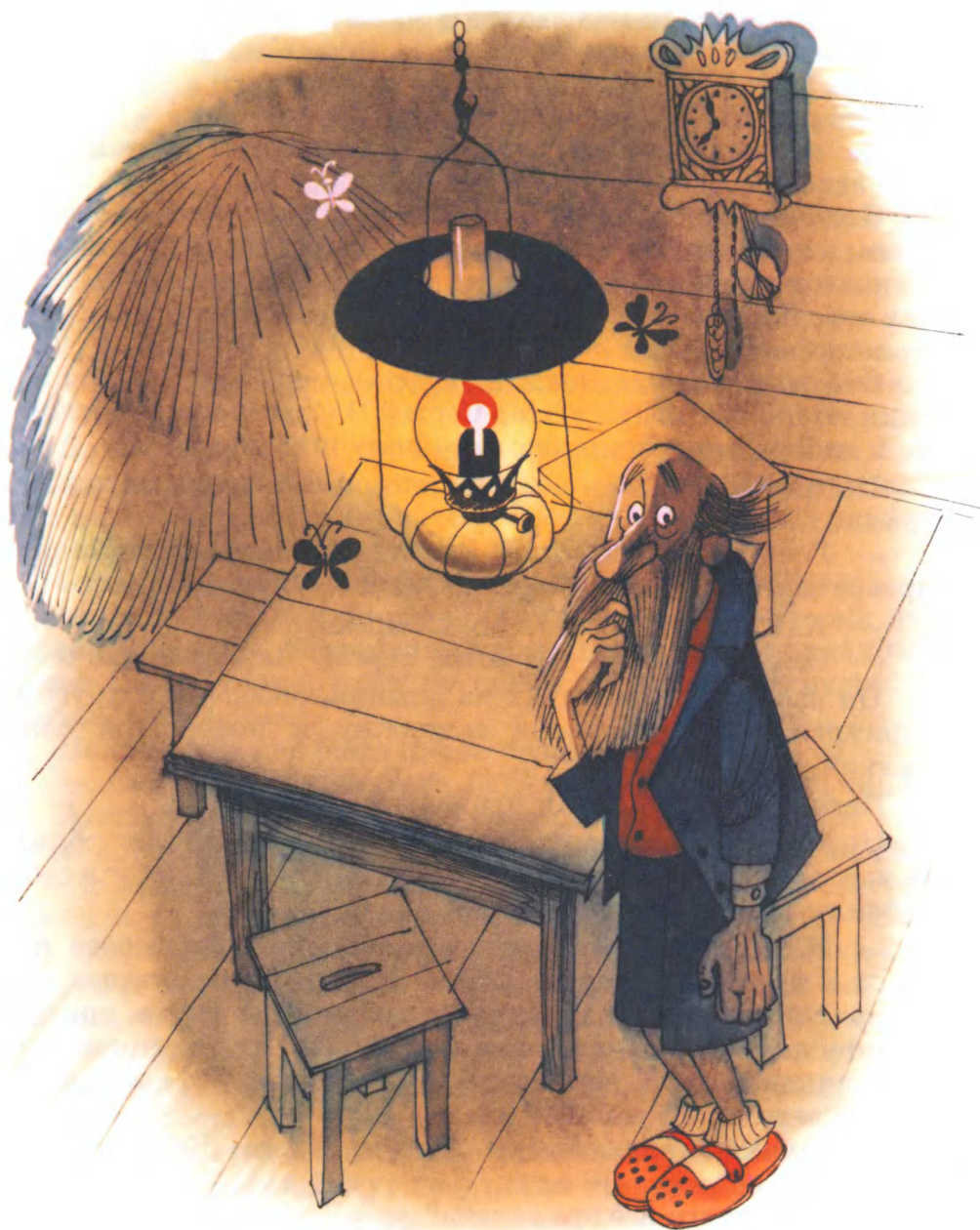
Просыпается Петя — в комнате светло, керосиновая лампа горит под стеклом. А вокруг стола сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счёты лежат перед ними. Ребята считают и бормочут:

— Два года, да ещё пять, да ещё семь, да ещё три... Это вам, Сергей Владимирович, а это ваши, Ольга Капитоновна, а это вам, Марфа Васильевна, а это ваши, Пантелей Захарович.

Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кричат они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени-отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одинокой лесной избушке?

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово. И страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злые волшебники и злые волшебницы сидели за столом! Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И злые волшебники разведали об этом и давай ловить ребят, теряющих время понапрасну. И вот поймали волшебники Петю Зубова, и ещё одного мальчика, и ещё двух девочек и превратили их в стариков. Состарились бедные дети, и сами этого не заметили: ведь человек, напрасно теряющий время, не замечает, как стареет. А время, потерянное ребятами,— забрали волшеб-



ники себе. И стали волшебники малыми ребятами, а ребята — старыми стариками.

Как быть?

Что делать?

Да неужели же не вернуть ребятам потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович — главный из них — не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам. Покрутил стрелки, подёргал гири, послушал, как тикает маятник, и опять защёлкал на счётах.

Считал, считал он, шептал, шептал, пока не показали ходики полночь. Тогда смешал Сергей Владимирович костяшки и ещё раз проверил, сколько получилось у него.

Потом подозвал он волшебников к себе и заговорил негромко:

— Господа волшебники! Знайте — ребята, которых мы превратили сегодня в стариков, ещё могут помолодеть.

— Как? — вскрикнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обошёл его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворошил сено палкой.

Петя Зубов замер, как мышка.

Но керосиновая лампа светила тускло, и злой волшебник не увидел Пети. Подозвал он остальных волшебников к себе поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в стариков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда к нам и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети снова станут детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им всё это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам ночи. Хоть на минуту, да опоздают.

А Марфа Васильевна пробормотала:

— Да куда им! Да где им! Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют, сразу собьются!

— Так-то оно так,— ответил Сергей Владимирович.— А всё-таки пока что держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки— нам тогда и с места не сдвинуться. Ну а пока нечего время терять— идём на работу.

И волшебники, спрятав счёты в стол, побежали, как дети, но при этом кряхтели, охали и вздыхали, как настоящие старики.

Дождлся Петя Зубов, пока затихли в лесу шаги. Выбрался из домика. И, не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город ещё не проснулся. Темно было в окнах, пусто на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел наконец Петя Зубов— идёт не спеша по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, бабушка,— вы не школьница?

А старушка как застучит ногами да как замахнётся на Петю корзинкой. Еле Петя ноги унёс. Отдышался он немного— дальше пошёл. А город уже совсем проснулся. Летят трамваи, спешат на работу люди. Грохочут грузовики— скорее, скорее надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Дворники счищают снег, посыпают панель песком, чтобы пешеходы не скользили, не падали, не теряли времени даром. Сколько раз видел всё это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно— настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик

с ведром и кистью — это маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине старик — начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда в жизни не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей, — нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в полдень зашёл Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко на другой скамеечке старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше делать будет.

А старушка перестала плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из кармана одного газету, а из другого кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету — Петя ахнул от радости: «Пионерская правда»! — и принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а самый ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в снегу. Наклонилась она и схватила мячик. Наверное, кто-нибудь из детей, игравших в сквере, потерял этот мячик в снегу.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтёрла его старательно платочком, встала, подошла не спеша к дереву и давай играть в трёшки.

Бросился к ней Петя через снег, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка! Честное слово, вы школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петю за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я ученица третьего класса Маруся Поспелова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать остальных товарищей. Искали час,



другой, третий. Наконец зашли во второй двор огромного дома. И видят: за дровяным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скачет на одной ножке, гоняет камешек.

Бросились Петя и Маруся к ней.

— Бабушка! Вы школьница?

— Школьница! — отвечает старушка. — Ученица третьего класса Наденька Соколова. А вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детские кино, и в Дом Занимательной Науки — пропал мальчик, да и только.

А время идёт. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажгётся свет. Кончается день. Что делать? Неужели всё пропало?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай, девятый номер. А на колбасе висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развевается по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катается себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажгётся на перекрёстке красный огонь, остановился трамвай.

Схватили ребята колбасника за полы, оторвали от колбасы.

— Ты школьник? — спрашивают.

— А как же? — отвечает он. — Ученик второго класса Зайцев Вася. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за город к лесу.

Какие-то школьники ехали в этом же трамвае. Встали они, уступают нашим старикам место:

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки.

Смутились старики, покраснели и отказались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают:

— Да садитесь же! Вы за свою долгую жизнь наработались, устали. Сидите теперь, отдыхайте.

Тут, к счастью, подошёл трамвай к лесу, соскочили наши старики — и в чашу бегом.

Но тут ждала их новая беда. Заблудились они в лесу.

Наступила ночь, тёмная-тёмная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит. Я вчера не заметил дороги обратно к домику — боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы потом его сберечь.

Совсем выбились из сил старички. Но, на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на берёзу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых ёлок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

— Тише! Ни слова! За мной!

Подползли ребята по снегу к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, берегут украденное время.

— Они спят! — сказала Маруся.

— Тише! — прошептал Петя.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и поползли к ходикам. Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три — закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы заблестели у них на висках, покрылись морщинами щёки.

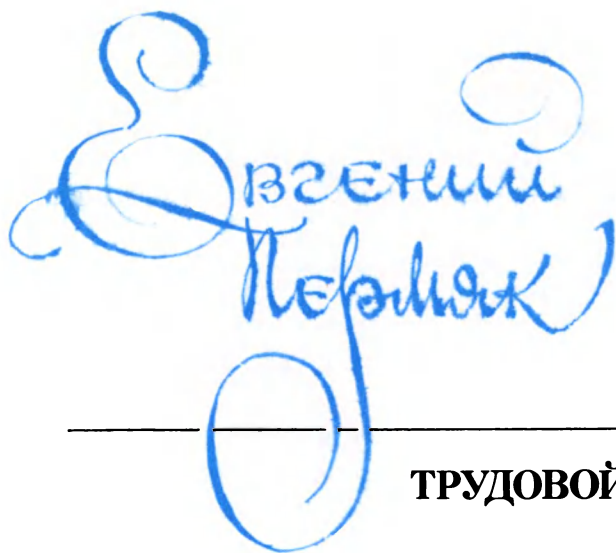
— Поднимите меня! — закричал Петя. — Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три!

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорбленными старичками. Всё ближе пригибало их к земле, всё ниже становились они. И вот на семьдесят седьмом и последнем обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и засмеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они потерянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который напрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.





ТРУДОВОЙ ОГОНЁК

У одной вдовы сын рос. Да такой пригожий, даже соседи налюбоваться на него не могли. А про мать и говорить нечего. Рукой-ногой ему шевельнуть не даёт. Всё сама да сама. Дрова-воду носит, пашет-жнёт-косит, на стороне работёнку прихватывает — лаковые сапоги да звонкую гармонь сыну зарабатывает.

Вырос у матери сын. Кудри кованым золотом вьются. Уста алые сами собой смеются. Красавец. Жених. А невесты не находится. Ни одна за него не идёт. Отворачиваются.

Что за чудеса?

А чудес тут никаких нет. Дело простое. Чужой травой в трудовом поле сын вырос. С руками — безрукий, с ногами — безногий. Ни сено косить, ни дрова рубить. Ни ковать, ни пахать. Ни корзины плести, ни двор мести, ни коров пасти.

Солому метал — с телеги упал. Рыбу ловил — в пруд угодил, еле вытащили. Дрова носил — живот занозил. Кто такого товарищем назовёт?

Хороводы водить не зазывают. Работать напарником не принимают. Маменькиным божком, лаковым сапожком

кличут. Круглым неумельником, на завалинке посидельником дразнят. Пустоцветом величают.

Малые ребятишки и те смеются. Каково это ему?

Затосковал парень, зарыдал. Так-то он зарыдал — кирпичная печь и та вздохнула. Дубовые стены избы и те разжалобились. Пол тоскливо заскрипел. Потолок насупился, почернел, задумался. Жалеют!

А он в три ручья слёзы льёт, приговаривает:

— Зачем ты меня, матушка, так любила? Для чего ты меня, родимая, в безделье холила, в лениности пестовала, в неумельности вырастила? Куда я теперь с моими руками белыми, квёлыми, неумелыми?

Похолодела мать, обмерла. А ответить нечего.

Чистую правду ей в лицо горькими слезами сын выплеснул. Поняла мать, что её слепая любовь злосчастьем сыновним обернулась.

Ночи не спит сын — как дальше жить, не знает. Днём места не находит. Только нет на свете таких слёз, которые не выплакиваются, такого горя, которое не размыкивается, такой думы, которая не додумывается. Не зря говорят, что в тяжкий час и печь понимает, стены помогают, потолок судит, половицы с умом поскрипывают.

Наскрипели они ему, что надо, утешили. Слёзы высошили, добрый совет дали.

Обул сын тяжёлые отцовские сапоги, надел его рабочую одежду и пошёл по белому свету бездельные годы навёрстывать — заново расти.

Нелегко было рослому парню в подпасаках ходить, в двадцать один год с топором знакомство сводить, гвоздь в стену учиться бить, руки белые, квёлые, неумелые на ветру дубить.

Знают только лютый мороз да жаркое солнышко, какими трудами кудрявый сын до дела дошёл. Мастером домой вернулся. На ткачихе женился, тоже не из последних мастериц. Как родную её полюбила старая мать, особенно когда она ей внуков родила. До того пригожие они росли, хоть на карточку снимай да в рамку ставь.



Без ума любила их бабушка, только пестовала с умом. Не как сына.

Кровью, бывало, жалостливое старухино сердце обливается, когда старшенький внук в трескучий мороз дрова пилить собирается. Сердце старухе своё твердит: «Не пускай, пожалей, ознобится». А она: «Иди, милый внук-богатырь! Дубей на ветру. С морозом спорь. Отцовскую трудовую славу своим трудом подпирай».

У внучки, бывало, глазёнки слипаются, ручонки еле веретено крутят, а бабушка ей: «Ах какая у нас тонкопряха растёт проворная, да неустанная, да дрёме-сну неподатливая!»

Замиловать бы девчоночку, по пальчику бы её ловкие ручки перецеловать, а старуха изъян в пряже ищет. То в нитке тонина неровна, то слабина одолевает. На изъяны укажет и хорошее заметит. Да не просто так, а дорогой бабушкиной лаской, редким огненным словом душу девчонке осветит и согреет.

Попусту, бывало, самого любимого, меньшого внука не приласкает. За работу жалуется. Не велик труд чашку подать или там лукошко с угольями к самовару поднести, а для четырёхгодовалого и это за работу меряется.

Как про такого за столом при всей семье не сказать: «Меньшой-то у нас трудовым человеком растёт. Веник подаёт. Угли подносит. Самовар караулит. Кошку кормит».

А тот, до ушей от радости красный, сидит да на ус мотает и думает: «Какое бы ещё дело сделать, чтобы у бабушки в чести быть?» Сам себе работу ищет, дело придумывает.

Мастерами, мастерицами вырастила бабушка своих внучат. И кудри у них к лицу вьются, и дорогая лента в косе по заслугам красуется, и лаковые сапоги по делам горят. Трудовой завязи люди. Умельники. В бабушку.

Пришла трудовая власть в нашу державу. Не дожила до этих светлых дней мать-бабушка. Только и умереть не умерла.

Когда старшего внука за доменную работу награждали, горновые-то его и спрашивают:

— В кого ты, кудряш, богатырём стал? Откуда в тебе такой жар доменный?

А тот малость вздохнул, да и отвечает:

— От бабушки. В работе она меня выпестовала, в труде вырастила. От неё и огонь во мне.

А внучка-ткачиха старшему брату в подпев:

— И у меня от неё нитка не рвётся — ситец смеётся. Она меня звонкие нитки прясть выучила. Она солнечный утёк¹ в мою трудовую основу² заткала.

А младшенький внук — хлебороб — отобрал самые всхожие, самые мудрые бабушкины слова и светлыми сказками глубоко запахал их в людской памяти. Глубоко запахал, чтобы не забыли. Не забыли да другим пересказывали. Пересказывали да в живых юных душах трудовой негасимый огонёк зажигали.



¹ Утёк — поперечные нити ткани.

² Основа — продольные нити ткани.



ВИТЯ В СТРАНЕ ЛОДЫРАНТИИ

То ли под Рязанью, то ли под Казанью, то ли в самой столице — Москве живёт пионер Витя. Этот самый Витя ещё недавно был первым лодырем на свете.

Поехал Витя первый раз в жизни в пионерский лагерь. Неделю лодырничал, другую, третья наступила. Все ребята что-то мастерят, по кухне да по столовой дежурят, а Витя в тени сидит, прохлаждается. И чем дольше сидит, тем ему скучнее становится.

Вот и в то утро, когда с ним необыкновенная история приключилась, сидел Витя под деревом, глядел по сторонам.

Вдруг неведомая сила приподняла Витю и поставила на ноги. Он почувствовал, что теперь мчится изо всех сил, всё быстрее и быстрее — ноги сами несут его и он не может остановиться.

Ноги сами собой свернули в одну сторону, в другую. Затрещали кусты, ветки хлестнули Витю по лицу, расцарапали не прикрытые майкой плечи. Ноги вынесли Витю на большую поляну и остановились.

Такой поляны Витя сроду не видывал. Трава на ней росла синяя, лиловая, красная, и вся узорами, как на ковре. А посреди этого ковра стоял удивительный человечек.

Было похоже, что кто-то взял мешок, вырезал в нём дыру для головы, две дыры для рук и сунул туда толстого мальчишку. Потом взял два кожаных лаптя — без шнурков, без пуговиц и — впихнул в эти лапти мальчишкины ноги.

И вот теперь мальчишка стоял посреди поляны и таращился на Витю. Волосы у мальчишки росли как попало, щёки были круглые, пухлые: ни дать ни взять — две подушки!

Витя нагнул голову, долго разглядывал свои тапочки, потом спросил с угрозой:

— Ты чего?

Но мальчишка широко улыбнулся, пропищал то-ненько:

— Здравствуй, мальчик! Как поживаешь? Меня зовут Вялик, давай дружить.

Витя покосился на него и ничего не ответил.

Мальчишка пропищал снова:

— А тебя как зовут? Хочешь шоколадку?

— Где она у тебя? Покажи,— сказал Витя.

Вялик поднял руку, и Витя вправду увидел на его пухлой розовой ладони настоящую, в яркой обёртке шоколадку. Обёртка слетела, и шоколадка оказалась в руках у Вити.

— Ладно, я догадался,— сказал Витя.— Ты из соседнего лагеря. Вы небось к костру готовитесь, ты и вырядился...

— Из ла-ге-ря? — удивлённо переспросил Вялик.— У нас тут никакой не лагерь, а страна. Лодырантия. Волшебная.

— Ладно, ладно,— нахмурился Витя,— ты меня не разыгрывай. Думаешь, если шоколадку дал...

Но Витя не договорил. Потому что увидел дерево... Вообще это была бы самая обыкновенная рябина, если бы не игрушки. Как висят где-нибудь в саду яблоки или груши,

так с веток дерева свисали заводные автомашины и мотоциклы, куклы, шахматные доски, разные коробки с играми. А за рябиной стоял клён, увешанный тортами, конфетами и мороженым — в стаканчиках, на палочках, в серебряных обёртках.

— Ты чего испугался? Сорви, пожалуйста. Сколько хочешь, — сказал Вялик равнодушно и вздохнул. Он вообще то и дело вздыхал и говорил с трудом, медленно, будто подолгу припоминал каждое слово.

Витя подошёл к клёну и сорвал мороженое, потом ещё одно. Подумал и сорвал самую большую шоколадку, за ней — несколько ирисок. И тут же заметил, что на месте сорванных конфет и мороженого сразу выросли новые, точно такие же.

Витя попятился от дерева и рассыпал ириски.

— Ешь, не бойся, — вздохнул Вялик. Но Витя отошёл ещё дальше и со страхом огляделся.

— Вот видишь, — укорил его Вялик, — я ж тебе сказал... У нас тут волшебная страна. Лодырантия. У нас любые желания исполняются.

— А у меня тоже любое желание исполнится? — осторожно спросил Витя.

— Обязательно исполнится, — важно пообещал Вялик.

Тогда Витя успокоился. Значит, он в любую минуту — стоит только захотеть — снова окажется в своём лагере.

Витя подошёл к дереву с игрушками и сорвал себе модель подводной лодки, заводной самолёт, настольный футбол. Он хотел сорвать шахматы, домино, беговые коньки, но тут Вялик остановил его:

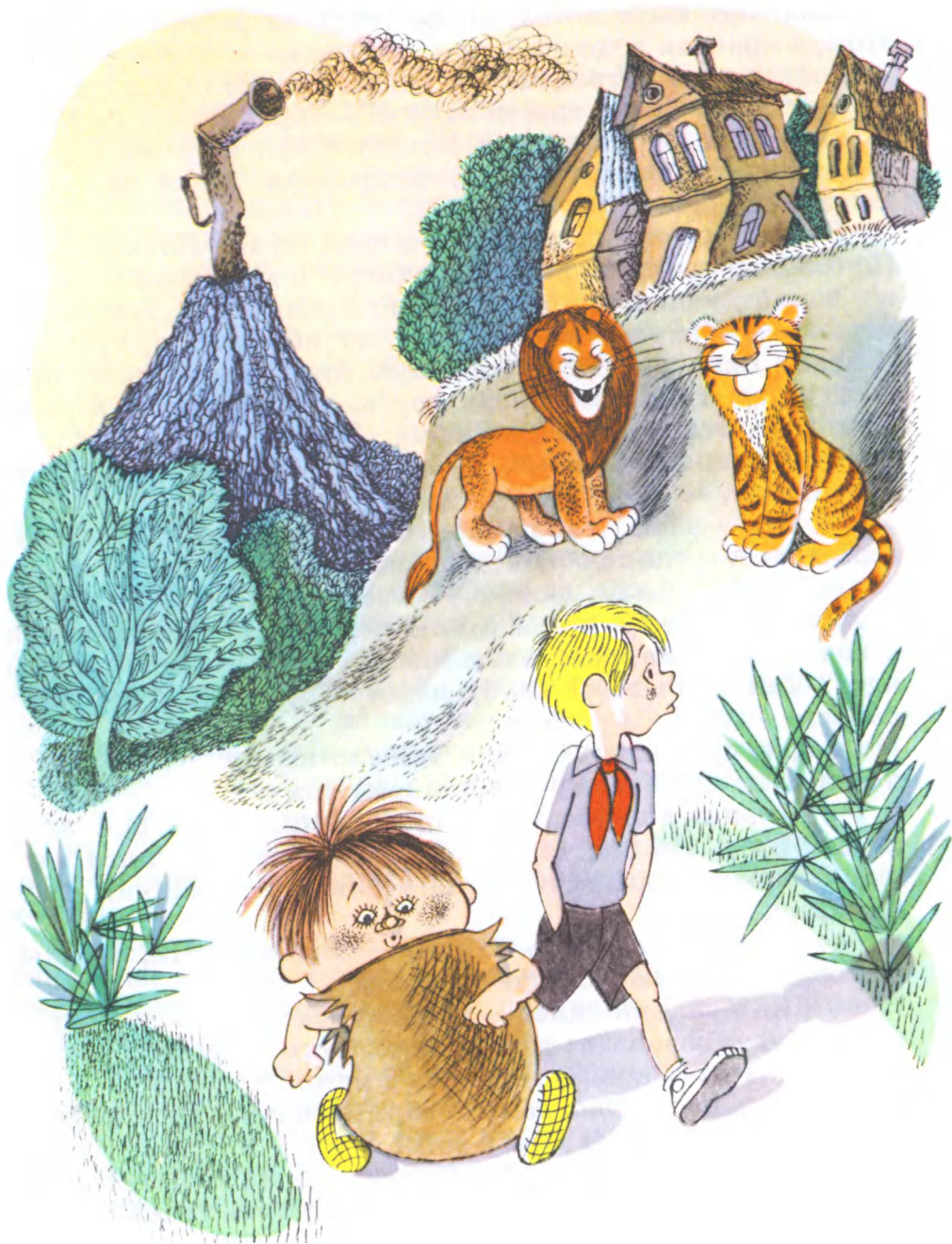
— Охота тебе столько тащить! Просто я захочу, и всё это будет у нас дома.

Вялик говорил «захочу — и будет» так же, как другие говорят «возьму да сделаю».

Витя сложил игрушки под деревом и весело побежал по светлой песчаной дорожке к высоким разноцветным домам. Неповоротливый Вялик пыхтел и топал вслед за ним.

Голубая речка пересекла дорогу.

— Хочешь лодку? — отдуваясь спросил Вялик.



Конечно, Витя хотел, но не успел он даже сказать об этом, а красная лодочка уже выплыла из-за поворота. Тонкие вёсла плавно гребли. Мальчики прыгнули в лодку.

— Ох, до чего я грести люблю! — обрадовался Витя.

Но вёсла вырвались из Витиных рук и снова плавно поднимались и опускались, направляя лодку на середину реки.

Ну и удивительно же было в этой стране Лодырантии! По берегам реки бегали львы и тигры и мурлыкали ласково, точно домашние кошки. Мимо проплывали дома — золотые, серебряные, стеклянные, из конфет, из кубиков. А вдали Витя увидел диковинную гору. К вершукке горы была приделана самоварная труба, и из трубы шёл дым.

— Что это? — спросил Витя.

— Вулкан называется. Гора такая. Она внутри вся раскалённая...

— Это я знаю, мне папа читал, — сказал Витя. — Я думал, эти горы где-то очень далеко бывают.

— Она и была далеко, — ответил Вялик. — Но один мальчик захотел — и она к нам переехала. А маленькая девочка смотрела, смотрела и говорит: «Прямо из горы дым идёт? Так не бывает! Трубу надо». Труба сразу и приделалась.

Лодка причалила. Вялик тяжело вывалился из неё и повёл Витю к высокому стеклянному дому.

— Кнопку в лифте, чур, я буду нажимать, — торопливо сказал Витя. Но вместо лифта к их ногам опустился мягкий бархатный диванчик. Они уселись, и диванчик взлетел вверх.

— А где твои папа с мамой? — спросил Витя, оглядывая совсем пустую большую комнату.

— На что они мне? — усмехнулся Вялик. — Только и знай будут говорить: того не надо, этого не смей. У нас всё само делается — к чему мне папа с мамой?

Вите стало страшно даже говорить об этом. Он спросил:

— А фотоаппарат у тебя есть?

И в ту же минуту перед мальчиками на трёх ногах запрыгал настоящий фотоаппарат, точь-в-точь такой, какой

мама обещала купить Вите, если он будет хорошо учиться в пятом классе.

— Поучи меня снимать,— попросил Витя Вялика.

Но аппарат уставился на мальчиков круглым глазом и бойко защёлкал затвором. Потом штатив браво, как солдат, повернулся к окну, пристукнув металлической ногой. Он наклонялся в одну, в другую сторону, поднимался выше, опускался ниже и щёлкал, щёлкал без конца. Наконец штатив, будто от усталости, подогнулся в металлических коленях и прилёг на пол. Через несколько минут на окне появилась пачка снимков, но Витя даже не стал их разглядывать. Ведь готовые снимки можно получить в любой фотографии.

А Вите так хотелось хоть разочек щёлкнуть самому!..

— Эх,— сказал Витя,— в волейбол бы сыграть, что ли!

— Пожалуйста,— вежливо согласился Вялик.— У нас волейбол всегда играется.

В самом деле, за прозрачной стеной дома, внизу, шла игра в волейбол. Но что это была за игра! Круглый плотный мяч сам по себе вертелся, прыгал через сетку, озорно уходил на аут. Одна половина площадки была белая, другая — коричневая. Чёрный репродуктор деловито сообщал: «Три — два в пользу коричневых! Четыре — два в пользу коричневых!» А вокруг площадки толпились унылые, похожие на Вялика, мальчишки и девчонки и равнодушно смотрели на игру.

— Ну и страна,— сказал Витя со вздохом, он тоже почему-то стал часто вздыхать.— Про неё хоть в учебниках-то написано?

— Не знаю,— вздохнул и Вялик.— Я учебников не читаю. У нас в школу только мои тетрадки ходят. Ручки сами пишут, тетрадки сами отметки получают. Отметки у меня всегда хорошие.

— Откуда вы взялись такие? — допытывался Витя.— И всегда у вас так скучно было?

Тогда Вялик усадил Витю на откуда-то взявшийся ковёр с подушками и рассказал, как встретились однажды несколько отъявленных лодырей. Они мешали всем людям,

но думали, что это люди им мешают, заставляют что-то делать, а они искали место, где можно прожить, ничего не делая. Долго они так ходили, и ленивый ученик Вялик — тогда его звали по-другому: Валя — ходил вместе с ними. Шли они, шли и добрались до избы доброго волшебника. Послушал старик жалобы лодырей, засмеялся и увёл их всех в заколдованную страну Лодырантию.

— Ой, Вялик,— сказал Витя,— это ведь был совсем не добрый, а очень злой волшебник...

Вялик молча пожал плечами. Он очень устал, пока говорил, стал совсем сонный и бледный. И смотрел на Витю такими глазами, как будто разучился понимать все слова.

А Вите показалось, что у него самого плечи согнулись и опустились, тело стало рыхлым и дряблым, точно старая подушка.

В комнате неожиданно появился большой стол, а на столе тарелки с душистым супом, горами котлет, пирожками и вазами варенья. То ли Витя объелся конфетами и мороженым, то ли ещё отчего, но есть ему не хотелось. Вялик тоже со вздохом отвернулся от обеда. Стол сделался прозрачным и растаял в воздухе. Уплыло к потолку желтоватое облачко душистого пара.

Витя начал трясти Вялика за плечи:

— Бежим отсюда! Скорее!

Но Вялик лишь бессмысленно моргал, глядя на него. Витя бросился к окну.

— Эй, ребята! — закричал он. — Сюда, ко мне!

Некоторые из унылых детей удивлённо посмотрели на него, а другие даже головы не подняли. Наверно, они от безделья порастеряли все человеческие слова и не поняли, о чём кричит им незнакомый мальчик.

— Ой,— жалобно вскрикнул Витя,— ой, в лагерь хочу!

И вдруг Витины ноги оторвались от пола и, как прежде, стремительно понесли его. Витя со свистом съехал вниз по лестнице, промчался мимо огнедышащей горы с самоварной трубой, перемахнул через речку, едва не сбил жалобно мяукнувшего тигра. Он уже приближался к границе страны Лодырантии, но тут перед ним выросла грозная тень.

— Так вот ты где! — услышал Витя голос своей вожатой Люси. — Купаться бегал, да? Я тебя по всему лагерю ищу.

Витя забормотал, что он вовсе даже не добежал до речки, потому что повстречал необыкновенного мальчика Вялика. Вялику нужно как можно быстрее помочь и нужно спасти всех лодырей, а то им будет очень-очень плохо...

— Что? — сердито переспросила Люся. — Каких лодырей? Сам от каждого дела прячешься... Ой, а может, ты на солнце перегрелся? Ах, мальчишки, мальчишки...

И Люся потащила перепуганного Витю к доктору. А он то и дело оглядывался назад, туда, где невидимая глазу проходила между кустов тайная граница страшной, унылой Лодырантии.





НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мёртвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — и в чёрную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В чёрной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впилося ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок всё жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принёс ветер с чёрной тучной земли; и в тех пылинках находилась пи-

ща цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла чёрные земляные пылинки, что принёс ветер, и разъедала мёртвую глину.

Днём цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться от одних пылинок, что выпали из ветра, и ещё собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и преодолевал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомлённых листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него сил жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печалью; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Всё же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не могли напитаться полной силой и стать зелёными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Недоставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик кверху. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнём, и его видно было даже в тёмную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она напи-

сала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шёл с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, её давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который всё грустил по своей матери — розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, этот цветок скучает там по своей матери, как я?» — подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда ещё не видела такого цветка — ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

— Отчего ты такой?

— Не знаю,— ответил цветок.

— А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

— Оттого, что мне трудно,— ответил цветок.

— А как тебя зовут? — спросила Даша.

— Меня никто не зовёт,— сказал маленький цветок,— я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина,— сказала она.— Как же ты один живёшь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю,— ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все



пионеры. Даша привела их, но ещё задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

— Слышите, как хорошо пахнет? Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мёртвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнёт, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки, от цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камней и глины, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — такой же точно, как тот старый цветок, только немного лучше его и ещё прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовёт её к себе безмолвным голосом своего благоухания.



ДВА БРАТА

Деревья разговаривать не умеют и стоят на месте, но всё-таки они живые. Они дышат. Они растут всю жизнь. Даже огромные старики-деревья и те каждый год подрастают, как маленькие дети.

Стада пасут пастухи, а о лесах заботятся лесничие.

И вот в одном огромном лесу жил-был лесничий по имени Чернобородый. Он целый день бродил взад и вперёд по лесу, и каждое дерево на своём участке знал он по имени.

В лесу лесничий всегда был весел, но зато дома он часто вздыхал и хмурился. В лесу у него всё шло хорошо, а дома бедного лесничего очень огорчали его сыновья. Звали их Старший и Младший. Старшему было двенадцать лет, а Младшему — семь. Как лесничий ни уговаривал своих детей, сколько ни просил — братья ссорились каждый день, как чужие.

И вот однажды — было это двадцать восьмого декабря утром — позвал лесничий сыновей и сказал, что ёлки к Новому году он им не устроит. За ёлочными украшениями надо ехать в город. Маму послать — её по дороге волки съедят. Самому ехать — он не умеет по магазинам ходить.

А вдвоём ехать тоже нельзя. Без родителей старший брат младшего совсем погубит.

Старший был мальчик умный. Он хорошо учился, много читал и умел убедительно говорить. И вот он стал убеждать отца, что он не обидит Младшего и что дома всё будет в полном порядке, пока родители не вернутся из города.

— Ты даёшь мне слово? — спросил отец.

— Даю честное слово, — ответил Старший.

— Хорошо, — сказал отец. — Три дня нас не будет дома. Мы вернёмся тридцать первого вечером, часов в восемь. До этого времени ты здесь будешь хозяином. Ты отвечаешь за дом, а главное — за брата. Ты ему будешь вместо отца. Смотри же!

И вот мама приготовила на три дня три обеда, три завтрака и три ужина и показала мальчикам, как их нужно разогревать. А отец принёс дров на три дня и дал Старшему коробку спичек. После этого запрягли лошадь в сани, бубенчики зазвенели, полозья заскрипели, и родители уехали.

Первый день прошёл хорошо. Второй — ещё лучше. И вот наступило тридцать первое декабря. В шесть часов накормил Старший Младшего ужином и сел читать книжку «Приключения Синдбада-Морехода». И дошёл он до самого интересного места, когда появляется над кораблём птица Рок, огромная, как туча, и несёт она в когтях камень величиною с дом.

Старшему хочется узнать, что будет дальше, а Младший слоняется вокруг, скучает, томится. И стал Младший просить брата:

— Поиграй со мной, пожалуйста.

Их ссоры всегда так и начинались. Младший скучал без Старшего, а тот гнал брата безо всякой жалости и кричал: «Оставь меня в покое!»

И на этот раз кончилось дело худо. Старший терпел-терпел, потом схватил Младшего за шиворот, крикнул: «Оставь меня в покое!» — вытолкал его во двор и запер дверь.



А ведь зимой темнеет рано, и во дворе стояла уже тёмная ночь. Младший забарабанил в дверь кулаками и закричал:

— Что ты делаешь! Ведь ты мне вместо отца!

У Старшего сжалось на миг сердце, он сделал шаг к двери, но потом подумал:

«Ладно, ладно. Я только прочту пять строчек и пушу его обратно. За это время ничего с ним не случится».

И он сел в кресло и стал читать и зачитался, а когда опомнился, то часы показывали уже без четверти восемь.

Старший вскочил и закричал:

— Что же это! Что я наделал! Младший там, на морозе, один, не одетый!

И он бросился во двор.

Стояла тёмная-тёмная ночь, и тихо-тихо было вокруг.

Старший во весь голос позвал Младшего, но никто ему не ответил.

Тогда Старший зажгёт фонарь и с фонарём обыскал все закоулки во дворе.

Брат пропал бесследно.

Свежий снег запорошил землю, и на снегу не было следов Младшего. Он исчез неведомо куда, как будто его унесла птица Рок.

Старший горько заплакал и громко попросил у Младшего прощения.

Но и это не помогло. Младший брат не отзывался.

Часы в доме пробили восемь раз, и в ту же минуту далеко-далеко в лесу зазвенели бубенчики.

«Наши возвращаются,— подумал с тоскою Старший.— Ах, если бы всё передвинулось на два часа назад! Я не выгнал бы младшего брата во двор. И теперь мы стояли бы рядом и радовались».

А бубенчики звенели всё ближе и ближе, вот стало слышно, как фыркает лошадь, вот заскрипели полозья, и сани въехали во двор. И отец выскочил из саней. Его чёрная борода на морозе покрылась инеем и теперь была совсем белая.

Вслед за отцом из саней вышла мать с большими корзин-

ками в руках. И отец и мать были веселы,— они не знали, что дома случилось такое несчастье.

— Зачем ты выбежал во двор без пальто? — спросила мать.

— А где Младший? — спросил отец.

Старший не ответил ни слова.

— Где твой младший брат? — спросил отец ещё раз.

И Старший заплакал. И отец взял его за руку и повёл в дом. И мать молча пошла за ними. И Старший всё рассказывал родителям.

Кончив рассказ, мальчик взглянул на отца. В комнате было тепло, а иней на бороде отца не растаял. И Старший вскрикнул. Он вдруг понял, что теперь борода отца бела не от инея. Отец так огорчился, что даже поседел.

— Одевайся,— сказал отец тихо.— Одевайся и уходи. И не смей возвращаться, пока не разыщешь своего младшего брата.

— Что же, мы теперь совсем без детей останемся? — спросила мать плача, но отец ей ничего не ответил.

И Старший оделся, взял фонарь и вышел из дому.

Он шёл и звал брата, шёл и звал, но никто ему не отвечал. Знакомый лес стеной стоял вокруг, но Старшему казалось, что он теперь один на свете. Деревья, конечно, живые существа, но разговаривать они не умеют и стоят на месте как вкопанные. А кроме того, зимою они спят крепким сном. И мальчику не с кем было поговорить. Он шёл по тем местам, где часто бегал с младшим братом. И трудно было ему теперь понять, почему это они всю жизнь ссорились, как чужие. Он вспомнил, какой Младший был худенький, и как на затылке у него прядь волос всегда стояла дыбом, и как он смеялся, когда Старший изредка шутил с ним, и как радовался и старался, когда Старший принимал его в свою игру. И Старший жалел, так жалел брата, что не замечал ни холода, ни темноты, ни тишины. Только изредка ему становилось очень жутко, и он оглядывался по сторонам, как заяц. Старший, правда, был уже большой мальчик, двенадцати лет, но рядом с огромными деревьями, в огромном лесу он казался совсем маленьким.

Вот кончился участок отца, и начался участок соседнего лесничего, который приезжал в гости каждое воскресенье играть с отцом в шахматы. Кончился и его участок, и мальчик зашагал по участку лесничего, который бывал у них в гостях только раз в месяц. А потом пошли участки лесничих, которых мальчик видел только раз в три месяца, раз в полгода, раз в год. Свеча в фонаре давно погасла, а Старший шагал, шагал, шагал, всё быстрее и быстрее.

Вот уже кончились участки таких лесничих, о которых Старший только слышал, но не встречал ни разу в жизни. А потом дорожка пошла всё вверх и вверх, и, когда рассвело, мальчик увидел: кругом, куда ни глянешь, всё горы и горы, покрытые густыми лесами.

Старший остановился.

Он знал, что от их дома до гор семь недель езды. Как же он добрался сюда за одну только ночь?

И вдруг мальчик услышал где-то далеко-далеко лёгкий звон. Сначала ему показалось, что это звенит у него в ушах. Потом он задрожал от радости: не бубенчики ли это? Может быть, младший брат нашёлся и отец гонится за Старшим в санях, чтобы отвезти его домой.

Но звон не приближался, и никогда бубенчики не звенели так тоненько и так ровно.

— Пойду и узнаю, что там за звон,— сказал Старший.

Он шёл час, и два, и три. Звон становился всё громче и громче. И вот мальчик очутился среди удивительных деревьев — высокие сосны росли вокруг, но они были прозрачные, как стёкла. Верхушки сосен сверкали на солнце так, что больно было смотреть. Сосны раскачивались на ветру, ветки били о ветки и звенели, звенели, звенели.

Мальчик пошёл дальше и увидел прозрачные ёлки, прозрачные берёзы, прозрачные клёны. Огромный прозрачный дуб стоял среди поляны и звенел басом, как шмель. Мальчик поскользнулся и посмотрел под ноги. Что это? И земля в этом лесу прозрачна! А в земле темнеют и переплетаются, как змеи, и уходят в глубину прозрачные корни деревьев.

Мальчик подошёл к берёзе и отломил веточку. И, пока он её разглядывал, веточка растаяла, как ледяная сосулька.

И Старший понял: лес, промёрзший насквозь, превратившийся в лёд, стоит вокруг. И растёт этот лес на ледяной земле, и корни деревьев тоже ледяные.

— Здесь такой страшный мороз, почему же мне не холодно? — спросил Старший.

— Я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда, — ответил кто-то тоненьким звонким голосом.

Мальчик оглянулся.

Позади стоял высокий старик в шубе, шапке и валенках из чистого пушистого снега. Борода и усы старика были ледяные и позванивали тихонько, когда он говорил. Старик смотрел на мальчика не мигая. Не доброе и не злое лицо его было до того спокойно, что у мальчика сжалось сердце.

А старик, помолчав, повторил отчётливо, гладко, как будто он читал по книжке или диктовал:

— Я. Распорядился. Чтобы холод. Не причинил. Тебе. До поры до времени. Ни малейшего вреда. Ты знаешь, кто я?

— Вы как будто Дедушка Мороз? — спросил мальчик.

— Отнюдь нет! — ответил старик холодно. — Дедушка Мороз — мой сын. Я проклял его — этот здоровяк слишком добродушен. Я — Прадедушка Мороз, а это совсем другое дело, мой юный друг. Следуй за мной.

И старик пошёл вперёд, неслышно ступая по льду своими мягкими белоснежными валенками.

Вскоре они остановились у высокого крутого холма. Прадедушка Мороз порылся в снегу, из которого была сделана его шуба, и вытащил огромный ледяной ключ. Щёлкнул замок, и тяжёлые ледяные ворота открылись в холме.

— Следуй за мной, — повторил старик.

— Но ведь мне нужно искать брата! — воскликнул мальчик.

— Твой брат здесь, — сказал Прадедушка Мороз спокойно. — Следуй за мной.

И они вошли в холм, и ворота со звоном захлопнулись, и Старший оказался в огромном, пустом ледяном зале. Сквозь открытые настежь высокие двери виден был следующий зал, за ним ещё и ещё. Казалось, что нет конца этим

просторным, пустынным комнатам. На стенах горели холодным белым светом круглые ледяные фонари. Над дверью в соседний зал, на ледяной табличке, была вырезана цифра 2.

— В моём дворце сорок девять таких залов. Следуй за мной,— приказал Прадедущка Мороз.

Ледяной пол был такой скользкий, что мальчик упал два раза, но старик даже не обернулся. Он мерно шагал вперёд и остановился только в двадцать пятом зале ледяного дворца.

Посреди этого зала стояла высокая белая печь. Мальчик обрадовался. Ему так хотелось погреться.

Но в печке этой ледяные поленья горели чёрным пламенем. Чёрные отблески прыгали по полу. Из печной дверцы тянуло леденящим холодом.

И Прадедущка Мороз опустил на ледяную скамейку у ледяной печки и протянул свои ледяные пальцы к ледяному пламени.

— Садись рядом, помёрзнем,— предложил он мальчику.

Мальчик ничего не ответил.

А старик уселся поудобнее и мёрз, мёрз, мёрз, пока ледяные поленья не превратились в ледяные угольки.

Тогда Прадедущка Мороз заново набил печь ледяными дровами и разжёл их ледяными спичками.

— Ну, а теперь я некоторое время посвящу беседе с тобой,— сказал он мальчику.— Ты. Должен. Слушать. Меня. Внимательно. Понял?

Мальчик кивнул головой.

И Прадедущка Мороз продолжал отчётливо и гладко:

— Ты. Выгнал. Младшего брата. На мороз. Сказав. Чтобы он. Оставил. Тебя. В покое. Мне нравится этот поступок. Ты любишь покой так же, как я. Ты останешься здесь навеки. Понял?

— Но ведь нас дома ждут!— воскликнул Старший жалобно.

— Ты. Останешься. Здесь. Навеки,— повторил Прадедущка Мороз.

Он подошёл к печке, потряс полами своей снежной шубы, и мальчик вскрикнул горестно. Из снега на ледяной пол посыпались птицы. Синицы, поползни, дятлы, маленькие лесные зверюшки, взъерошенные и окоченевшие, горкой легли на полу.

— Эти суетливые существа даже зимой не оставляют лес в покое,— сказал старик.

— Они мёртвые? — спросил мальчик.

— Я успокоил их, но не совсем,— ответил Прадедущка Мороз.— Их следует вертеть перед печкой, пока они не станут совсем прозрачными и ледяными. Займись. Немедленно. Этим. Полезным. Делом.

— Я убегу! — крикнул мальчик.

— Ты никуда не убежишь,— ответил Прадедущка Мороз твёрдо.— Брат твой заперт в сорок девятом зале. Пока что он удержит тебя здесь, а впоследствии ты привыкнешь ко мне. Принимайся за работу.

И мальчик уселся перед открытою дверцей печки. Он поднял с полу дятла, и руки у него задрожали. Ему показалось, что птица ещё дышит. Но старик, не мигая, смотрел на мальчика, и мальчик угрюмо протянул дятла к ледяному пламени.

И перья несчастной птицы сначала побелели как снег. Потом вся она стала твёрдой, как камень. А когда она сделалась прозрачной, как стекло, старик сказал:

— Готово! Принимайся за следующую.

До поздней ночи работал мальчик, а Прадедущка Мороз неподвижно стоял возле. Потом он осторожно уложил ледяных птиц в мешок и спросил у мальчика:

— Руки у тебя не замёрзли?

— Нет,— ответил он.

— Это я распорядился, чтобы холод не причинил тебе до поры до времени никакого вреда,— сказал старик.— Но помни! Если. Ты. Ослушаешься. Меня. То я. Тебя. Заморожу. Сиди здесь и жди. Я скоро вернусь.

И Прадедущка Мороз, взяв мешок, ушёл в глубину дворца, и мальчик остался один.



Где-то далеко-далеко захлопнулась со звоном дверь, и эхо перекатилось по всем залам.

И Прадедущка Мороз вернулся с пустым мешком.

— Пришло время удалиться ко сну,— сказал Прадедущка Мороз. И он указал мальчику на ледяную кровать, которая стояла в углу. Сам он занял такую же кровать в противоположном конце зала.

Прошло две-три минуты, и мальчику показалось, что кто-то заводит карманные часы. Но он понял вскоре, что это тихонько храпит во сне Прадедущка Мороз.

Утром старик разбудил его.

— Отправляйся в кладовую,— сказал он.— Двери в неё находятся в левом углу зала. Принеси завтрак номер один. Он стоит на полке номер девять.

И мальчик пошёл в кладовую. Она была большая, как зал. Замороженная еда стояла на полках. И Старший принёс на блюде завтрак номер один.

И котлеты, и чай, и хлеб — всё было ледяное, и всё это надо было грызть или сосать, как леденцы.

— Я удалюсь на промысел,— сказал Прадедущка Мороз, окончив завтрак.— Можешь бродить по всем комнатам и даже выходить из дворца. До свиданья, мой юный ученик.

И Прадедущка Мороз удалился, неслышно ступая своими белоснежными валенками, а мальчик бросился в сорок девятый зал. Он бежал, и падал, и звал брата во весь голос, но только эхо отвечало ему. И вот он добрался наконец до сорок девятого зала и остановился как вкопанный.

Все двери были открыты настежь, кроме одной, последней, над которой стояла цифра 49. Последний зал был заперт наглухо.

— Младший! — крикнул старший брат.— Я пришёл за тобой. Ты здесь?

— Ты здесь? — повторило эхо.

Дверь была вырезана из цельного промёрзшего ледяного дуба. Мальчик уцепился ногтями за ледяную дубовую кору, но пальцы его скользили и срывались. Тогда он стал колотить в дверь кулаками, плечом, ногами, пока совсем не

выбился из сил. И хоть бы ледяная щепочка откололась от ледяного дуба.

И мальчик тихо вернулся обратно, и почти тотчас же в зал вошёл Прадедущка Мороз.

И после ледяного обеда до поздней ночи мальчик вертел перед ледяным огнём несчастных замёрзших птиц, белок и зайцев.

Так и пошли дни за днями.

И все эти дни Старший думал, и думал, и думал только об одном: чем бы разбить ему ледяную дубовую дверь. Он обыскал всю кладовую. Он ворочал мешки с замороженной капустой, с замороженным зерном, с замороженными орехами, надеясь найти топор. И он нашёл его наконец, но и топор отскакивал от ледяного дуба, как от камня.

И Старший думал, думал, и наяву и во сне, об одном, всё об одном.

А старик хвалил мальчика за спокойствие. Стоя у печки неподвижно, как столб, глядя, как превращаются в лёд птицы, зайцы, белки, Прадедущка Мороз говорил:

— Нет, я не ошибся в тебе, мой юный друг. «Оставь меня в покое!» — какие великие слова! С помощью этих слов люди постоянно губят своих братьев. «Оставь меня в покое!» Эти. Великие. Слова. Установят. Когда-нибудь. Вечный. Покой. На земле.

И отец, и мать, и бедный младший брат, и все знакомые лесничие говорили просто, а Прадедущка Мороз как будто читал по книжке, и разговор его наводил такую же тоску, как огромные пронумерованные залы.

Старик любил вспоминать о древних-древних временах, когда ледники покрывали почти всю землю.

— Ах как тихо, как прекрасно было тогда жить на белом холодном свете! — рассказывал он, и его ледяные усы и борода звенели тихонько. — Я был тогда молод и полон сил. Куда исчезли мои дорогие друзья — спокойные, солидные, гигантские мамонты! Как я любил беседовать с ними! Правда, язык мамонтов труден. У этих огромных животных и слова были огромные, необычайно длинные. Чтобы произнести одно только слово на языке мамонтов, нужно было

потратить двое, а иногда и трое суток. Но. Нам. Некуда. Было. Спешить.

И вот однажды, слушая рассказы Прадедущки Мороза, мальчик вскочил и запрыгал на месте как бешеный.

— Что значит твоё нелепое поведение? — спросил старик сухо.

Мальчик не ответил ни слова, но сердце его так и стучало от радости.

Когда думаешь всё об одном и об одном, то непременно в конце концов придумаешь, что делать.

Спички!

Мальчик вспомнил, что у него в кармане лежат те самые спички, которые ему дал отец, уезжая в город.

И на другое же утро, едва Прадедущка Мороз отправился на промысел, мальчик взял из кладовой топор и верёвку и выбежал из дворца.

Старик пошёл налево, а мальчик побежал направо, к живому лесу, который темнел за прозрачными стволами ледяных деревьев. На самой опушке живого леса лежала в снегу огромная сосна. И топор застучал, и мальчик вернулся во дворец с большой вязанкой дров.

У ледяной дубовой двери в сорок девятый зал мальчик разложил высокий костёр. Вспыхнула спичка, затрещали щепки, загорелись дрова, запрыгало настоящее пламя, и мальчик засмеялся от радости. Он уселся у огня и грелся, грелся, грелся.

Дубовая дверь сначала только блестела и сверкала, так что больно было смотреть, но вот наконец вся она покрылась мелкими водяными капельками. И когда костёр погас, мальчик увидел: дверь чуть-чуть подтаяла.

— Ага! — сказал он и ударил по двери топором. Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд, как камень.

— Ладно! — сказал мальчик. — Завтра начнём сначала.

Вечером, сидя у ледяной печки, мальчик взял и осторожно припрятал в рукав маленькую синичку. Прадедущка Мороз ничего не заметил. И на другой день, когда костёр разгорелся, мальчик протянул птицу к огню.

Он ждал, ждал, и вдруг клюв у птицы дрогнул, и глаза открылись, и она посмотрела на мальчика.

— Здравствуй! — сказал ей мальчик, чуть не плача от радости. — погоди, Прадедушка Мороз! Мы ещё поживём!

И каждый день теперь отогревал мальчик птиц, белок и зайцев. Он устроил своим новым друзьям снеговые домики в уголках зала, где было потемнее. Домики эти он устилал мхом, который набрал в живом лесу. Конечно, по ночам было холодно, но зато потом у костра и птицы, и белки, и зайцы запасались теплом до завтрашнего утра.

Мешки с капустой, зерном и орехами теперь пошли в дело. Мальчик кормил своих друзей до отвала. А потом он играл с ними у огня или рассказывал о своём брате, который спрятан там, за дверью. И ему казалось, что и птицы, и белки, и зайцы понимают его.

И вот однажды мальчик, как всегда, принёс вязанку дров, развёл костёр и уселся у огня.

Но никто из его друзей не вышел из своих снеговых домиков.

Мальчик хотел спросить: «Где же вы?», но тяжёлая ледяная рука с силой оттолкнула его от огня.

Это Прадедушка Мороз подкрался к нему, неслышно ступая своими белоснежными валенками.

Он дунул на костёр, и поленья стали прозрачными, а пламя чёрным. И когда ледяные дрова догорели, дубовая дверь стала такою, как много дней назад.

— Ещё. Раз. Попадёшься. Заморожу! — сказал Прадедушка Мороз холодно. И он поднял с пола топор и запрятал его глубоко в снег своей шубы.

Целый день плакал мальчик. И ночью с горя заснул как убитый. И вдруг он услышал сквозь сон: кто-то осторожно мягкими лапками барабанит по его щеке.

Мальчик открыл глаза.

Заяц стоял возле.

И все его друзья собрались вокруг ледяной постели. Утром они не вышли из своих домиков, потому что почуяли опасность. Но теперь, когда Прадедушка Мороз уснул, они пришли на выручку к своему другу.

Когда мальчик проснулся, семь белок бросились к ледяной постели старика. Они нырнули в снег шубы Прадедушки Мороза и долго рылись там. И вдруг что-то зазвенело тихонечко.

— Оставьте меня в покое,— пробормотал во сне старик.

И белки спрыгнули на пол и подбежали к мальчику.

И он увидел: они принесли в зубах большую связку ледяных ключей.

И мальчик всё понял.

С ключами в руках бросился он к сорок девятому залу. Друзья его летели, прыгали, бежали следом.

Вот и дубовая дверь.

Мальчик нашёл ключ с цифрой 49. Но где замочная скважина? Он искал, искал, искал, но напрасно.

Тогда поползень подлетел к двери. Цепляясь лапками за дубовую кору, поползень принялся ползать по двери вниз головою. И вот он нашёл что-то. И чирикнул негромко. И семь дятлов слетелись к тому месту двери, на которое указал поползень.

И дятлы терпеливо застучали своими твёрдыми клювами по льду. Они стучали, стучали, стучали, и вдруг четырёхугольная ледяная дощечка сорвалась с двери, упала на пол и разбилась.

А за дощечкой мальчик увидел большую замочную скважину.

И он вставил ключ и повернул его, и замок щёлкнул, и упрямая дверь открылась наконец со звоном.

И мальчик, дрожа, вошёл в последний зал ледяного дворца. На полу грудами лежали прозрачные ледяные птицы и ледяные звери.

А на ледяном столе посреди комнаты стоял бедный младший брат. Он был очень грустный и глядел прямо перед собой, и слёзы блестели у него на щеках, и прядь волос на затылке, как всегда, стояла дыбом. Но он был весь прозрачный, как стеклянный, и лицо его, и руки, и курточка, и прядь волос на затылке, и слёзы на щеках — всё было ледяное. И он не дышал и молчал, ни слова не отвечая брату. А Старший шептал:

— Бежим, прошу тебя, бежим! Мама ждёт! Скорее бежим домой!

Не дождавшись ответа, Старший схватил своего ледяного брата на руки и побежал осторожно по ледяным залам к выходу из дворца, а друзья его летели, прыгали, мчались следом.

Прадедущка Мороз по-прежнему крепко спал.

И они благополучно выбрались из дворца.

Солнце только что встало. Ледяные деревья сверкали так, что больно было смотреть. Старший побежал к живому лесу осторожно, боясь споткнуться и уронить Младшего. И вдруг громкий крик раздался позади.

Прадедущка Мороз кричал тонким голосом так громко, что дрожали ледяные деревья:

— Мальчик! Мальчик! Мальчик!

Сразу стало страшно холодно. Старший почувствовал, что у него холодеют ноги, леденеют и отнимаются руки. А Младший печально глядел прямо перед собой, и застывшие слёзы его блестели на солнце.

— Остановись! — приказал старик.

Старший остановился.

И вдруг все птицы прижались к мальчику близко-близко, как будто покрыли его живой тёплой шубой. И Старший ожил и побежал вперёд осторожно, глядя под ноги, изо всех сил оберегая младшего брата.

Старик приближался, а мальчик не смел бежать быстрее: ледяная земля была такая скользкая. И вот, когда он уже думал, что погиб, зайцы вдруг бросились кубарем под ноги злому старику. И Прадедущка Мороз упал, а когда поднялся, то зайцы ещё раз и ещё раз свалили его на землю. Они делали это дрожа от страха, но надо же было спасти лучшего своего друга. И когда Прадедущка Мороз поднялся в последний раз, то мальчик, крепко держа в руках своего брата, уже был далеко внизу, в живом лесу. И Прадедущка Мороз заплакал от злости.

И когда он заплакал, сразу стало теплее.

И Старший увидел, что снег быстро тает вокруг и ручьи



бегут по оврагам. А внизу, у подножия гор, почки набухли на деревьях.

— Смотри — подснежник! — крикнул Старший радостно. Но Младший не ответил ни слова. Он по-прежнему был неподвижен, как кукла, и печально глядел прямо перед собой.

— Ничего. Отец всё умеет делать! — сказал Старший Младшему. — Он оживит тебя. Наверное оживит!

И мальчик побежал со всех ног, крепко держа в руках брата. До гор Старший добрался так быстро с горя, а теперь он мчался как вихрь от радости. Ведь всё-таки брата он нашёл.

Вот кончились участки лесничих, о которых мальчик только слышал, и замелькали участки знакомых, которых мальчик видел раз в год, раз в полгода, раз в три месяца. И чем ближе было к дому, тем теплее становилось вокруг. Друзья-зайцы кувыркались от радости, друзья-белки прыгали с ветки на ветку, друзья-птицы свистели и пели. Деревья разговаривать не умеют, но и они шумели радостно: ведь листья распустились, весна пришла.

И вдруг старший брат поскользнулся.

На дне ямки, под старым клёном, куда не заглядывало солнце, лежал подтаявший тёмный снег.

И Старший упал.

И бедный Младший ударился о корень дерева.

И с жалобным звоном он разбился на мелкие кусочки.

Сразу тихо-тихо стало в лесу.

И из снега вдруг негромко раздался знакомый тоненький голос:

— Кончено! От меня. Так. Легко. Не уйдешь!

И Старший упал на землю и заплакал так горько, как не плакал ещё ни разу в жизни. Нет, ему нечем было утешиться, не на чем было успокоиться.

Он плакал и плакал, пока не уснул с горя, как убитый.

А птицы собрали Младшего по кусочкам, и белки сложили кусочек с кусочком своими цепкими лапками и склеили берёзовым клеем. И потом все они тесно окружили Младшего как бы живой тёплой шубкой. А когда взошло

солнце, то все они отлетели прочь. Младший лежал на весеннем солнышке, и оно осторожно, тихонечко согревало его. И вот слёзы на лице у Младшего высохли. И глаза спокойно закрылись. И руки стали тёплыми. И курточка стала полосатой. И башмаки стали чёрными. И прядь волос на затылке стала мягкой. И мальчик вздохнул раз, и другой, и стал дышать ровно и спокойно, как всегда дышал во сне.

И когда Старший проснулся, брат его, целый и невредимый, спал на холмике. Старший стоял и хлопал глазами, ничего не понимая, а птицы свистели, лес шумел, и громко журчали ручьи в канавах.

Но вот Старший опомнился, бросился к Младшему и схватил его за руку.

И тот открыл глаза и спросил как ни в чём не бывало:

— А, это ты? Который час?

И Старший обнял его и помог ему встать, и оба брата помчались домой.

Мать и отец сидели рядом у открытого окна и молчали. И лицо у отца было такое же строгое и суровое, как в тот вечер, когда он приказал Старшему идти на поиски брата.

— Как птицы громко кричат сегодня,— сказала мать.

— Обрадовались теплу,— ответил отец.

— Белки прыгают с ветки на ветку,— сказала мать.

— И они тоже рады весне,— ответил отец.

— Слышишь?! — вдруг крикнула мать.

— Нет,— ответил отец.— А что случилось?

— Кто-то бежит сюда!

— Нет,— повторил отец печально.— Мне тоже всю зиму чудилось, что снег скрипит под окнами. Никто к нам не прибежит.

Но мать была уже во дворе и звала:

— Дети, дети!

И отец вышел за нею. И оба они увидели: по лесу бегут Старший и Младший, взявшись за руки.

Родители бросились к ним навстречу.

И когда все успокоились немного и вошли в дом, Старший взглянул на отца и ахнул от удивления.

Седая борода отца темнела на глазах, и вот она стала совсем чёрной, как прежде. И отец помолодел от этого лет на десять.

С горя люди седеют, а от радости седина исчезает, тает, как иней на солнце. Это, правда, бывает очень-очень редко, но всё-таки бывает.

И с тех пор они жили счастливо.

Правда, Старший говорил изредка брату:

— Оставь меня в покое.

Но сейчас же добавлял:

— Не надолго оставь, минут на десять, пожалуйста. Очень прошу тебя.

И Младший всегда слушался, потому что братья жили теперь дружно.





ХРАБРЫЙ КЛОУН

Однажды в мастерскую, где чинили детские игрушки, пришла женщина и сказала мастеру:

— Пожалуйста, почините мне куклу. Когда-то это был солдат, но меч у него сломался, мундир, как видите, весь изодран. Пусть он теперь будет клоуном.

— Сделаем! — весело ответил мастер и тут же стал шить колпак.

— Что вы делаете? — закричала кукла. — Я не хочу быть клоуном! Я солдат! Я воин!

Но мастер не слышал, он напевал весёлую песню и шил туфли со смешным помпоном.

— Зачем мне эти дурацкие туфли?

Но мастер уже натягивал на солдата пёстрый костюм.

— Что он делает! Что он делает! — в отчаянье кричал солдат.

— А теперь клоун готов, — сказал мастер и дал ему в руки медные тарелки.

Потом мастер посмотрел на часы, увидал, что пора идти домой, и ушёл.

Когда магазин закрылся и в нём, кроме игрушек, никого не осталось, солдат осмотрел себя и с досады

хлопнул тарелками. По всей мастерской разнёсся весёлый звон.

— Кто это так играет? — донёсся сверху нежный голос. — Это вы, клоун, так играете?

Солдат посмотрел вверх и увидел на полке куклу Светлану. Она глядела на него большими синими глазами. Таких глаз он ни у кого ещё не видел, хотя на своём веку многое успел повидать.

— Да, это я так играю. Вам нравится?

— Очень!

— Тогда спускайтесь. Будем танцевать!

Светлана спустилась, и по мастерской снова разнёсся весёлый звон.

С полок на Светлану смотрели медведи, зайчики, пупсы, резиновые жирафы — и все были в восторге от того, как она легко и красиво танцует.

— Клоун, а почему вы не танцуете? — спросила Светлана.

— Потому, что я солдат. Зато я умею воевать с врагами.

— Какой вы солдат, вы клоун! — засмеялась Светлана и тут же вскрикнула от страха. На неё из угла, скаля длинные зубы, глядела большая рыжая крыса.

Эта крыса каждую ночь вылезала из своей норы и грызла всё, что ей попадалось на пути: столярный клей, крахмал, бумагу. Грызла книги. Грызла игрушки. Теперь она хотела добраться до Светланы.

— Спасайтесь! — крикнул солдат Светлане, а сам, выставив вперёд медные тарелки, преградил крысе дорогу.

«Как жаль, что у меня нет меча! — подумал он. — Если бы у меня был меч, я бы сразу убил её!»

— Я спаслась. Бегите! — крикнула Светлана с полки.

— Прекрасно! — ответил солдат. — Но я не уйду до тех пор, пока не погибнет враг! — И он тут же бросился вперёд.

Сверкали зубы.

Звенели литавры.

Удар!

Ещё удар!!



Ещё!!!

Все игрушки с волнением следили за страшным боем и тряслись от страха. Даже медведи тряслись, а зайцы закрыли глаза ушами.

— Победа! — крикнул солдат.

По всей мастерской разнёсся ликующий звон, и под его звуки истерзанный, покрытый глубокими ранами солдат в шутовской одежде клоуна упал и затих.

Он не слышал, как восхищались его храбростью игрушки, не слышал, как плакала Светлана, как звала его.

Утром пришёл мастер.

— Ах, проклятая крыса, что она сделала! — воскликнул он, поднимая истерзанного клоуна, и тут же увидел мёртвую крысу. — Э, да тут был настоящий бой! И победил клоун. Впрочем, он ведь раньше был солдатом. Пусть он солдатом и будет!

И мастер, весело напевая, принялся за работу. Он сшил солдату мундир, дал ему в руки меч и поставил на полку рядом со Светланой.





ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

Один раз в сто лет самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед-Мороз — в ночь под Новый год приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать всё, что захочешь, и нарисованное оживёт.

Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нём... Или звездолёт — и лети к звёздам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например стул, — пожалуйста... Нарисуй и садись на него. Волшебными красками можно нарисовать что угодно, даже мыло, и оно будет мылиться. Поэтому Дед-Мороз приносит волшебные краски самому доброму из всех самых добрых детей.

И это понятно... Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке — они могут натворить много бед. Стоит, скажем, этими красками пририсовать человеку второй нос, и он будет двухносым. Стоит пририсовать собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака — рогатой, курица — усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед-Мороз очень долго проверяет сердца детей, а потом уже выбирает, кому из них подарить волшебные краски.

В последний раз Дед-Мороз подарил волшебные краски одному самому доброму из всех самых добрых мальчиков.

Мальчик очень обрадовался краскам и тут же принялся рисовать. Рисовать для других. Потому что он был самый добрый из всех самых добрых мальчиков. Он нарисовал бабушке тёплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — новое охотничье ружьё. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу...

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер... Он рисовал и на второй, и на третий, и на четвёртый день... Он рисовал, желая людям добра. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Но...

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок, нарисованный бабушке, был похож на тряпицу для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пёстрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружьё ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того ужасной, что к ней даже боялись подходить близко. Падающие стены. Крыша набекрень. Кривые окна. Косые двери... Страшилище, а не дом. Уродливое здание не захотели взять даже для склада.

Так на улице появились деревья, похожие на старые метёлки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с какими-то странными кругляшками вместо колёс, самолёты с тяжеленными крыльями, электрические провода толщиной в бревно, шубы и пальто, у которых один рукав длиннее другого... Так появились тысячи вещей, которыми нельзя было воспользоваться, и люди ужаснулись.

— Как ты мог сделать столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать счастливыми людей, но, не умея рисовать, он зря извёл краски.

Мальчик плакал так громко и безутешно, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед-



Мороз. Услышал и вернулся к нему. Вернулся и положил перед мальчиком краски.

— Только это, мой друг, простые краски... Но они могут стать волшебными, если ты этого захочешь...

Так сказал Дед-Мороз и удалился...

Прошёл год... Прошло два года... Прошло много и очень много лет. Мальчик стал юношей, потом взрослым человеком, а потом стариком... Он всю жизнь рисовал простыми красками. Рисовал дома. Рисовал лица людей. Одежду. Самолёты. Мосты. Железнодорожные станции. Дворцы... И пришло время, настали счастливые дни, когда нарисованное им на бумаге стало переходить в жизнь...

Появилось множество прекрасных зданий, построенных по его рисункам. Полетели чудесные самолёты. С берега на берег перекинулись неизвестные мосты... И никто не хотел верить, что всё это было нарисовано простыми красками. Все их называли волшебными...

Так случается на белом свете... Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной... Так случается со всем тем, к чему прикасаются руки самого великого волшебника из всех самых великих волшебников — руки трудолюбивого, настойчивого человека...



Константин Паустовский

ПОХОЖДЕНИЯ ЖУКА-НОСОРОГА

Когда Пётр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Стёпа не знал, что подарить отцу на прощанье, и подарил наконец старого жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Но Стёпа его не выпускал, а подсовывал ему в коробок травинки, чтобы жук не умер от голода. Носорог травинки сгрызал, но всё равно продолжал стучать и браниться.

Стёпа прорезал в коробке маленькое оконце для притока свежего воздуха. Жук высовывал в оконце мохнатую лапу и старался ухватить Стёпу за палец,— хотел, должно быть, поцарапать от злости. Но Стёпа пальца не давал. Тогда жук начинал с досады так жужжать, что мать Стёпы Акулина кричала:

— Выпусти ты его, лешего! Весь день жундит и жундит, голова от него распухла!

Пётр Терентьев усмехнулся на Стёпин подарок, погладил Стёпу по голове шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаза.

— Только ты его не теряй, сбереги,— сказал Стёпа.

— Нешто можно такие гостинцы терять,— ответил Пётр.— Уж как-нибудь сберегу.

То ли жуку понравился запах резины, то ли от Петра приятно пахло шинелью и чёрным хлебом, но жук присмирел и так и доехал с Петром до самого фронта.

На фронте бойцы удивлялись жуку, трогали пальцами его крепкий рог, выслушивали рассказ Петра о сыновнем подарке, говорили:

— До чего додумался парнишка! А жук, видать, боевой. Прямо ефрейтор, а не жук.

Бойцы интересовались, долго ли жук протянет и как у него обстоит дело с пищевым довольствием — чем его Пётр будет кормить и поить. Без воды он хотя и жук, а прожить не сможет.

Пётр смущённо усмехнулся, отвечал, что жуку дашь какой-нибудь колосок — он и питается неделю. Много ли ему нужно.

Однажды ночью Пётр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками, прислушался. Далеко гремела земля, сверкали жёлтые молнии.

Жук полез на куст бузины на краю окопа, чтобы лучше осмотреться. Такой грозы он ещё не видал. Молний было слишком много. Звёзды не висели неподвижно в небе, как у жука на родине, в Петровой деревне, а взлетали с земли, освещали вокруг всё ярким светом, дымились и гасли. Гром гремел непрерывно.

Какие-то жуки со свистом проносились мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него осыпались красные ягоды. Старый носорог упал, прикинулся мёртвым и долго боялся пошевелиться. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться, — уж очень много их свистело вокруг. Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Жук открыл один глаз, посмотрел на небо. Оно было синее, теплое, такого неба не было в его деревне. Огромные птицы с воем падали с этого неба, как коршуны. Жук быстро перевернулся, стал на ноги, полез под лопух, — испугался, что коршуны его заклюют до смерти.

Утром Пётр хватился жука, начал шарить кругом по земле.

— Ты чего? — спросил сосед-боец с таким загорелым лицом, что его можно было принять за негра.

— Жук ушёл, — ответил Пётр с огорчением. — Вот беда!

— Нашёл об чем горевать, — сказал загорелый боец. — Жук и есть жук, насекомое. От него солдату никакой пользы сроду не было.

— Дело не в пользе, — возразил Пётр, — а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, а дорога память.

— Это точно! — согласился загорелый боец. — Это, конечно, дело другого порядка. Только найти его — всё равно, что махорочную крошку в океане-море. Пропал, значит, жук.

Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Пётр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал:

— Ну и шельма! На хозяйский голос идёт, как собака. Насекомое, а котелок у него варит.

С тех пор Пётр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаза, и бойцы ещё больше удивлялись: «Видишь ты, совсем ручной сделался жук!»

Иногда в свободное время Пётр выпускал жука, а жук ползал вокруг, выискивал какие-то корешки, жевал листья. Они были уже не те, что в деревне. Вместо листьев берёзы много было листьев вяза и тополя. И Пётр, рассуждая с бойцами, говорил:

— Перешёл мой жук на трофейную пищу.

Однажды вечером в сумку от противогаза подуло свежестью, запахом большой воды, и жук вылез из сумки, чтобы посмотреть, куда это он попал.

Пётр стоял вместе с бойцами на пароме. Паром плыл через широкую светлую реку. За ней садилось золотое солнце, по берегам стояли ракиты, летали над ними аисты с красными лапами.

— Висла! — говорили бойцы, зачерпывая манерками воду, пили, а кое-кто умывал в прохладной воде пыльное лицо. — Пили мы, значит, воду из Дона, Днепра и Буга, а



теперь попьём и из Вислы. Больно сладкая в Висле вода.

Жук подышал речной прохладой, пошевелил усиками, залез в сумку, уснул.

Проснулся он от сильной тряски. Сумку мотало, она подсакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Пётр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали «ура». Чуть светало. На касках бойцов блестела роса.

Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что всё равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра.

Какой-то человек в грязном зелёном мундире прицелился в Петра из винтовки, но жук с налёта ударил этого человека в глаз. Человек пошатнулся, выронил винтовку и побежал.

Жук полетел следом за Петром, вцепился ему в плечи и влез в сумку только тогда, когда Пётр упал на землю и крикнул кому-то: «Вот незадача! В ногу меня задело!» В это время люди в грязных зелёных мундирах уже бежали, оглядываясь, и за ними по пятам катилось громовое «ура».

Месяц Пётр пролежал в лазарете, а жука отдали на сохранение польскому мальчику. Мальчик этот жил в том же дворе, где помещался лазарет.

Из лазарета Пётр снова ушёл на фронт — рана у него была лёгкая. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжёлых боев был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лощинки громадные чёрные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь.

Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул тёплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Все листья висели неподвижно, и только один трепетал и шумел, будто радовался чему-то и хотел рассказать об этом всем остальным листьям.

Пётр сидел на земле, пил из фляжки воду. Капли

стекали по его небритому подбородку, играли на солнце. Напившись, Пётр засмеялся и сказал:

— Победа!

— Победа! — отозвались бойцы, сидевшие рядом.

Один из них вытер рукавом глаза и добавил:

— Вечная слава! Стосковалась по нашим рукам родная земля. Мы теперь из неё сделаем сад и заживём, братцы, вольные и счастливые.

...Вскоре после этого Пётр вернулся домой. Акулина закричала и заплакала от радости, а Стёпа тоже заплакал и спросил:

— Жук живой?

— Живой он, мой товарищ, — ответил Пётр. — Не тронула его пуля. Воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Стёпа.

Пётр вынул жука из сумки, положил на ладонь.

Жук долго сидел, озираясь, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья, снова сложил их, подумал и вдруг взлетел с громким жужжанием — узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через речку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину. Стёпа долго бежал за ним, махал картузом.

— Ну вот, — сказал Пётр, когда Стёпа вернулся, — теперь жучище этот расскажет своим про войну и про героическое своё поведение. Соберёт всех жуков под можжевельником, поклонится на все стороны и расскажет.

Стёпа засмеялся, а Акулина сказала:

— Будя мальчику сказки рассказывать. Он и впрямь поверит.

— И пусть его верит, — ответил Пётр. — От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие.

— Ну, разве так! — согласилась Акулина и подбросила в самовар сосновых шишек.

Самовар загудел, как старый жук-носорог. Синий дым из самоварной трубы заструился, полетел в вечернее небо, где уже стоял молодой месяц, отражался в озёрах, в реке, смотрел сверху на тихую нашу землю.



СИЛА СЛОВА

Однажды шёл путник по дороге и наткнулся на огромный камень. Наткнулся и закричал:

— Эй, ты, камень, убирайся с дороги, ты мне мешаешь!

Но камень — ни с места. Тогда путник начал его ругать. Долго ругал, а камень хоть бы пошевелился.

В это время к камню подъехал всадник.

Путник ему и говорит:

— Видал? А ещё говорят, что сильнее слова ничего нет на свете. Я целую гору слов наговорил, а камень — ни туда ни сюда. Лежит и пройти не даёт!

Всадник слез с коня, обвязал камень верёвкой, и конь оттащил камень с дороги.

— Вот это другое дело, — удовлетворённо сказал путник.

— Э-э, нет, — ответил всадник. — Слово-то всё-таки сильнее всего на свете. Ты мне сказал, что тебе камень мешает, я его и убрал. А когда ты слова на ветер бросал, у тебя ничего и не получалось.

Николай
Мухомов

УМНЫЙ ТАНК

Танк, которым командовал товарищ Загорулько, любил, чтобы за ним ухаживали, чистили, мыли, протирали каждый винтик и водили на далёкие прогулки в поле. Впрочем, это любят обычно все танки, хотя характер у них разный: один лёгок на подъём, другой больше по воде ходить умеет, третий прыгает лучше других.

Танку товарища Загорулько очень нравилось на войне рвать колючую проволоку. Подъедет Загорулько к самой проволоке, зацепит её якорем и даст задний ход. Танк фыркнет от удовольствия и потянет за собой сразу целую кучу кольев. А проволока, как паутина, встанет в воздухе и рвётся на куски. Пехоте путь свободен.

Если же встретятся гранитные столбы, которые называются «надолбы»¹, накинёт Загорулько цепь на столб и начнёт раскачивать его вперёд-назад. Танк ворчит, дёргает цепь, она натягивается, и столб, треща, лезет из земли. А с ним лезет бетонная лепёшка, которая держит его основание в земле.

Как рванёт танк последний раз — и вытащит столб це-

¹ Надолбы ставились для того, чтобы преградить дорогу танкам.



ликом, точно громадный гранитный зуб вместе с пломбой. Когда же по танку противник откроет сильный огонь и некогда возиться с цепью, танк говорит пушке: «Ну, теперь, старина, ты поработай».

И пушка бьёт своими снарядами по столбам, крошит их на куски.

Встретится отвесная стенка — Загорулько, как коня, подымет танк на дыбы, и танк лезет затаив дыхание и, перевалив через стенку, так зашумит от радости, что Загорулько невольно улыбнётся своему любимцу.

Вот пришёл раз танк на берег маленькой речки. Враги укрепили здесь каждый бугорок, каждый куст. И начался тут бой. Враги палили как сумасшедшие. Будто хотели сказать: «А, это ты нашу проволоку рвал, наши надолбы вытаскивал, по нашим стенкам лазил,— вот тебе за это!»

А попасть в танк всё никак не могли.

Танк ходил вдоль речки и громил вражеские гнёзда. И вдруг попал на большую мину, которая зовётся «фугас». Фугас взорвался, как будто кто тяжёлым кулаком снизу ударил по танку.

Остановился танк. Смотрит Загорулько — все живы, всё в порядке. Танк цел, но вдруг запахло в нём как-то неприятно и горячо стало, как в печке. Это загорелся бензин.

Гуляет по танку острый дым, ест глаза, дышать трудно стало. Остаться в танке — заживо сгоришь. А снаряды рвутся вокруг танка, осколки звякают о стенки. Стоит танк, как герой, и словно спрашивает у Загорулько: «Что дальше будем делать?»

Что тут делать? Надо вылезать из танка. Велел Загорулько взять гранаты и пулемёты и уходить.

Вылез — кругом дым, а из танка огонь рвётся. Посмотрел на своего друга командир. «Эх, хороший был танк! Конечно, мы его ночью к себе вытащим с поля битвы, но сейчас бросать его жалко».

Посмотрел он ещё раз — цел танк, только внутри всё пылает. И вдруг догадался Загорулько, что делать. Поставил он танк на заднюю скорость, дал постоянный газ — и скорее прочь.

Пехота наша была несколько позади, и надо до неё скорей добраться. А кругом всё кипит. Стрельба такая, что уши ничего не слышат. Танк крякнул и один, без людей, пошёл задним ходом к своей пехоте.

Загорулько шёл перед ним. Танк весь полыхал огнём и, прикрывая свою команду, шёл да шёл, не обращая внимания на рвавшиеся снаряды. Иногда он ворчал, когда шальной осколок задевал его. Иногда он давил куски колючей проволоки, как бы говоря: «Ты ещё тут под ногами путаешься!»

И шёл дальше, грозный и гордый, а пламя бесновалось у него внутри. Так он и пришёл к нашей пехоте, а с ним пришла и команда во главе с Загорулько. Пожар потушили и танк отправили в ремонт, а Загорулько дали другой.

Но когда танк уводили на буксире и снег сыпался на его почерневшие бока, Загорулько следил за ним благодарным взглядом, пока он не скрылся за поворотом.

А танк медленно шёл по лесу, влекомый тяжёлыми канатами, и вид у него был такой боевой и сердитый, что все глядели на него с уважением.



Константин Паустовский

РАСТРЁПАННЫЙ ВОРОБЕЙ

На старых стенных часах железный кузнец ростом с игрушечного солдатика поднял молот. Часы щёлкнули, и кузнец ударил с оттяжкой молотом по маленькой медной наковальне. Торопливый звон посыпался по комнате, закатился под книжный шкаф и затих.

Кузнец ударил по наковальне восемь раз, хотел ударить в девятый, но рука у него вздрогнула и повисла в воздухе. Так, с поднятой рукой, он и простоял целый час, пока не пришёл срок пробить по наковальне девять ударов.

Маша стояла у окна и не оглядывалась. Если оглянeshься, то нянюшка Петровна непременно проснётся и погонит спать.

Петровна дремала на диване, а мама, как всегда, ушла в театр. Она танцевала в театре, но никогда не брала с собой Машу туда.

Театр был огромный, с каменными колоннами. На крыше его взвивались на дыбы чугунные лошади. Их сдерживал человек с венком на голове — должно быть, сильный и храбрый. Ему удалось остановить горячих лошадей у самого края крыши. Копыта лошадей висели над площадью. Маша представляла себе, какой был бы переполох, если бы

человек не сдержал чугунных лошадей: они сорвались бы с крыши на площадь и промчались с громом и звоном мимо милиционеров.

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку и обещала взять на первый же спектакль Петровну и Машу. За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букет цветов. Его подарил маме Машин отец. Он был моряком и привёз этот букетик из какой-то далёкой страны.

Потом Машин отец ушёл на войну, потопил несколько фашистских кораблей, два раза тонул, был ранен, но остался жив. А теперь он опять далеко, в стране со странным названием «Камчатка», и вернётся не скоро, только весной.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала ему несколько слов. Это было удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

— Вот,— прошептала мама,— ты и дождался.

— Чего дождался? — спросила Маша.

— Ты маленькая, ничего ещё не понимаешь,— ответила мама.— Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце. Тогда я буду знать, что ты в это время вспомнила обо мне».

— А вот я и поняла,— сказала сердито Маша.

— Что ты поняла?

— Всё! — ответила Маша и покраснела: она не любила, когда ей не верили.

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол и сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

В этот вечер букет лежал за спиной у Маши на столе и поблескивал. Было так тихо, что казалось, всё спит кругом: весь дом, и сад за окнами, и каменный лев, что сидел внизу у ворот и всё сильнее белел от снега. Не спали только Маша, отопление и зима. Маша смотрела за окно, отопление тихонько пищало свою тёплую песню, а зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег. Он летел мимо фонарей и ложился на землю. И было непонятно, как с такого чёр-

ного неба может слетать такой белый снег. И ещё было непонятно, почему среди зимы и морозов распустились у мамы на столе в корзине красные большие цветы. Но непонятнее всего была седая ворона. Она сидела на ветке за окном и смотрела, не моргая, на Машу.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату, и уведёт Машу умыться.

Как только Петровна и Маша уходили, ворона взлетала на форточку, протискивалась в комнату, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала. Она торопилась, забывала вытереть лапы о ковёр и оставляла на столе мокрые следы. Петровна каждый раз, возвратившись в комнату, всплескивала руками и кричала:

— Разбойница! Опять чего-нибудь уволокла!

Маша тоже всплескивала руками и вместе с Петровной начинала торопливо искать, что на этот раз утащила ворона. Чаще всего ворона таскала сахар, печенье и колбасу.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке, где летом продавали мороженое. Ворона была скупая, сварливая. Она забивала клювом в щели ларька все свои богатства, чтобы их не разворовали воробьи.

Иной раз по ночам ей снилось, будто воробьи прокрались в ларёк и выдалбливают из щелей кусочки замёрзшей колбасы, яблочную кожуру и серебряную обёртку от конфет. Тогда ворона сердито каркала во сне, а милиционер на соседнем углу оглядывался и прислушивался. Он уже давно слышал по ночам карканье из ларька и удивлялся. Несколько раз он подходил к ларьку и, загородившись ладонями от света уличного фонаря, всматривался внутрь. Но в ларьке было темно, и только на полу белел поломанный ящик.

Однажды ворона застала в ларьке маленького растрёпанного воробья, по имени Пашка.

Жизнь для воробьёв пришла трудная. Маловато было овса, потому что лошадей в городе почти не осталось. В прежние времена — их иногда вспоминал Пашкин дед, старый воробей, по прозвищу Чичкин, — воробьиное племя все дни



толкалось около извозчичьих стоянок, где овёс высыпался из лошадиных торб на мостовую.

А теперь в городе одни машины. Они овсом не кормятся, не жуют его с хрупом, как добродушные лошади, а пьют какую-то ядовитую воду с едким запахом. Воробьиное племя поредело. Иные воробьи подались в деревню, поближе к лошадям, а иные — в приморские города, где грузят на пароходы зерно и потому там воробьиная жизнь сытая и весёлая.

«Раньше,— рассказывал Чичкин,— воробьи собирались стаями по две-три тысячи штук. Бывало, как вспорхнут, как рванут воздух, так не то что люди, а даже извозчицьи лошади шарахались и бормотали: «Господи, спаси и помилуй! Неужто нету на этих сорванцов управы?»

А какие были воробьиные драки на базарах! Пух летал облаками. Теперь таких драк нипочём не допустят...»

Ворона застала Пашку, как только он юркнул в ларёк и не успел ещё ничего выковырять из щели. Она стукнула Пашку клювом по голове. Пашка упал и завёл глаза: прикинулся мёртвым.

Ворона выбросила его из ларька и напоследок каркнула — выбранилась на всё воробьиное племя вороватое.

Милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу: умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

— Эх ты, безпризорник! — сказал милиционер, снял варежку и спрятал варежку с Пашкой в карман шинели.— Невесёлой жизни ты воробей!

Пашка лежал в кармане, моргал глазами и плакал от обиды и голода. Хоть бы склюнуть какую ни на есть крошку! Но у милиционера хлебных крошек в кармане не было, а валялись только бесполезные крошки табаку.

Утром Петровна с Машей пошли гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил:

— Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание?

Маша ответила, что воробей ей требуется, и даже очень. Тогда красное, обветренное лицо милиционера вдруг собра-

лось морщинками. Он засмеялся и вытащил варезку с Пашкой:

— Берите! С варезкой. А то удерёт. Варезку мне потом принесёте. Я с поста сменяюсь не раньше чем в двенадцать часов.

Маша принесла Пашку домой, пригладила ему перья щёткой, накормила и выпустила. Пашка сел на блюдечко, попил из него чаю, потом посидел на голове у кузнеца, даже начал было дремать, но кузнец в конце концов рассердился, замахнулся молотком, хотел ударить Пашку. Пашка с шумом перелетел на голову баснописцу Крылову. Крылов был бронзовый, скользкий — Пашка едва на нём удержался. А кузнец, осердясь, начал колотить по наковальне — и наколотил одиннадцать раз.

Пашка прожил в комнате у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола копчёную рыбу голову. Пашка спрятался за корзину с красными цветами и сидел там тихо.

С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше, поклёвывал крошки и соображал, чем бы Машу отблагодарить. Один раз он принёс ей замёрзшую рогатую гусеницу — нашёл её на дереве в парке. Но Маша гусеницу есть не стала, и Петровна, бранясь, выбросила её за окно.

Тогда Пашка, назло старой вороне, начал ловко утаскивать из ларька ворованные вещи и приносить их обратно к Маше. То притащит засохшую пастилу, то окаменелый кусочек пирога, то красную конфетную бумажку.

Должно быть, ворона воровала не только у Маши, но и в других домах, потому что Пашка иногда ошибался и притаскивал чужие вещи: расчёску, карту — трефовую даму — и золотое перо от «вечной» ручки.

Пашка влетал с этими вещами в комнату, бросал их на пол, делал по комнате несколько петель и стремительно, как маленький пушистый снаряд, исчезал за окном.

В этот вечер Петровна что-то долго не просыпалась.

Маше было любопытно посмотреть, как ворона протискивается в форточку. Она этого ни разу не видела.

Маша влезла на стул, открыла форточку и спряталась

за шкафом. Сначала в форточку летел крупный снег и таял на полу, а потом вдруг что-то заскрипело. Ворона влезла в комнату, прыгнула на мамин стол, посмотрелась в зеркало, взъерошилась, увидев там такую же злую ворону, потом каркнула, воровато схватила стеклянный букет и вылетела за окно.

Маша вскрикнула. Петровна проснулась, заохала и заругалась. А мама, когда возвратилась из театра, так долго плакала, что вместе с ней заплакала и Маша. А Петровна говорила, что не надо убиваться, может, и найдётся стеклянный букетик — если, конечно, дура-ворона не обронила его в снег.

Утром прилетел Пашка. Он сел отдохнуть на баснописца Крылова, услышал рассказ об украденном букете, нахохлился и задумался.

Потом, когда мама пошла на репетицию в театр, Пашка увязался за ней. Он перелетал с вывесок на фонарные столбы, с них — на деревья, пока не долетел до театра. Там он посидел немного на морде у чугунной лошади, почистил клюв, смахнул лапой слезинку, чирикнул и скрылся.

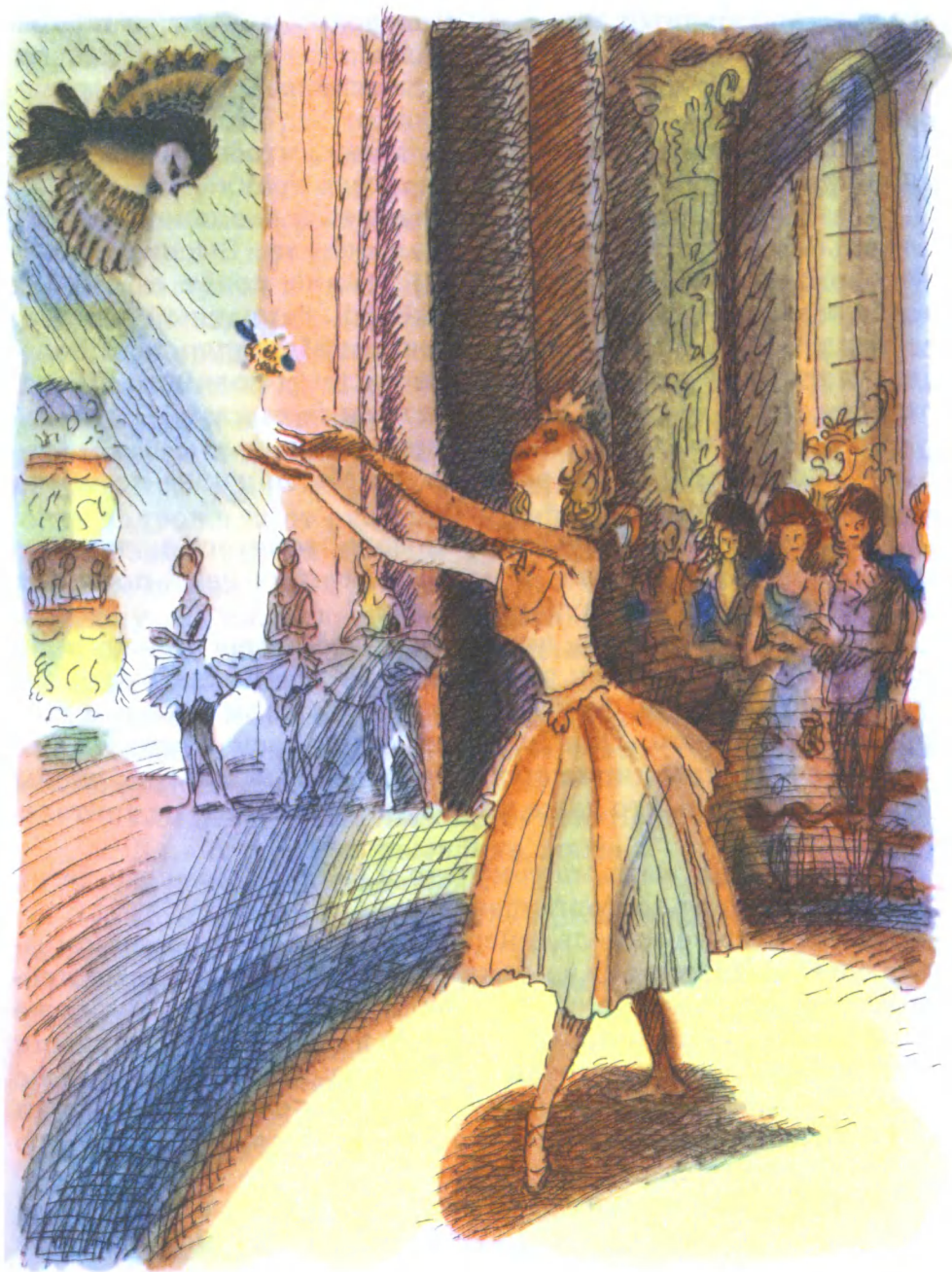
Вечером мама надела на Машу праздничный белый фартучек, а Петровна накинула на плечи коричневую атласную шаль, и все вместе поехали в театр. А в этот самый час Пашка по приказу Чичкина собрал всех воробьёв, какие жили поблизости, и воробьи всей стаей напали на вороний ларёк, где был спрятан стеклянный букет.

Сразу воробьи не решились, конечно, напасть на ларёк, а расселись на соседних крышах и часа два дразнили ворону. Они думали, что она разозлится и вылетит из ларька. Тогда можно будет устроить бой на улице, где не так тесно, как в ларьке, и где на ворону можно навалиться всем сразу.

Но ворона была учёная, знала воробьиные хитрости и из ларька не вылезала.

Тогда воробьи наконец собрались с духом и начали один за другим проскакивать в ларёк. Там поднялся такой писк, шум и трепыхание, что вокруг ларька тотчас собралась толпа.

Прибежал милиционер. Он заглянул в ларек и отшат-



нулся: воробьиный пух летал по всему ларьку, и в этом пуху ничего нельзя было разобрать.

— Вот это да! — сказал милиционер. — Вот это рукопашный бой по уставу!

Милиционер начал отдирать доски, чтобы открыть заколоченную дверь в ларёк и прекратить драку.

В это время все струны на скрипках и виолончелях в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул бледной рукой, медленно повёл ею, и под нарастающий гром музыки тяжёлый бархатный занавес качнулся, легко поплыл в сторону, и Маша увидела большую нарядную комнату, залитую жёлтым солнцем, и богатых уродок — сестёр, и злую мачеху, и свою маму — худенькую и красивую, в стареньком сером платье.

— Золушка! — тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Было очень хорошо, что музыка всё время только и делала, что печалилась и радовалась за маму, как будто все эти скрипки, гобои, флейты и тромбоны были живыми добрыми существами. Они всячески старались помочь маме вместе с высоким дирижёром. Он так был занят тем, чтобы помочь Золушке, что даже ни разу не оглянулся на зрительный зал.

И это очень жаль, потому что в зале было много детей с пылающими от восторга щеками.

Даже старые капельдинеры, которые никогда не смотрят спектакли, а стоят в коридорах у дверей с пучками программ в руках и большими чёрными биноклями, — даже эти старые капельдинеры бесшумно вошли в зал, прикрыли за спиной двери и смотрели на Машину маму. А один даже вытирал глаза. Да и как ему было не прослезиться, если так хорошо танцевала дочь его умершего товарища, такого же капельдинера, как и он.

И вот, когда кончился спектакль и музыка так громко и весело запела о счастье, что люди улыбнулись про себя

и только недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слёзы,— вот в это самое время в зрительный зал ворвался, поносившись и поплутав по театральным лестницам, маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой, ослеплённый сотнями огней, и все заметили, что в клюве у него что-то нестерпимо блестит, как будто хрустальная веточка.

Зал зашумел и стих. Дирижёр поднял руку и остановил оркестр. В задних рядах люди начали вставать, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Воробей подлетел к Золушке. Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколола его к своему платью. Дирижёр взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

Золушка кланялась и смеялась, и Маша, если бы не знала наверное, никогда бы не догадалась, что эта Золушка — её мама.

А потом, у себя в доме, когда погасили свет и поздняя ночь вошла в комнату и приказала всем спать, Маша сквозь сон спросила маму:

— Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?

— Да,— ответила, помолчав, мама.

— А почему ты плачешь?

— Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.

— Вот и неправда! — пробормотала Маша.— От радости смеются.

— От маленькой радости смеются,— ответила мама,— а от большой плачут. А теперь спи!

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке за окном спал Пашка. Тихо было в мире, и крупный снег, что падал и падал с неба, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.



ЦВETИК-СЕМИЦВETИК

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином — для папы, две баранки с маком — для мамы, две баранки с сахаром — для себя и одну маленькую розовую баранку — для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идёт — по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: сначала папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур лёгкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась её догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое. Больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возмись старушка:

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке всё и рассказала.



Пожалела старушка Женю, привела её в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растёт у меня в садике один цветок, называется «цветик-семицветик», он всё может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он всё устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: жёлтый, красный, синий, зелёный, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик,— сказала старушка,— не простой. Он может исполнить всё, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то и то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила её до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало. Что делать? Женя уже собиралась, по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала жёлтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.

Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ Я БЫЛА ДОМА С БАРАНКАМИ!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь? Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тяпа-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе слышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ МАМИНА ЛЮБИМАЯ ВАЗОЧКА СДЕЛАЛАСЬ ЦЕЛАЯ!

Не успела она это сказать, как черепки сами собою поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а её любимая вазочка как ни в чём не бывало стоит на своём месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала её гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчишки играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.



— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!
— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берём.
— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?
— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.
— Значит, не принимаете?
— Не принимаем. Уходи!
— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ БЫЛА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ!

Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице, с голыми ногами, одна-одинёшенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слёзы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе.

А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей — и прямёхонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвёртый — потёртый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневши-

ми пальчиками цветик-семицветик, вырвала зелёный лепесток, кинула и закричала что есть мочи :

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ Я СЕЙЧАС ЖЕ ОЧУТИЛАСЬ ОПЯТЬ НА НАШЕМ ДВОРЕ!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на неё смотрят и смеются :

- Ну, где же твой Северный полюс?
- Я там была.
- Мы не видели. Докажи!
- Смотрите — у меня ещё висит сосулька.
- Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками.

Пришла — видит, у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколёсный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали жёлтые, как у козы.

«Ну,— думает,— я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала :

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВСЕ ИГРУШКИ, КАКИЕ ЕСТЬ НА СВЕТЕ, БЫЛИ МОИ!

И в тот же миг откуда ни возьмись со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг ничего не было слышно, кроме куклиной болтовни. Вы представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов ещё не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколёсные велосипеды, тракторы, автомобили... Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать ещё громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолётов, дирижаблей, планёров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Постовые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки всё валили и валили. Кончились советские, начались американские. Уже весь город был завален игрушками. Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБ ИГРУШКИ ПОСКОРЕЙ УБИРАЛИСЬ ОБРАТНО В МАГАЗИНЫ!

И тотчас все игрушки исчезли.

Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперёд буду умнее.

Пошла она на улицу, идёт и думает:

«Чего бы мне ещё всё-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «Мишек». Нет, лучше два кило «Прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «Мишек», полкило «Прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и ещё, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, всё это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколёсный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Ещё, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там всё-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть что-нибудь ещё гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, весёлые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке увидела очень ясно своё лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.



— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голоском, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —
Быть по-моему вели.

ВЕЛИ, ЧТОБЫ ВИТЯ БЫЛ ЗДОРОВ!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.





ДОБРАЯ РАКОВИНА

В бурю море становилось злым, чёрным. Ветер подымал на нём высокие волны — такие высокие, что они даже закрывали солнце. Волны несли к берегу и выбрасывали на песок, на камни длинные водоросли, неосторожных рыб, измученных прибоем крабов и множество красивых маленьких ракушек. Иногда море выбрасывало и чудесные большие раковины. Но это случалось очень редко. По крайней мере, Грише ещё не посчастливилось найти такую.

Уж больше недели свирепствовал на море ветер. Волны изо всех сил били о берег. Но постепенно ветер затих и море успокоилось. Гладкое, оно сверкало на солнце, похожее на огромное зеркало.

— Что же ты сегодня подаришь мне? — спросил Гриша у моря. — Хорошо бы большую раковину.

Шш-ши-ши... Шш-ши-ши... Шш-ши-ши,— ответило море шелестом волн.

— Ага,— догадался Гриша.— Ты говоришь: «Ищи... ищи... ищи...» Хорошо, я буду искать.

И он пошёл по берегу, внимательно разглядывая всё, что выбросило в бурю разгневанное море. Но раковина не

попадалась. Он сел на большой плоский камень и стал смотреть в море.

Вдоль берега на быстроходной лодке быстро мчался мальчуган. Он был немногим старше Гриши.

— Возьми меня покататься! — крикнул ему Гриша.

Но мальчуган даже и не посмотрел на него. И лодка пролетела мимо.

Гриша опустил голову — и вдруг увидел у своих ног большую чудесную раковину. Она была вся из розового перламутра и светилась так, будто в ней горела лампочка.

Не веря глазам, Гриша бережно взял её обеими руками и поднёс к уху. Раковина сразу же загудела. В её шуме слышался вой ветра, плеск волн и свист парусов...

...И тут же Гриша увидал мчащийся по морю корабль. На его мачте развевался чёрный флаг. На носу корабля стоял одноглазый пират. За поясом у него торчали пистолет и кривой кинжал. И как это получилось, Гриша не мог понять, но он оказался на этом корабле. И увидел связанную плачущую девушку. Она звала на помощь.

— Как мне помочь тебе? — спросил Гриша её.

— Дай мне раковину, — ответила девушка.

Грише не хотелось расставаться с раковиной, но очень жаль было девушку — и он отдал раковину. И тут же девушка превратилась в птицу и улетела. И как только улетела — всё исчезло. И Гриша увидел, что стоит на берегу и держит в руках чудесную раковину.

«Что это такое?» — удивлённо подумал он и снова приложил раковину к уху. И опять зашумела она, стала даже гудеть...

...И Гриша увидал на море военный корабль и на капитанском мостике молодого капитана. И тут же увидал фашистскую подводную лодку. И понял, что сейчас фашисты выпустят торпеду и судно погибнет. И как только он это понял, то сразу же оказался рядом с капитаном.

— Чем я могу помочь? — крикнул Гриша капитану.

— Если бросишь раковину в море, фашисты погибнут и мы будем спасены! — ответил капитан.



— Хорошо! — ответил Гриша и уже замахнулся, как вдруг увидел проплывающую быстроходную лодку.

— Э, да у тебя раковина! — крикнул мальчуган, хозяин лодки. — Если отдашь её мне, я тебя покатаю. Дай раковину и садись!

«А как же капитан? — подумал Гриша. — Если я не помогу, фашисты погубят судно!»

И, больше ни секунды не медля, он сильно размахнулся и бросил раковину. Она вспыхнула на солнце, как лампочка, и тут же утонула.

И опять стоит Гриша на берегу и держит в руках чудесную добрую раковину.





МУРАВЕЙ И КОСМОНАВТ

Мурашка, молодой рыжий муравей, жил в муравейнике под плетнём. По одну сторону плетня была бахча, по другую — дорога. На рассвете по дороге ездил машина-молоковоз. Машина была тяжёлая. Когда она ехала, весь муравьиный дом дрожал. Мурашка любил поспать, да как тут спать, если стены дома ходят ходуном! И он вставал раньше солнышка, протирал лапками глаза, подпоясывался потуже и бежал на работу.

Работа у него была самая обычная: он ловил гусениц под берёзкой и доставлял их в кладовку.

Однажды Мурашка прибежал к берёзке и присел передохнуть. Он сидел и всё поглядывал вверх — не качается ли на шёлковой ниточке зелёная гусеница? Гусеница не качалась. Зато увидел Мурашка, как с неба падает огромное солнце.

Мурашка испугался, что солнце сожжёт его, хотел броситься наутёк. И убежал бы, да заметил в середине солнца человека. Мурашка сразу узнал его по комбинезону и шлему. Это Космонавт опускался с оранжевым парашютом.

Космонавт приземлился, отстегнул ремни парашюта, снял шлем, подошёл к берёзе.

— Здравствуй, берёза! — сказал он, взял в руку ветку и поцеловал листья на ней.

Мурашке это не понравилось. Подумать только, здороваться с берёзой, когда тут есть муравей! «Просто он меня не видит», — подумал Мурашка и, подкрутив рыжие усики, забрался на башмак Космонавта, пробежал по ноге, по боку, с бока перелез на рукав, а с рукава на указательный палец.

Космонавт увидел Мурашку, улыбнулся:

— Доброе утро, Мураш Муравьевич! Что так рано поднялся? Дела?

— Дела... — ответил смущённо Мурашка. — А правда, что Земля круглая, как тыква на бахче?

— Правда, — ответил Космонавт. — Я был далеко от Земли и видел — она круглая.

— У нас на верхушке Земли хорошо, — сказал Мурашка. — Тут живём мы — муравьи и люди. А внизу Земли никого нет, там все падают с неё.

— И внизу земли есть и муравьи и люди, Мураш Муравьевич.

— Ну уж! — засомневался Мурашка.

Тут послышался гул мотора. За Космонавтом летел вертолёт.

— Прячься скорее, иначе тебя унесёт ветром, — сказал Космонавт и опустил Мурашку за камень.

Когда вертолёт улетел и стих ветер, Мурашка побежал что есть духу к муравейнику — рассказать о необыкновенной встрече.

МУРАШКА ТАНЦУЕТ

Все Мурашкины братья и сёстры, все дедки и бабки, все племянницы и племянники, дядьки и тётки тоже видели Космонавта. Но поговорить с ним, посидеть на его пальце — такая честь выпала только Мурашке. И хотя он был обыкновенным рыжим муравьём, все стали относиться к нему с большим уважением. А сам Мурашка решил, что ему



теперь море по колено и он будет делать только приятные дела. Приятным делом для него было танцевать. Он затянул пояс ещё крепче, так, что совсем не стало видно живота, и на листе конского щавеля пустился в пляс...

«Пусть танцует,— говорили муравьи,— другой на его месте умер бы от радости». Они думали, что Мурашка, повеселившись, примется за работу.

Но Мурашка и не думал приниматься за работу. Он только танцевал. Муравьи рассердились. Вечером они закрыли двери в муравейнике и оставили Мурашку ночевать на улице.

— Ага, вы, значит, такие! — кричал Мурашка у запертых дверей.— Ладно. Я сделаю свой муравейник. Лучше вашего! А захочу, найду себе собственную Землю и буду жить на ней один. Мне Космонавт рассказал, какая она, Земля.

«Действительно, почему бы не подыскать себе Землю?» — думал Мурашка, вздрагивая от ночного холода.

МУРАШКИНА ЗЕМЛЯ

Утром другого дня Мурашка отправился выбирать себе Землю. Ему понравилась крупная полосатая тыква. Она висела на плетне и, по мнению Мурашки, была совсем как Земля. Он забрался на тыкву и окончательно уверился в этом: жёлтые полосы на боках тыквы были как пшеничные поля, зелёные — как леса, а на верхушке, в ямке у черешка, скопилась дождевая вода — это было море.

Мурашка сплясал на берегу моря. Отдохнул немного и побежал путешествовать. Он решил обежать вокруг собственной Земли, посмотреть, что делается внизу,— может быть, там отыщутся горы или ещё что-нибудь интересное. Мурашка бежал по боку тыквы. Бок у тыквы был скользкий. Мурашка упал со своей Земли на грядку.

«Как же так? — потирая спину, думал муравей.— Космонавт говорил, что с Земли упасть невозможно».

Мурашка снова забрался на тыкву. Он сел на морском берегу, обхватил голову лапками и стал размышлять, как

строить тут муравейник. Он придумал бы, но вдруг тыква вздрогнула и загнула.

— Ого! — испугался и обрадовался Мурашка. — Кажется, землетрясение... Моя Земля совсем настоящая...

Но это было не землетрясение. Это мальчишка, который шёл мимо бахчи, запустил в тыкву камень из рогатки.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

День проходил за днём. Мурашка бродил по бахче. Лазил на плетень. Иногда добирался до берёзы, но делал всё украдкой, чтобы не попасть на глаза родственникам. Земля-тыква ему надоела. Возвратиться в муравейник не позволяла гордость. Стал Мурашка бездомным. Он уже не танцевал; веселье пропало, а появилась злость. И когда увидел муравей человека, сидевшего под берёзой, помчался к нему. «Ну и кусну я его... Вот подскочит!»

Муравей бежал сквозь чащу травинки и становился всё злее. «В нос укушу!» — грозился он.

Мурашка по всем правилам нечестной драки наскочил на человека сзади: пробежал по белой рубашке до воротника, с воротника перелез на шею, с шеи на щёку, со щеки на нос. И только Мурашка изогнулся, чтобы побольнее куснуть, как очутился между большим и указательным пальцами человека.

— Старый знакомый! — услышал Мурашка голос. — Что это ты разгуливаешь по моему носу?

Мурашка обмер: это был тот самый Космонавт, что опустился тут однажды утром. Рыжий Мурашка от стыда стал красным.

— Добрый день!.. — сказал Мурашка, заикаясь. — Опять к нам пожаловали?..

— Захотелось посмотреть на эту поляну, — ответил Космонавт, — и на берёзу, и на тебя, Мураш Муравьевич. Это не простая штука — встреча с Землёй. Я никогда не забуду такой радости.

— А Земля похожа на тыкву? — спросил Мурашка, вспомнив свои огорчения и неудачи на Земле-тыкве.

— Я говорил тебе. Похожа и на тыкву, и на мячик, и на воздушный шарик. Как голубой шарик, летит она в Космосе.

— И никто не падает с неё?

— Никто не падает.

— А почему же я упал со своей Земли? — сказал Мурашка, и его голос задрожал от обиды.

Выслушав Мурашку, Космонавт засмеялся:

— Земля, друг ты мой Муравьёвич, это удивительно! Если нет у тебя важных дел, я расскажу тебе маленькие сказки.

— Важных нет,— сказал печально Мурашка.— Рассказывайте.

Он устроился на белой пуговице и приготовился слушать.

ПЕРВАЯ СКАЗКА

Было время, когда с Земли всё падало. Внизу падало вниз. А на верхушке Земли, как это ни странно, падало вверх. Улетало, словно птица. Падали-улетали собаки, если их не привязывали к конуре. Спелые яблоки, сладкие как мед, падали-улетали с яблонь. Яблоки приходилось обрывать незрелыми, в рот не возмёшь — кислятина!

Для людей на улицах были устроены перила. Человек шёл и держался за них.

Чтобы не было несчастий с людьми, которые забывали держаться за перила, над городами и деревнями устраивали сетки на высоких столбах. Рассеянные люди падали-улетали в эти сетки. На Землю они спускались по лесенке.

А что творилось в доме?! Стулья и столы, если они не были прибиты к полу, падали на потолок.

Как видишь, Мурашка, жить на Земле было ещё хуже, чем на твоей тыкве.

И люди сказали Земле: «Ты ведь добрая. Сделай, пожалуйста, чтобы мы не падали с тебя».



«Хорошо,— ответила Земля,— буду притягивать всё, что есть на мне. Как магнит притягивает гвоздики».

Притянула Земля, да так сильно, что люди не могли ноги от дорожки приподнять; птицы прилипли к крышам — не в силах взмахнуть крыльями; вершины деревьев пригнулись к полянам.

«Ай-я-яй! — закричали люди.— Очень сильно притягиваешь. Притягивай послабее...»

Земля притянула послабее, как притягивает сейчас. И никто уже не падал с Земли.

ВТОРАЯ СКАЗКА

Но не совсем хорошо было на Земле. И вот почему, Мураш Муравьевич. Земля висела в Космосе неподвижно, как твоя тыква. И Солнце всегда освещало только одну сторону Земли. Поэтому на одной стороне постоянно был день, а на другой — постоянно ночь.

На солнечной стороне зрели тыквы, лимоны, клубника, пели птицы, порхали бабочки, прыгали зайцы. На тёмной стороне даже одуванчики не росли.

Когда люди ложились спать, на солнечной стороне они завешивали окна плотными шторами: ведь не уснёшь, если свет брызжет в глаза. А некоторые уходили спать на ночную сторону Земли. И часто просыпали там, опаздывали кто на завод, кто в класс. А многие в темноте набивали на лбах шишки и синяки.

Ещё раз попросили люди Землю: «Добрая Земля, не могла бы ты кружиться?»

И Земля закружилась перед Солнцем, как кружится девочка, показывая обновку маме. Солнце по очереди освещало то одну сторону Земли, то другую.

У нас, Мураш Муравьевич, сейчас день. Значит, наша сторона Земли перед Солнцем. Видишь, вон оно какое яркое! А на другой стороне сейчас ночь, и там все спят: и люди и муравьи.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА

Ты говорил, Мурашка, что в твою тыкву попал камень и чуть не убил тебя. А ведь в Землю тоже попадало много камней. В Космосе камни носятся целыми тучами.

Как-то Земля сказала людям: «Нужна мне рубашка, чтобы камни не так больно колотили в мои бока. Я вам дважды удружила. Теперь вы помогите мне. Придумайте что-нибудь».

За дело взялись стеклодувы. Они сделали Земле рубашку из стекла. Но только обновка была готова, как послышался звон — это посыпалось разбитое стекло. Камень-метеорит пробил в стекле дырку. Все стекольщики, сколько было их, начали вставлять новые стёкла. В одном месте вставят — в другом осколки звенят.

Приуныли мастера. Не делать же рубашку Земле из железа! Сквозь железо Солнце не увидишь.

«Попробую-ка я», — сказал тогда продавец воздушных шаров и принялся выпускать воздух из баллонов. Около него собралась длинная очередь, но он не обращал внимания на покупателей, всё окутывал Землю воздухом.

Воздушная рубашка всем понравилась: сквозь неё видно Солнце, а метеориты застревают в ней и сгорают, будто спички.

Продавец шаров любил научные слова. Он назвал рубашку Земли, непохожую на рубашки людей, атмосферой. А после этого занялся привычным делом — стал продавать ребятам шары.

ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ

— Что же мне делать теперь? — заговорил Мурашка. — В муравейник не пускают, двери от меня запирают. Конечно же тыква не Земля. Осенью тыкву унесут в деревню и сварят из неё кашу. Семечки поджарят на сковородке. Зимой ребята будут щёлкать их... Ребятам хорошо, у них есть и шубы, и валенки, и шапки. А я зимой заоченею, помру.

Мурашка всхлипнул, рыжей лапой вытер глаза.

— Посмотри-ка, Мураш Муравьёвич, вверх,— негромко сказал Космонавт.

— Что смотреть,— буркнул Мурашка, но вверх всё же посмотрел.

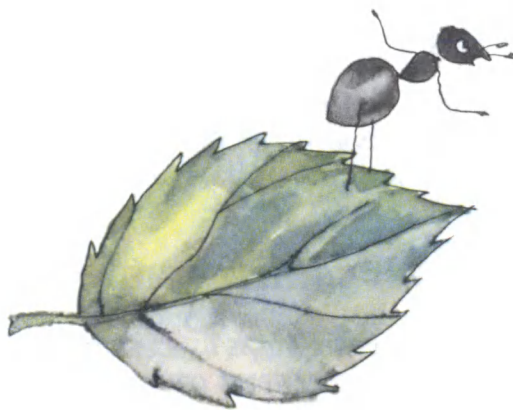
С веток берёзы опускалась на шёлковой нити зелёная гусеница.

— Я думаю, у тебя есть возможность исправить свою ошибку,— прошептал Космонавт.— Запомни только одно: людей и муравьёв много, а Земля — одна-единственная. Ну, счастливой тебе охоты!

Когда Мурашка притащил добычу в муравейник, никто ни о чем не спросил его; муравьи понимали, что хвостун уже наказан. Зато сам Мурашка, сдавая гусеницу в кладовку, сказал:

— Муравьёв и людей много. А Земля — одна-единственная!

И опять муравьи промолчали: они это знали давно.



А.В. Валентин Катаев

ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК

Поспела в лесу земляника.

Взял папа кружку, взяла мама чашку, девочка Женя взяла кувшинчик, а маленькому Павлику дали блюдечко.

Пришли они в лес и стали собирать ягоду: кто раньше наберёт.

Выбрала мама Жене полянку получше и говорит:

— Вот тебе, дочка, отличное местечко. Здесь очень много земляники. Ходи собирай.

Женя вытерла кувшинчик и стала ходить.

Ходила-ходила, смотрела-смотрела, ничего не нашла и вернулась с пустым кувшинчиком.

Видит — у всех земляника. У папы четверть кружки. У мамы полчашки. А у маленького Павлика на блюдечке две ягоды.

— Мама, а мама, почему у всех у вас есть, а у меня ничего нету? Ты мне, наверное, выбрала самую плохую полянку.

— А ты хорошо искала?

— Да. Там ни одной ягоды, одни листики.

— А под листики ты заглядывала?

— Не заглядывала.

— Вот видишь! Надо заглядывать.

— А почему Павлик не заглядывает?

— Павлик маленький. Он сам ростом с землянику, ему и заглядывать не надо, а ты уже девочка довольно высокая.

А папа говорит:

— Ягодки — они хитрые. Они всегда от людей прячутся. Их нужно уметь доставать. Гляди, как я делаю.

Тут папа присел, нагнулся к самой земле, заглянул под листики и стал искать ягоду за ягодкой, приговаривая:

— Одну ягоду беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

— Хорошо, — сказала Женя. — Спасибо, папочка. Буду так делать.

Пошла Женя на свою полянку, присела на корточки, нагнулась к самой земле и заглянула под листики. А под листиками ягод видимо-невидимо. Глаза разбегаются. Стала Женя рвать ягоды и в кувшинчик бросать. Рвёт и приговаривает:

— Одну ягоду беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Однако скоро Жене надоело сидеть на корточках.

«Хватит с меня, — думает. — Я уж и так, наверное, много набрала».

Встала Женя на ноги и заглянула в кувшинчик. А там всего четыре ягоды.

Совсем мало! Опять надо на корточки садиться. Ничего не поделаешь.

Села Женя опять на корточки, стала рвать ягоды, приговаривать:

— Одну ягоду беру, на другую смотрю, третью замечаю, а четвёртая мерещится.

Заглянула Женя в кувшинчик, а там всего-навсего восемь ягодок — даже дно не закрыто.

«Ну, — думает, — так собирать мне совсем не нравится. Всё время нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно. Лучше я пойду поищу себе другую полянку».

Пошла Женя по лесу искать такую полянку, где земляника не прячется под листиками, а сама на глаза лезет и в кувшинчик просится.

Ходила-ходила, полянки такой не нашла, устала и села на пенёк отдыхать. Сидит, от нечего делать ягоды из кувшинчика вынимает и в рот кладёт. Съела все восемь ягод, заглянула в пустой кувшинчик и думает: «Что же теперь делать? Хоть бы мне кто-нибудь помог!»

Только она это подумала, как мох зашевелился, мурава раздвинулась и из-под пенёка вылез небольшой крепкий старичок: пальто белое, борода сизая, шляпа бархатная и поперёк шляпы сухая травинка.

— Здравствуй, девочка,— говорит.

— Здравствуй, дяденька.

— Я не дяденька, а дедушка. Аль не узнала? Я старик-боровик, коренной лесовик, главный начальник над всеми грибами и ягодами. О чём вздыхаешь? Кто тебя обидел?

— Обидели меня, дедушка, ягоды.

— Не знаю. Они у меня смирные. Как же они тебя обидели?

— Не хотят на глаза показываться, под листики прячутся. Сверху ничего не видно. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

Погладил старик-боровик, коренной лесовик свою сизую бороду, усмехнулся в усы и говорит:

— Сущие пустяки! У меня для этого есть специальная дудочка. Как только она заиграет, так сейчас же все ягоды из-под листиков и покажутся.

Вынул старик-боровик, коренной лесовик из кармана дудочку и говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка сама собой заиграла, и, как только она заиграла, отовсюду из-под листиков выглянули ягоды.

— Перестань, дудочка.

Дудочка перестала, и ягодки спрятались.

Обрадовалась Женя:

— Дедушка, дедушка, подари мне эту дудочку!



— Подарить не могу. А давай меняться: я тебе дам дудочку, а ты мне кувшинчик: он мне очень понравился.

— Хорошо. С большим удовольствием.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику кувшинчик, взяла у него дудочку и поскорей побежала на свою полянку. Прибежала, стала посередине, говорит:

— Играй, дудочка.

Дудочка заиграла, и в тот же миг все листики на полянке зашевелились, стали поворачиваться, как будто бы на них подул ветер.

Сначала из-под листиков выглянули самые молодые любопытные ягодки, ещё совсем зелёные. За ними высунули головки ягоды постарше — одна щёчка розовая, другая белая. Потом выглянули ягоды вполне зрелые — крупные и красные. И наконец, с самого низу показались ягоды-старички, почти чёрные, мокрые, душистые, покрытые жёлтыми семечками.

И скоро вся полянка вокруг Жени оказалась усыпанной ягодами, которые ярко сквозили на солнце и тянулись к дудочке.

— Играй, дудочка, играй! — закричала Женя. — Играй быстрее!

Дудочка заиграла быстрее, и ягод высыпало ещё больше — так много, что под ними совсем не стало видно листиков.

Но Женя не унималась:

— Играй, дудочка, играй! Играй ещё быстрее.

Дудочка заиграла ещё быстрее, и весь лес наполнился таким приятным проворным звоном, точно это был не лес, а музыкальный ящик.

Пчёлы перестали сталкивать бабочку с цветка; бабочка захлопнула крылья, как книгу; птенцы малиновки выглянули из своего лёгкого гнезда, которое качалось в ветках бузины, и в восхищении разинули жёлтые рты; грибы поднимались на цыпочки, чтобы не пропустить ни одного звука, и даже старая лупоглазая стрекоза, известная своим сварливым характером, остановилась в воздухе, до глубины души восхищённая чудной музыкой.

«Вот теперь-то я начну собирать!» — подумала Женя и уже было протянула руку к самой большой и самой красной ягоде, как вдруг вспомнила, что обменяла кувшинчик на дудочку и ей теперь некуда класть землянику.

— У, глупая дудка! — сердито закричала девочка. — Мне ягоды некуда класть, а ты разыгралась. Замолчи сейчас же!

Побежала Женя назад к старику-боровику, коренному лесовику и говорит:

— Дедушка, а дедушка, отдай назад мой кувшинчик! Мне ягоды некуда собирать.

— Хорошо, — отвечает старик-боровик, коренной лесовик, — я тебе отдам твой кувшинчик, только ты отдай назад мою дудочку.

Отдала Женя старику-боровику, коренному лесовику его дудочку, взяла свой кувшинчик и поскорее побежала обратно на полянку.

Прибежала, а там уже ни одной ягодки не видно — одни только листики. Вот несчастье! Кувшинчик есть — дудочки не хватает. Как тут быть?

Подумала Женя, подумала и решила опять идти к старику-боровику, коренному лесовику за дудочкой.

Приходит и говорит:

— Дедушка, а дедушка, дай мне опять дудочку!

— Хорошо. Только ты дай мне опять кувшинчик.

— Не дам. Мне самой кувшинчик нужен, чтобы ягоды в него класть.

— Ну, так я тебе не дам дудочку.

Женя взмолилась:

— Дедушка, а дедушка, как же я буду собирать ягоды в свой кувшинчик, когда они без твоей дудочки все под листиками сидят и на глаза не показываются? Мне непременно нужно и кувшинчик и дудочку.

— Ишь ты какая хитрая девочка! Подавай ей и дудочку и кувшинчик! Обойдётся и без дудочки, одним кувшинчиком.

— Не обойдусь, дедушка.

— А как же другие-то люди обходятся?

— Другие люди к самой земле пригибаются, под листики сбоку заглядывают, да и берут ягоду за ягодой. Одну ягоду берут, на другую смотрят, третью замечают, а четвёртая мерещится. Так собирать мне совсем не нравится. Нагибайся да нагибайся. Пока наберёшь полный кувшинчик, чего доброго, и устать можно.

— Ах, вот как! — сказал старик-боровик, коренной лесовик и до того рассердился, что борода у него вместо сизой стала чёрная-пречёрная. — Ах, вот как! Да ты, оказывается, просто лентяйка! Забирай свой кувшинчик и уходи отсюда! Не будет тебе никакой дудочки!

С этими словами старик-боровик, коренной лесовик топнул ногой и провалился под пенёк.

Женя посмотрела на свой пустой кувшинчик, вспомнила, что её дожидаются папа, мама и маленький Павлик, поскорей побежала на свою полянку, присела на корточки, заглянула под листики и стала проворно брать ягоду за ягодой.

Одну берёт, на другую смотрит, третью замечает, а четвёртая мерещится...

Скоро Женя набрала полный кувшинчик и вернулась к папе, маме и маленькому Павлику.

— Вот умница, — сказал Жене папа, — полный кувшинчик принесла. Небось устала?

— Ничего, папочка. Мне кувшинчик помогал.

И пошли все домой — папа с полной кружкой, мама с полной чашкой, Женя с полным кувшинчиком, а маленький Павлик с полным блюдечком.

А про дудочку Женя никому ничего не сказала.





РАССЕЯННЫЙ ВОЛШЕБНИК

Жил-был на свете один учёный, настоящий добрый волшебник, по имени Иван Иванович Сидоров. И был он такой прекрасный инженер, что легко и быстро строил машины, огромные, как дворцы, и маленькие, как часики. Между делом, шутя, построил он для дома своего чудесные машины, лёгкие, как пёрышки. И эти самые машинки у него и пол мели, и мух выгоняли, и писали под диктовку, и мололи кофе, и в домино играли. А любимая его машинка была величиной с кошку, бегала за хозяином, как собака, а разговаривала, как человек. Уйдёт Иван Иванович из дому, а машинка эта и на телефонные звонки отвечает, и обед готовит, и двери открывает. Хорошего человека она пустит в дом, поговорит с ним, да ещё споёт ему песенку, как настоящая птичка. А плохого прогонит, да ещё залает ему вслед, как настоящий цепной пёс. На ночь машинка сама разбиралась, а утром сама собиралась и кричала:

— Хозяин, а хозяин! Вставать пора!

Иван Иванович был хороший человек, но очень рассеянный. То выйдет на улицу в двух шляпах разом, то забудет, что вечером у него заседание. И машинка ему тут очень



помогала: когда нужно — напомним, когда нужно — поправит.

Вот однажды пошёл Иван Иванович гулять в лес. Умная машинка бежит за ним, звонит в звоночек, как велосипед. Веселится. А Иван Иванович просит её:

— Тише, тише, не мешай мне размышлять.

И вдруг услышали они: копыта стучат, колёса скрипят.

И увидели — выезжает им навстречу мальчик, везёт зерно на мельницу.

Поздоровались они.

Мальчик остановил телегу и давай расспрашивать Ивана Ивановича, что это за машинка да как она сделана.

Иван Иванович стал объяснять.

А машинка убежала в лес гонять белок, заливаётся, как колокольчик.

Мальчик выслушал Ивана Ивановича, засмеялся и говорит:

— Нет, вы прямо настоящий волшебник.

— Да вроде этого, — отвечает Иван Иванович.

— Вы, наверное, всё можете сделать?

— Да, — отвечает Иван Иванович.

— Ну, а можете вы, например, мою лошадь превратить в кошку?

— Отчего же! — отвечает Иван Иванович.

Вынул он из жилетного кармана маленький прибор.

— Это, — говорит, — зоологическое волшебное стекло. Раз, два, три!

И направил он уменьшительное волшебное стекло на лошадь.

И вдруг — вот чудеса-то! — дуга стала крошечной, оглобли тоненькими, сбруя лёгонькой, вожжи повисли тесёмочками. И увидел мальчик: вместо коня запряжена в его телегу кошка. Стоит кошка важно, как конь, и роет землю передней лапкой, словно копытом. Потрогал её мальчик — шёрстка мягкая. Погладил — замурлыкала. Настоящая кошка, только в упряжке.

Посмеялись они.

Тут из лесу выбежала чудесная машинка. И вдруг остановилась как вкопанная. И стала она давать тревожные звонки, и красные лампочки зажглись у неё на спине.

— Что такое? — испугался Иван Иванович.

— Как что? — закричала машинка. — Вы по рассеянности забыли, что наше увеличительное зоологическое волшебное стекло лежит в ремонте на стекольном заводе! Как же вы теперь превратите кошку опять в лошадь?

Что тут делать?

Мальчик плачет, кошка мяучит, машинка звонит, а Иван Иванович просит:

— Пожалуйста, прошу вас, потише, не мешайте мне размышлять.

Подумал он, подумал и говорит:

— Нечего, друзья, плакать, нечего мяукать, нечего звонить. Лошадь, конечно, превратилась в кошку, но сила в ней осталась прежняя, лошадиная. Поезжай, мальчик, спокойно на этой кошке в одну лошадиную силу. А ровно через месяц я, не выходя из дому, направлю на кошку волшебное увеличительное стекло, и она снова станет лошастью.

Успокоился мальчик.

Дал свой адрес Ивану Ивановичу, дёрнул вожжи, сказал: «Но!» И повезла кошка телегу.

Когда вернулись они с мельницы в село Мурино, сбежались все, от мала до велика, удивляться на чудесную кошку.

Распряг мальчик кошку.

Собаки было бросились на неё, а она как ударит их лапой во всю свою лошадиную силу. И тут собаки сразу поняли, что с такой кошкой лучше не связываться.

Привели кошку в дом. Стала она жить-поживать. Кошка как кошка. Мышей ловит, молоко лакает, на печке дремлет. А утром запрягут её в телегу, и работает кошка, как лошадь.

Все её очень полюбили и забыли даже, что была она когда-то лошастью.

Так прошло двадцать пять дней.

Ночью дремлет кошка на печи.

Вдруг — бах! бум! трах-тах-тах!

Все вскочили.

Зажгли свет.

И видят: печь развалилась по кирпичикам. А на кирпичах лежит лошадь и глядит, подняв уши, ничего со сна понять не может.

Что же, оказывается, произошло?

В эту самую ночь принесли Ивану Ивановичу из ремонта увеличительное зоологическое волшебное стекло. Машинка на ночь уже разобралась. А сам Иван Иванович не догадался сказать по телефону в село Мурино, чтобы вывели кошку во двор из комнаты, потому что он сейчас будет превращать её в лошадь. Никого не предупредив, направил он волшебный прибор по указанному адресу: раз, два, три — и очутилась на печке, вместо кошки, целая лошадь. Конечно, печка под такой тяжестью развалилась на мелкие кирпичики.

Но всё кончилось хорошо.

Иван Иванович на другой же день построил им печку ещё лучше прежней.

А лошадь так и осталась лошастью.

Но, правда, завелись у неё кошачьи повадки.

Пашет она землю, тянет плуг, старается — и вдруг увидит полевую мышь. И сейчас же всё забудет, стрелой бросается на добычу.

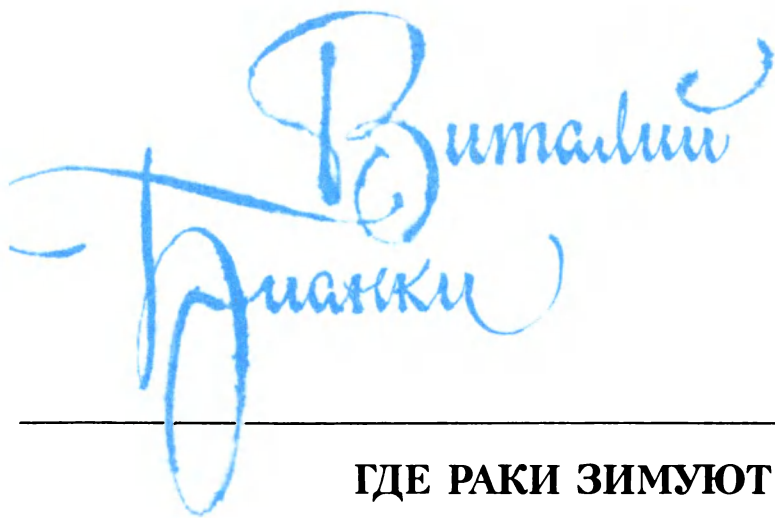
И ржать разучилась.

Мяукала басом.

И нрав у неё остался кошачий, вольнолюбивый. На ночь конюшню перестали запирать. Если запрёшь — кричит лошадь на всё село:

— Мяу! Мяу!

По ночам открывала она ворота конюшни копытом и неслышно выходила во двор. Мышей подкарауливала, крыс подстерегала. Или легко, как кошка, взлетала лошадь на крышу и бродила там до рассвета. Другие кошки её любили. Дружили с ней. Играли. Ходили к ней в гости в конюшню, рассказывали ей обо всех своих кошачьих делах, а она им — о лошадиных. И они понимали друг друга, как самые лучшие друзья.



ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите — кастрюля, на столе — большое белое блюдо. В корзине были чёрные раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла хозяйка и начала :

раз — опустила руку в корзину и схватила чёрного рака поперёк спины;

два — кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и —

три — переложила красного рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло.

Раз — чёрный рак, схваченный поперёк спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щёлкал хвостом;

два — рак окунался в кипяток, переставал шевелиться и краснел;

три — красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шёл пар.

Раз-два-три, раз-два-три — в корзине оставалось всё меньше чёрных раков, кипяток в кастрюле кипел и булькал, а на белом блюде росла гора красных раков.

И вот остался в корзине один, последний рак.

Раз — и хозяйка схватила его пальцами поперёк спины.

В это время ей крикнули что-то из столовой.

— Несу, несу! Последний! — ответила хозяйка и спутала — два! — кинула чёрного рака на блюдо, подождала немножко, подцепила ложкой с блюда красного рака и — три! — опустила его в кипяток.

Красному раку было всё равно, где лежать: в горячей кастрюле или на прохладном блюде. Чёрному раку совсем не хотелось в кастрюлю, не хотелось ему лежать и на блюде. Больше всего ему хотелось туда, где раки зимуют.

И, долго не раздумывая, он начал своё путешествие: задом-задом, на попятный двор.

Он наткнулся на гору неподвижных красных раков и забился под них.

Хозяйка украсила блюдо укропом и подала на стол.

Белое блюдо с красными раками и зелёным укропом было красиво. Раки были вкусные. Гости были голодны. Хозяйка была занята. И никто не заметил, как чёрный рак перевалился с блюда на стол и задом-задом подполз под тарелку, задом-задом добрался до самого края стола.

А под столом сидел котёнок и ждал, не перепадёт ли ему что-нибудь с хозяйского стола.

Вдруг — бац! — треснулся перед ним кто-то чёрный, усатый.

Котёнок не знал, что это рак, думал — большой чёрный таракан, — и толкнул его носом.

Рак попятился.

Котёнок тронул его лапкой.

Рак поднял клешню.

Котёнок решил, что с ним дело иметь не стоит, обернулся и мазнул его хвостом.

А рак — хват! — и зажал ему клешнёй кончик хвоста.

Что тут с котёнком стало! Мяу! — он скакнул на стул. — Мяу! — со стула на стол. — Мяу! — со стола на подоконник. — Мяу! — и выскочил на двор.

— Держи! Держи, бешеный! — кричали гости.



Но котёнок вихрем помчал через двор, взлетел на забор, понёсся по саду. В саду был пруд, и котёнок, верно, свалился бы в воду, если б рак не разжал клешни и не отпустил хвоста.

Котёнок повернул назад и галопом поскакал домой.

Пруд был маленький, весь зарос травой и тиной. Жили в нём ленивые хвостатые тритоны, да карасики, да улитки. Житьё у них было скучное — всегда всё одно и то же. Тритоны плавали вверх и вниз, карасики плавали взад-вперёд, улитки ползали по траве: один день наверх ползут, другой — вниз спускаются.

Вдруг всплеснула вода, и чьё-то чёрное тело, пуская пузыри, опустилось на дно.

Сейчас же все собрались на него поглядеть: приплыли тритоны, прибежали карасики, поползли вниз улитки.

И верно — было на что поглядеть: чёрный был весь в панцире — от кончиков усов до кончика хвоста. Гладкие латы охватывали его грудь и спину. Из-под твёрдого забрала на тоненьких стебельках высывались два неподвижных глаза. Длинные прямые усы торчали вперёд, как пики. Четыре пары тонких ног были как вилочки, две клешни — как две зубастые пасти.

Никто из прудовых жителей ни разу не видел рака, и все из любопытства лезли поближе к нему. Рак шевельнулся — все испугались и отодвинулись подальше. Рак поднял переднюю ножку, ухватил вилкой свой глаз, вытянул стебелёк и давай чистить.

Это было так удивительно, что все опять полезли на рака, а один карасик даже наткнулся на его усы.

Праз! — рак схватил его клешнёй, и глупый карасик разлетелся пополам.

Всполошились карасики, разбежались — кто куда. А голодный рак спокойно принялся за еду.

Сытно зажил рак в пруду. Целыми днями он отдыхал в тине. Ночами бродил, ощупывал усами дно и траву, хватал клешнями тихоходов-улиток.

Тритоны и карасики боялись теперь его и близко не подпускали к себе. Да ему достаточно было и улиток: он съе-

дал их вместе с домиками, и панцирь его только креп от такой пищи.

Но вода в пруду была гнилая, затхлая. И его по-прежнему тянуло туда, где раки зимуют.

Раз вечером начался дождь. Он лил всю ночь, и к утру вода в пруду поднялась, вышла из берегов. Струя подхватила рака и понесла его прочь из пруда, ткнула в какой-то пенёк, подхватила опять и бросила в канаву.

Рак обрадовался, расправил широкий хвост, захлопал им по воде и задом-задом, как ползал, поплыл.

Но дождь кончился, канава обмелела — плыть стало неудобно. Рак пополз.

Полз он долго. Днём отдыхал, а ночью снова отправлялся в путь. Первая канава свернула во вторую, вторая — в третью, третья — в четвёртую, а он всё пятился-пятился, полз-полз — и всё никак не мог никуда приползти, выбраться из ста канав.

На десятый день пути он забрался, голодный, под какую-то корягу и стал ждать, не поползёт ли мимо улитка, не проплывёт ли рыбка или лягушка.

Вот сидит он под корягой и слышит: бултых! Что-то тяжёлое упало с берега в канаву.

И видит рак: плывёт к нему мордастый зверь с усами, с короткими лапами, а ростом с котёнка.

В другое время рак испугался бы, попятился от такого зверюги. Но голод — не тётка. Чем-нибудь надо брюхо набить.

Пропустил рак зверя мимо себя да хватить его клешней за толстый волосатый хвост! Думал, отрежет, как ножницами. Да не тут-то было. Зверь — а это была водяная крыса — как рванёт, и легче птички вылетел рак из-под коряги. Метнула крыса хвостом в другую сторону — крак! — и переломила рачьё клешню пополам.

Упал рак на дно и лежит. А крыса дальше поплыла с его клешней на хвосте. Спасибо ещё — нехватила рака своими страшными зубами: не помог бы ему и крепкий панцирь.

Пополз рак дальше с одной клешней.



Нашёл водоросли и поел их. Потом попал в ил. Рак засунул в него свои лапки-вилки и давай ими шарить. Левая задняя лапка нащупала и схватила в иле червяка. Из лапки в лапку, из лапки в лапку, из лапки в лапку — отправил рак червяка себе в рот.

Подкрепился и пополз дальше.

Целый месяц уже длилось путешествие по канавам, когда рак вдруг почувствовал себя плохо, так плохо, что не мог ползти дальше: и стал хвостом он песок в берегу ворошить, рыть. Только успел вырыть себе норку в песке, как начало его корчить.

Рак линял. Он упал на спину, хвост его то разжимался, то сжимался, усы дёргались. Потом он разом вытянулся — панцирь его лопнул на животе, — и из него полезло розовато-коричневатое тело. Тут рак сильно дёрнул хвостом — и выскочил сам из себя. Мёртвый усатый панцирь выпал из пещерки. Он был пустой, лёгкий. Сильным течением его поволокло по дну, подняло, понесло.

А в глиняной пещерке остался лежать живой рак — такой мягкий и беспомощный теперь, что даже улитка могла бы, казалось, проткнуть его своими рожками.

День проходил за днём, он всё лежал без движения. По-немногу тело его стало твердеть, снова покрываться жёстким панцирем. Только теперь панцирь был уже не чёрный, а красно-коричневый.

И вот — чудо: оторванная крысой клешня быстро начала отрастать заново.

Рак вылез из норки и с новыми силами отправился в путь — туда, где раки зимуют.

Из канавы в канаву, из ручья в ручей полз терпеливый рак. Панцирь его чернел. Дни становились короче, шли дожди, на воде плавали лёгкие золотые челночки — облетевшие с деревьев листья. По ночам вода подёргивалась хрупким ледком.

Ручей вливался в ручей, ручей бежал к реке.

Плыл-плыл по ручьям терпеливый рак — и наконец попал в широкую реку с глиняными берегами.

В крутых берегах под водой — в несколько этажей пещерки, как гнёзда ласточек вверху над водой, в обрыве. И из каждой пещерки рак глядит, шевелит усами, грозит клешнёй. Целый рачий город.

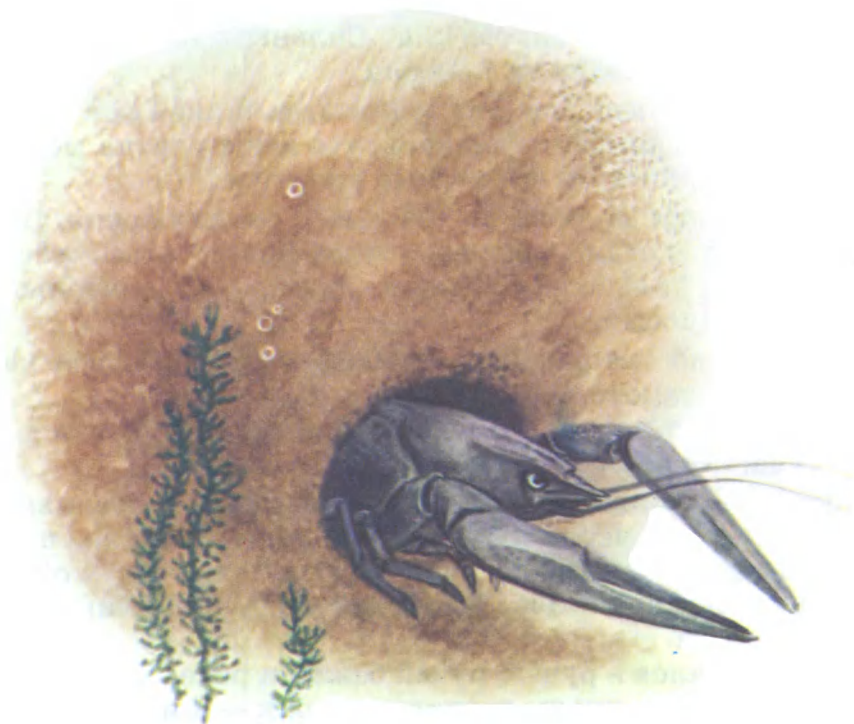
Обрадовался рак-путешественник. Нашёл в берегу свободное местечко и вырыл себе уютную-уютную норку-пещерку. Наелся поплотней и залёг зимовать, как медведь в берлоге.

Да уж и пора было: снег падал, и вода замёрзла.

Заткнул рак вход в пещерку своей большой клешнёй, — поди-ка сунься к нему!

И заснул.

Так и все раки зимуют.





Жили-были две лягушки. Были они подружки и жили в одной канаве. Но только одна из них была храбрая, сильная, весёлая, а другая ни то ни сё: трусиха была, лентяйка, соня.

Но всё-таки жили они вместе, эти лягушки.

И вот однажды ночью вышли они погулять.

Идут себе по лесной дороге и вдруг видят: стоит дом. А около дома погреб. И пахнет из этого погреба очень вкусно: плесенью пахнет, сыростью, мохом, грибами. А это как раз то самое, что лягушки любят.

Вот забрались они поскорей в погреб, стали там играть и прыгать. Прыгали, прыгали и нечаянно свалились в горшок со сметаной.

И стали тонуть.

А тонуть им, конечно, не хочется.

Тогда они стали барахтаться, стали плавать. Но у этого глиняного горшка были очень высокие скользкие стенки. И лягушкам оттуда никак не выбраться.

Та лягушка, что была лентяйкой, поплавала немножко, побарахталась и думает:

«Всё равно мне отсюда не выбраться. Зачем же я буду напрасно барахтаться? Только мучиться зря. Уж лучше я сразу утону».

Подумала она так, перестала барахтаться — и утонула.

А вторая лягушка — та была не такая. Та думает:

«Нет, братцы, утонуть я всегда успею. Это от меня не уйдёт. А лучше я ещё побарахтаюсь, ещё поплаваю. Кто его знает, может быть, у меня что-нибудь и выйдет».

Но только — нет, ничего не выходит. Как ни плавай — далеко не уплывёшь. Горшок маленький, стенки скользкие — не вылезти лягушке из сметаны.

Но всё-таки она не сдаётся, не унывает.

«Ничего,— думает,— пока силы есть, буду барахтаться. Я ведь ещё живая, значит, надо жить. А там — что будет».

И вот из последних сил борется наша храбрая лягушка со своей лягушечьей смертью. Уж вот она и память стала терять. Уж вот захлебнулась. Уж вот её ко дну тянет. А она и тут не сдаётся. Знай себе лапками работает. Дрыгает лапками и думает:

«Нет! Не сдамся! Шалишь, лягушечья смерть...»

И вдруг — что такое? Вдруг чувствует наша лягушка, что под ногами у неё уже не сметана, а что-то твердое, что-то такое крепкое, надёжное, вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она, лягушка, на комке масла.

«Что такое? — думает лягушка. — Откуда взялось здесь масло?»

Удивилась она, а потом догадалась: ведь это она сама лапками своими из жидкой сметаны твёрдое масло сбила.

«Ну вот,— думает лягушка,— значит, я хорошо сделала, что сразу не утонула».

Подумала она так, выпрыгнула из горшка, отдохнула и пошла к себе домой, в лес.

А вторая лягушка осталась в горшке.

И никогда уж она, голубушка, больше не видела белого света, и никогда не прыгала, и никогда не квакала.

Ну что ж! Если говорить правду, так сама ты, лягушка, и виновата. Не падай духом! Не умирай раньше смерти!





БЕЛЫЙ ВОРОН И КРОТ

Прилетел Белый Ворон в незнакомую страну. Нашёл дерево самое высокое, самое раскидистое, могучее. Стал гнездо вить.

Вдруг вылезает из-под земли Крот. Посмотрел, видит — Белый Ворон гнездо вьёт.

Постоял Крот да и говорит:

— Белый Ворон! Не вей гнезда на этом дереве. Плохое оно!

А Белый Ворон засмеялся и только лапой на него — молчи, мол.

Посидел Крот и снова говорит:

— Белый Ворон! Не вей гнезда, плохое это дерево!

А Белый Ворон снова рассмеялся и прокаркал:

— Ах ты, слепой Крот, дурак — назад пятки! Что ты мне советуешь, меня, ворона, учишь, когда я на версту в небо поднимаюсь. Мне оттуда всю степь и горы видно. А ты что — ковыряешься в земле, как червь... Это дерево — самое большое в лесу, самое могучее!

Не послушал Белый Ворон Крота. Свил себе гнездо на могучем дереве. Завёл птенцов.

Вот проходит столько-то дней.



Прибежал из степи Ветер. Набросился на деревья и давай их раскачивать, давай трясти.

Дошла очередь и до могучего дерева. Схватил его Ветер да как дёрнет!.. А корни дерева не смогли удержаться, оторвались от земли, и упало дерево и придавило собой гнездо Белого Ворона.

Тут из-под земли вылез Крот и сказал Белому Ворону:

— Ты вот высоко летал и думал, что всё знаешь. А я рылся в земле и видел то, чего тебе сверху никогда не увидеть — что корни у дерева этого гнилые были. Если бы ты об этом подумал, если бы ты меня, Крота, послушал — жить бы тебе и жить!..

Оказывается, почаше надо к земле ухом прикладываться. Тогда всё хорошо будет.





КРУЖЕЧКА ПОД ЁЛОЧКОЙ

Мальчик взял сеточку — плетёный сачок — и пошёл на озеро рыбу ловить.

Первой поймал он голубую рыбку. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговицы. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски.

Взял мальчик кружечку, маленькую кружечку из тонкого стекла. Зачерпнул из озера водицы в кружечку, пустил рыбку в кружечку — пусть плавает пока.

Поставил под ёлочкой, а сам пошёл дальше. Поймал ещё рыбку. Большую рыбку — с палец. Рыбка была красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полосы, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Рыбка сердится, бьётся, вырывается, а мальчик скорее её в кружечку — бух!

Побежал дальше, поймал ещё рыбку, совсем маленькую. Ростом рыбка не больше комара, еле рыбку видно.

Мальчик взял тихонечко рыбку за хвостик, бросил её в кружечку — совсем не видать. Сам побежал дальше.

«Вот,— думает,— погоди, поймаю рыбу, большого карася».

А подальше, в камышах, жила утка с утятами.

Выросли утята, пора самим летать. Говорит утка утятам:

— Кто поймает рыбу, первый кто поймает, тот будет молодец. Только не хватайте сразу, не глотайте: рыбы есть колючие — ёрш, например. Принесите, покажите. Я сама скажу, какую рыбу есть, какую выплюнуть.

Полетели, поплыли утята во все стороны. А один заплыл дальше всех. Вылез на берег, отряхнулся и пошёл переваливаясь. А вдруг на берегу рыбы водятся? Видит — под ёлочкой кружечка стоит. В кружечке водица. «Дай-ка загляну».

Рыбки в воде мечутся, плещутся, тычутся, вылезти некуда — всюду стекло. Подошёл утёнок, видит — ай да рыбки! Самую большую взял и подхватил. И — скорее к маме.

«Я, наверно, первый. Самый я первый рыбу поймал, я и молодец».

Рыбка красная, пёрышки белые, изо рта два усика свесились, по бокам тёмные полоски, на гребешке пятнышко, как чёрный глаз.

Замахал утёнок крыльями, полетел вдоль берега — к маме напрямик.

Мальчик видит — летит утка, низко летит, над самой головой, в клюве держит рыбку, красную рыбку с палец длинной. Крикнул мальчик во всё горло:

— Моя это рыбка! Утка-воровка, сейчас отдай!

Замахал руками, закидал камнями, закричал так страшно, что всю рыбу распугал.

Испугался утёнок да как крикнет:

— Кря-кря!

Крикнул «кря-кря» и рыбку упустил.

Уплыла рыбка в озеро, в глубокую воду, замахала пёрышками, поплыла домой.

«Как же с пустым клювом к маме вернуться?» — подумал утёнок, повернул обратно, полетел под ёлочку.

Видит — под ёлочкой кружечка стоит. Маленькая кружечка, в кружечке водица, а в водице — рыбки.



Подбежал утёнок, скорее схватил рыбку. Голубую рыбку с золотым хвостиком. Голубую, блестящую, с красными пёрышками, с круглыми глазками. Глазки — как пуговики. А хвостик у рыбки — совсем как шёлковый: голубенький, тоненький, золотые волоски.

Подлетел утёнок повыше и — скорее к маме.

«Ну, теперь не крикну, не раскрою клюва. Раз уже был разиней».

Вот и маму видно. Вот совсем уже близко. А мама крикнула:

— Кря, что несёшь?

— Кря, это рыбка, голубая, золотая, — кружечка стеклянная под ёлочкой стоит.

Вот и опять клюв разинул, а рыбка — плюх в воду! Голубенькая рыбка с золотым хвостом. Замотала хвостиком, заюлила и пошла, пошла, пошла вглубь.

Повернул назад утёнок, прилетел под ёлку, посмотрел в кружечку, а в кружечке рыбка маленькая-маленькая, не больше комара, еле рыбку видно. Ключнул утёнок в воду и что было силы полетел обратно домой.

— Где ж у тебя рыба? — спросила утка. — Ничего не видно.

А утёнок молчит, клюва не открывает. Думает: «Я хитрый! Ух, какой я хитрый! Хитрее всех! Буду молчать, а то открою клюв — упущу рыбку. Два раза ронял».

А рыбка в клюве бьётся тоненьким комариком, так и лезет в горло. Испугался утёнок: «Ой, кажется, сейчас проглочу! Ой, кажется, проглотил!»

Прилетели братья. У каждого по рыбке. Все подплыли к маме и клювы суют. А утка кричит утёнку:

— Ну, а теперь ты покажи, что принёс!

Открыл клюв утёнок, а рыбки и нет.



Валерий
Медведев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГУСЁНКА ЗАПЛАТКИНА

С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ

Я помню себя с той самой минуты, когда меня раскроили из прекраснейшего куска резины на две одинаковые половинки, склеили и я получил возможность слышать всё, что творилось вокруг меня.

Мастера, который занимался мною, звали Кузьма Кузьмич. Вероятно, он был замечательным игрушечником, — я слышал, к нему часто обращались за советом. Все операции, которые Кузьмич производил со мной, он делал быстро, ловко и главное — весело. У него были сильные руки, вкусно пахнувшие табаком и резиновым клеем. Поговорки так и сыпались с его языка. Некоторые из них я запомнил, например вот эти: «Сёмка украл поросёнка, а сказал на гусёнка», «И гуся на свадьбу тащат», «Спросил бы гуся, не забнут ли ноги», «Одним гусём поля не вытопчешь», «Гусь пролетел и крылом не задел»... Судя по количеству пословиц, я понял, что мы, гуси, определённо немаловажные птицы. Тем более что про нас, гусей, даже песня сложена:

«Летят утки и два гуся». Я быстро выучил мотив и слова и хотел подпеть Кузьмичу, но обнаружил, что во мне ещё нет воздуха.

Не успел я подумать об этом, как Кузьмич подставил меня к какой-то шипящей машине и стал через лапу надувать. Так исполнилось моё первое желание. Я наполнился воздухом, округлился и зазвенел, как футбольный мяч.

— Хорош гусь! — сказал Кузьмич, шлёпнув меня по упругому боку. Действительно, я был хорош.

— Звенит! — добавил Кузьмич, щёлкая меня пальцем и поднося к уху. — Звенит, — подтвердил он ещё раз и запел весело: — Летят утки и два гуся...

Я стал тихонько подпевать Кузьмичу, но он взял и выпустил из меня воздух, и я снова сделался плоским и безголосым.

Вэто время раздался звонок, известивший о том, что наступил час обеденного перерыва.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Кузьмич ушёл, а я остался лежать на столе. Обеденный перерыв мне пришёлся по душе. Ещё бы! Никто тебя не трогает, не клеит, не растягивает, не надувает, не выпускает из тебя воздух, — ты спокойно лежишь на столе и ничего не делаешь.

Всё было бы хорошо, если бы не жар, который я почувствовал спустя некоторое время.

Мой левый бок жгло всё сильнее и сильнее, а я лежал и терпел.

Я терпел до тех пор, пока не кончился обеденный перерыв. Когда Кузьма Кузьмич, напевая хрипловатым голосом свою любимую песню, вернулся, в комнате уже начало попахивать жжёной резиной.

Перестав петь, Кузьмич потянул носом, охнул, схватил меня за лапы и опустил в воду, бормоча:

— Ах ты, оказия какая! Забыл выключить... — Он сказал что-то ещё, но я не расслышал.



Высушив меня, Кузьма Кузьмич первым делом закрасил опалённый бок, в котором я всё ещё продолжал чувствовать лёгкое жжение и боль.

— Всё гусь, были бы перья...— сказал Кузьмич мрачно.

Это была последняя поговорка, которую я услышал от него. Очевидно, он сильно расстроился, потому что перестал подпевать и раскрашивал меня молча, то и дело вздыхая.

Я ВИЖУ

В самую последнюю очередь Кузьмич приклеил мне глаза, сначала правый, потом левый, и я стал видеть.

Кузьма Кузьмич оказался таким, каким я его себе и представлял. Брови у него большие и мохнатые, как усы, а усы еще больше и ещё пушистей.

— Ах ты, гусиная поджарка,— вздохнул мастер и поставил меня сушиться.

«И чего он так сокрушается, этот Кузьма Кузьмич?...»

Я оглядел себя с ног до головы и убедился, что я прекрасен. Правда, мой вид портил левый бок, покрытый небольшими пупырышками от ожога, но это место Кузьма Кузьмич так ловко закрасил, что оно совсем не бросалось в глаза. Зато какие голенастые у меня ножки и какая нежно-жёлтая шейка!

А глаза! Глаза янтарные, с карим ядрышком.

«Я единственный и неповторимый»,— решил я и оглянулся. Рядом со мной стоял точно такой же гусёнок. Мой двойник! «Мы единственные!»— подумал я и обратился к двойнику:

— Здравствуй, братец!

Вместо ответа братец подозрительно посмотрел на мой покрашенный бок и отвернулся.

В это время подошёл Кузьма Кузьмич. Он выпустил из нас воздух, разложил по коробкам, взял их под мышку и, бормоча что-то себе под нос, вышел из мастерской.

МЕНЯ НАЗВАЛИ ЗАПЛАТКИНЫМ

Комната, в которую нас с братцем принёс Кузьма Кузьмич, была небольшая, вся в полках, уставленных всевозможными игрушками.

За длинным столом, тоже заваленным игрушками, сидела симпатичная девушка в синем халате. Она взяла из рук Кузьмича моего братца гусёнка, внимательно осмотрела, надула его с помощью какой-то машины, потом выпустила воздух. И так несколько раз.

— Замечательный гусёнок, Лапчатый! — сказала она Кузьмичу. Взяв печать, она оттиснула на лапке братца «1-й сорт». — Так и назовём, Лапчатым.

Кузьмич улыбнулся, распушил усы. Лапчатый от важности задрал нос, а девушка принялась за меня.

Первым делом она обратила внимание на мой неровный бок и принялась придирчиво его рассматривать.

— Брак! — сказала девушка строго. — Придется переклеивать левую половину.

— Как это брак? — сказал Кузьма Кузьмич.

— Брак! — повторила девушка.

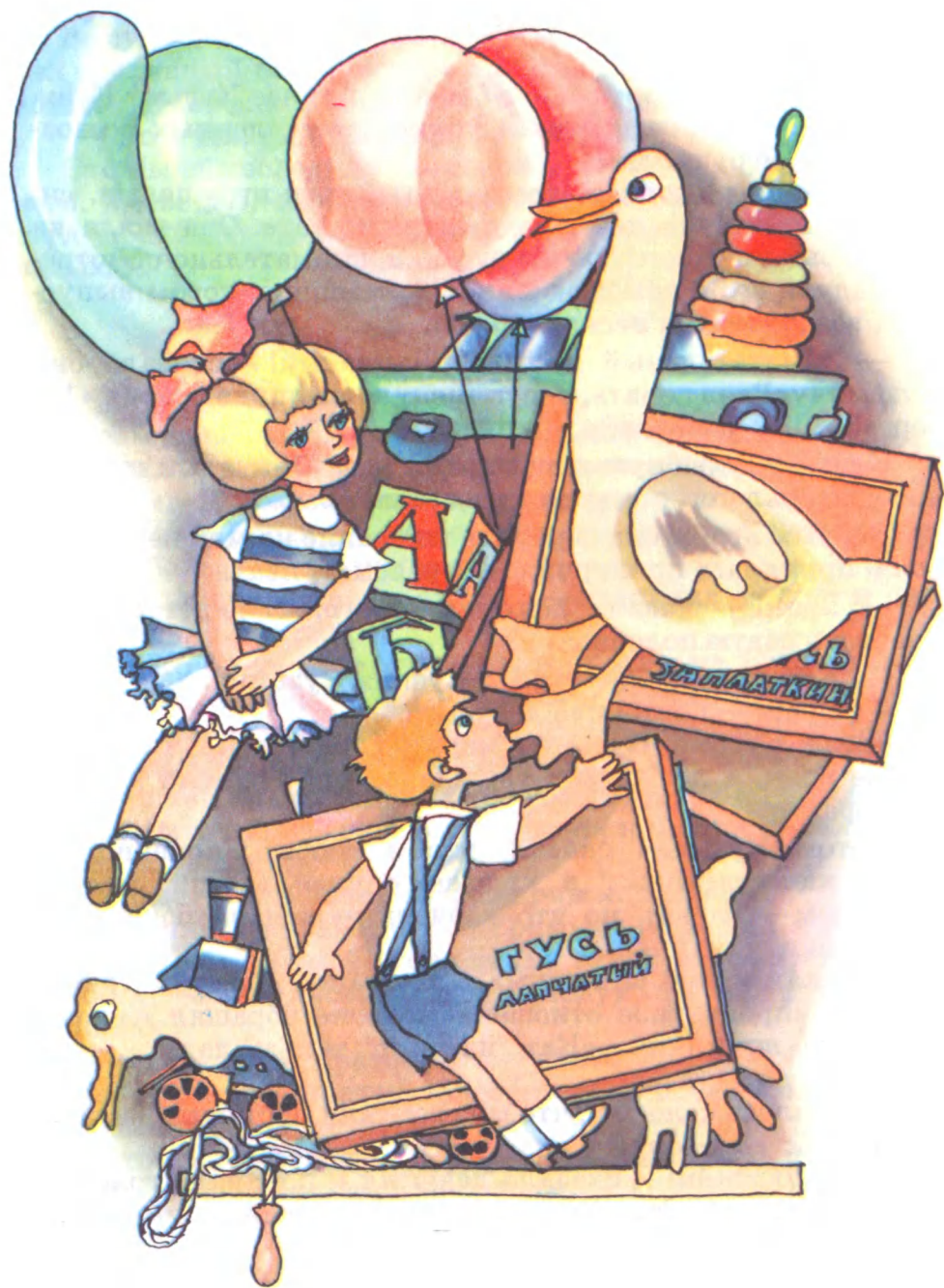
Тогда Кузьма Кузьмич начал доказывать, что я вовсе не брак, а девушка утверждала, что я самый настоящий брак.

Потом Кузьмич сказал, что я вообще, конечно, не очень качественный: в худшем случае третий сорт, а в лучшем — второй, но что я очень нужен в процентном отношении.

Так как я ещё не понимал, что такое «брак», «третий сорт» и «процентное отношение», то не обращал на спор никакого внимания. «Как назовут, так и ладно», — подумал я.

Кончилось дело тем, что мне всё-таки поставили на лапу штемпель: «3-й сорт».

— Заплаткин! — сказала девушка и покачала головой. Кузьмич что-то буркнул и, не попрощавшись, вышел из комнаты.



В МАГАЗИНЕ

Не могу вам в точности рассказать, каким образом я очутился в магазине, потому что после осмотра нас с братцем снова разложили по коробкам и запаковали. Когда открыли крышку, мы уже были в магазине. Привязав к лапам ярлычки с ценой, нас с Лапчатым поместили на полку. Продавцы навели порядок и ушли, повесив на дверях магазина табличку: «Закррито на обед».

«Обеденный перерыв... Гм... Гм...— подумал я, посматривая на свой бок.— Как бы со мной опять не случилось какого-нибудь несчастья».

Хотя после дороги мне очень хотелось спать, я всё же осмотрелся. Справа стояли игрушечные Мальчик и Девочка, слева покачивались два Воздушных Шара, насвистывая какую-то весёлую песенку.

— Друзья,— сказал игрушечный Мальчик,— я предлагаю воспользоваться обеденным перерывом и погулять немного по городу.

— Чудесная мысль!— подхватил Красный Шар.— Больше всего на свете я люблю, так с-с-сказать, свежий воздух! Недаром меня все называют Воздушным Шаром. С-с-скорее в путь!

Красный Шар надул щёки и засвистел марш.

— На воздух! Ура!— закричал Зелёный Шар.— Скорее! Здесь просто можно, так с-с-сказать, задохнуться!

Больше никто из игрушек не отозвался. Все спали после утомительной дороги.

— А как же мы?— шепнул я.— Мы тоже хотим на воздух... Мы ведь тоже, так сказать, воздушные...

— Вы, так с-с-сказать, надувные,— поправил меня Красный Шар,— а не воздушные.

— Всё равно. Возьмите нас с собой. Пожалуйста! Мы вас очень просим!

— Ещё на руках вас нести,— возразил Мальчик.

— А вы нас надуйте, и мы пойдём сами,— прошептал Лапчатый.

— Надуть?! С удовольствием!!!— в один голос засвис-

тели Воздушные Шары.— Это наша прямая обязанность! Сейчас-с-с!

Набрав побольше воздуха, шары раздули щёки и, схватив нас за лапки, принялись за дело.

— Колпачки!..— не успел я пискнуть, как раздался страшный треск, и шаров не стало.

— Что случилось? — спросила с ужасом Девочка, открывая голубые глаза.

— Они забыли отвинтить колпачки,— пояснил Лапчатый.— Перед тем как надуть, полагается снять с лапок колпачки, а они не сняли... и от натуги, так сказать, лопнули.

— Какая жалость! — прошептала Девочка, закрывая голубые глаза. После этого игрушечный Мальчик надул нас по всем правилам, и мы все вчетвером двинулись в путь.

Я УБЕЖДАЮСЬ, ЧТО МЕЖДУ МНОЙ И ЛАПЧАТЫМ СУЩЕСТВУЕТ БОЛЬШАЯ РАЗНИЦА

Мы вышли на улицу. Был чудесный солнечный день. Всем захотелось петь, плясать, прыгать.

Жизнь казалась прекрасной. Мой брат Лапчатый шёл впереди всех, подскакивая, словно мяч. За ним стал подпрыгивать я, а за мной Мальчик и Девочка. Каждый старался подпрыгнуть выше другого. Нам с братцем, конечно, это удавалось лучше. Вполне понятно: ведь мы же были резиновые.

— А ну, кто выше? — кричал я, взлетая к небу.

— Осторожней! — предупредил меня мой брат.— Ты, кажется, забыл, что ты — Заплаткин.

— Подумаешь! — звенел я, взлетая выше Лапчатого.

Я ловко перевернулся в воздухе, но, немного не рассчитав, упал на асфальт, прямо на левый бок.

Мне показалось, что внутри у меня что-то лопнуло. Из глаз посыпались разноцветные звёздочки. Встав на ноги, я бросился догонять приятелей. Что такое? С каждым шагом бежать становилось всё труднее и труднее. Бока мои впали. Я худел на глазах и вообще чувствовал себя пре-

скверно. В обеденный перерыв со мной всегда случаются неприятности. Какое невезение!

— Что с тобой? — спросила Девочка, когда я с ней поравнялся.

— Я задыхаюсь, то есть выдыхаюсь...

— На тебе просто лица нет, Заплаткин!

Я взглянул на своё отражение в первой попавшейся луже и чуть не упал.

— Идите сюда! С Заплаткиным плохо!

Меня окружили друзья.

— Я говорил, что тебе не надо прыгать, — проворчал Лапчатый. — Ты же непрочный. Ты брак. Тебе прыжки запрещены, понятно?

— Нет, я не брак, я Заплаткин, — прошептал я слабым голосом, поднимая в доказательство лапку с печаткой.

— Что с ним теперь делать?

— Надо его поддуть.

И меня поддули.

Я снова стал кругленьким, но, увы, ненадолго. Не прошли мы и полквартиры, как я похудел больше прежнего. Очевидно, я прохудился окончательно. Я остановился и прислушался. Было слышно, как из меня, противно пописывая, выходил воздух. Хорошо, что Лапчатый догадался остановить проезжавшего велосипедиста и попросил его починить меня. Велосипедист нашёл дырочку, которая пропускала воздух, и наклеил на неё заплатку. Меня починили, и мы зашагали снова.

ПРОГУЛКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я ковылял позади всех. Скажу честно, меня уже не радовало ни солнце, ни лужи, ни сама прогулка. Я плёлся за своими друзьями и думал только об одном: почему мне суждено было родиться на свет Заплаткиным? Какая несправедливость! Конечно, если бы Кузьмич не забыл выключить во время обеденного перерыва прибор, который

так безжалостно испортил мой левый бок, всё было бы по-другому.

Самое ужасное, что меня вдруг, ни с того ни с сего, стало раздувать с одной стороны.

— Знаешь что? — посоветовал Лапчатый. — Ты лучше перейди в тень. Тебе, наверное, нельзя находиться на солнце.

Я послушался Лапчатого, но было уже поздно: та сторона, на которой была наклеена заплатка, вся перекосилась, и я стал прихрамывать на левую ногу. Теперь я боялся смотреться в лужицы — так плохо я выглядел!

Мы приближались к маленькому скверу и были уже на середине улицы, когда из-за угла выскочила, рыча, грузовая машина.

Мой братец, шагавший впереди всех, зазевался и угодил под переднее колесо. Машина переехала Лапчатого и помчалась дальше. Каково же было моё удивление, когда Лапчатый как ни в чём не бывало вскочил на лапки, отряхнулся и пошёл дальше.

Вот это да!

Теперь я окончательно убедился, что между мной и Лапчатым существует огромная разница. Если бы под машину попал я, мне бы несдобровать.

Я КУПАЮСЬ

Когда мы подошли к маленькому пруду в сквере, Лапчатый тут же бултыхнулся в воду.

«Интересно, можно мне купаться или нет?» — подумал я, в нерешительности останавливаясь на берегу.

Тем временем Лапчатый начал вытворять на воде чудеса. Он прыгал, нырял, делал стойку на голове. Игрушечная Девочка не сводила с него глаз. По-моему, она влюбилась в Лапчатого. Это было невыносимо. Почему бы ей не обратить внимание на меня?

Я разбежался, ласточкой прыгнул в воду и тоже стал кувыркаться.



Сначала всё шло хорошо, потом я почувствовал в ногах какую-то странную тяжесть. Я взглянул на свой злополучный левый бок и пришёл в ужас: от удара о воду заплатка отскочила, бок надорвался, и в меня хлынула вода.

«Этого только не хватало...— подумал я.— Мало того, что из меня всё время выходит воздух, так теперь ещё в меня входит вода...»

— Тону! — крикнул я, опускаясь на дно.

Я пришёл в себя на берегу, когда верные друзья делали мне искусственное дыхание.

Проклятая вода никак не хотела выходить из меня, она переливалась из ног в голову, из головы в ноги и громко булькала.

Наконец меня скрутили, словно тряпку, с такой силой, что во все стороны так и забили маленькие фонтанчики.

Вода вылилась, но стряслась другая беда: отвалился левый глаз, и я окривел.

Видно, выкручивания были мне тоже вредны.

Когда меня, несчастного и одноглазого, высушили, подклеили и поддули, вся наша компания двинулась в обратный путь.

Продираясь сквозь кусты, я, в довершение всех бед и несчастий, ударился обо что-то головой так сильно, что у меня потемнело в единственном глазу, и я остановился.

— Что с тобой? — услышал я издали чей-то голос.

— Не знаю, я ничего не вижу.

— Да у него же потерялся второй глаз, — раздался над самым ухом голос Девочки.— Он совсем ослеп! Посмотрите...

— Вот растяпа! Где ты потерял свои глаза?

— Один остался на берегу, а другой где-то здесь, в траве...

Я слышал, как все стали искать в траве мой глаз и ругать меня на все голоса.

— Разве теперь его найдёшь! — услышал я голос игрушечной Девочки.— Надо глаза хорошенько протереть, и они снова появятся. Ну-ка...

Я стал тереть те места, где когда-то были мои прекрасные глаза.

— Теперь открой глаза, милый Гусик!

Я открыл... и увидел себя на руках совсем не игрушечной, а настоящей девочки.

Как я обрадовался!

Значит, мне всё-всё только приснилось. Я так крепко спал, что даже не заметил, как нас с Лапчатым купили. Его купил мальчик, а меня девочка. Воздушные Шары тоже были живы и здоровы. Они приветливо кланялись мне и, как всегда, насвистывали весёлую песенку.

Наступила пора расставания.

— Прощай! — крикнул мне Лапчатый. — Будь осторожен! Когда будешь играть с девочкой, помни, что ты Гусёнок Заплаткин... Береги себя и не забывай, что тебе многое запрещено. Прощай, Заплаткин!

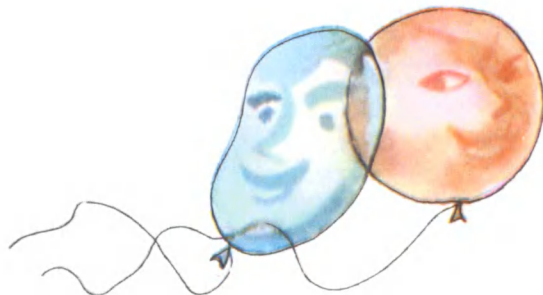
— До свидания! — крикнули Воздушные Шары. — Так с-с-сказать, будь здоров!

— Прощайте! — я помахал лапой и ещё раз крикнул: — Прощайте, друзья!

— Счас-с-стливого пути! — крикнули вдогонку мне Воздушные Шары.

— Счастливо оставаться! — ответил я.

Девочка понесла меня на руках по магазину, а я смотрел по сторонам и думал о том, что ждёт меня впереди.





КТО ЧЕМ ПОЁТ ?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли.

«Ква-а-а-а!..» — одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни.

Обрадовался:

— Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голосов. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую — то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.



А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист — не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала: «Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!..» — словно бык проревел.

«Вот так песня! — подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. — Инструмент-то у меня найдется: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой — как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, закутил головой, заскрипела его жёсткая шея — тоненький-тоненький писк слышался.

Пищит усаж, а всё напрасно: никто его писка не слышит. Шею натрудил — зато сам своей песнею доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков — длинные задние лапки коленками назад. На крыльях — зазубринка, а на ножках — зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает — стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, — думает долгоносый Бекас под кочкой, — надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была — полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!





МА-ТАРИ-КАРИ

Жил-был Крокодил.

Нет, нет, это был совсем не тот известный Крокодил, который

по Невскому ходил! —

ведь тот Крокодил, как ты, конечно, знаешь, жил да был, а этот просто жил-был. Это большая разница!

К тому же этот Крокодил ходил мало (он чаще плавал), не курил никаких папирос (и правильно делал, это очень вредно!) и говорил только по-крокодильски.

Словом, это был самый настоящий Крокодил, и жил он в самой настоящей Африке, в большой реке, и, как полагаются настоящему Крокодилу, всё у него было страшное: страшный хвост и страшная голова, страшная пасть и **ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ!** (Только лапки у него были коротенькие, но Крокодил считал, что они **СТРАШНО** коротенькие.)

А самое страшное: он никогда не чистил своих **ОЧЕНЬ СТРАШНЫХ ЗУБОВ**: ни перед едой, ни после еды (аппетит у него тоже был **СТРАШНЫЙ!**), ни утром, перед завтраком, ни вечером, умываясь перед сном... (Умываться он, что правда, то правда, никогда не забывал, но, когда живёшь в реке, это не такая уж большая заслуга, верно?)



И неудивительно, что в один прекрасный день (так уж говорится, хотя для Крокодила, поверь, этот день вовсе не был прекрасным!), неудивительно, что в один прекрасный день у Крокодила заболели зубы.

Да ещё как! СТРАШНО!

Заболел-то, правду сказать, только один зуб, но Крокодилу казалось, что болят все зубы сразу. Потому что в зубе и кололо, и ныло, и словно буравом сверлило и вдобавок стреляло!

Крокодил прямо-таки не находил себе места!

Он кидался в воду и нырял на самое дно, надеясь, что от прохладной воды ему станет полегче, и сначала ему как будто становилось легче, но потом зуб начинал ныть вдвое сильнее!

Он как бешеный выскакивал на берег, на горячий песок, в надежде, что ему поможет тепло, и в первую минуту ему как будто помогало, но потом!..

Он стонал, он кряхтел, он хныкал (некоторые считают, что всё это помогает), но ему только делалось всё хуже, хуже и хуже!

А хуже всего было то, что некому было его пожалеть: ведь он был СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ, и характер у него тоже был СТРАШНЫЙ, и он многих обидел на своем веку, и никогда, никому, ни при каких обстоятельствах не сказал ни одного ДОБРОГО СЛОВА!

Звери и птицы, правда, сбежались со всех сторон, но они стояли поодаль и только удивлялись, глядя, что вытворяет Крокодил. А удивляться было чему, потому что Крокодил и вертелся, и метался, и стучался головой о прибрежные скалы, и даже пробовал попрыгать на одной ножке. Но всё это ему ни капельки не помогало!

И вдобавок лапки у него были такие коротенькие, что он никак не мог даже поковырять в зубах (хотя если бы и мог, это бы ему мало помогло!).

И наконец бедный Крокодил в отчаянии растянулся под большим-пребольшим бананом (под маленьким он бы не поместился) и заревел в голос.

— Ой-ой-ой! — плакал он басом. — Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Бедный я Крокодил!

Вот поднялось веселье!

Звери и птицы хохотали и прыгали от радости: одни кричали: «Так тебе и надо!» — другие: «Ага, попался!»

Мартышки даже швыряли в него камешками и песком, а особенно веселились птицы: ведь у них-то не было никаких зубов!

Тут Крокодилу стало так больно и обидно, что из его глаз покатились слёзы — СТРАШНО большие слёзы!

— Глядите! Крокодиловы слёзы! — крикнул пёстрый Попугай и расхохотался первым.

За ним засмеялись те, кто знал, что означают эти слова, а там и все остальные, и вскоре поднялся такой шум и хохот, что маленькая птичка Тари — хорошенькая беленькая птичка, ростом чуть поменьше пигалицы — прилетела посмотреть, в чём дело.

А узнав, в чём дело, она очень рассердилась.

— Как вам не стыдно! — крикнула она своим звонким голоском.

И все сразу замолчали, и стало слышно, как стонет Крокодил:

— Ой-ой-ой! Бедные мои зубки! Ой-ой-ой! Как больно!

— А почему это нам должно быть стыдно? — спросила какая-то Мартышка.

— Стыдно смеяться над бедным Крокодилом! — ответила птичка Тари. — Ведь у него болят зубы! Ему больно!

— Можно подумать, ты знаешь, что такое зубы! — фыркнула Мартышка и скорчила рожу.

— Зато я хорошо знаю, что значит «больно»! — сказала птичка Тари. — И знаю, что если тебе больно, а над тобой смеются — тебе вдвое больнее! Вы видите — Крокодил плачет!

— Крокодиловыми слезами! — повторил Попугай и засмеялся. Но никто его не поддержал.

— Попугай ты! — с презрением сказала птичка Тари. — Зубы-то у него по-настоящему болят, верно? Значит, и слёзы настоящие! Самые настоящие горькие слёзы!

— Ещё бы не настоящие! — сказал Крокодил страшным басом и вдруг перестал плакать. — Ой! — продолжал он с изумлением. — Мне кажется... что мне, кажется, стало легче... Нет! Ой-ой-ой! Мне это только кажется!

И он заплакал ещё громче.

— Всё равно мне его не жалко, — заявила Мартышка. — Он сам виноват, почему он никогда не чистит зубы? Брал бы с нас пример!

И она тут же принялась чистить зубы шершавой веточкой дерева Мьсваки — это она собезьянничала у людей.

— Да ведь я же, — простонал Крокодил, — я же не знал, что их надо чистить!..

— А если бы ты знал, ты бы чистил? — спросила птичка Тари.

— Если бы знал? Конечно, **НЕТ!** — прохныкал Крокодил. — Как я могу чистить зубы, когда у меня такие **СТРАШНО** коротенькие лапки?

— Ну, а если бы ты мог, ты бы чистил? — настаивала птичка Тари.

— Ещё бы! — сказал Крокодил. — Ведь я чистоплотный Крокодил и каждый день умываюсь. Хотя это не такая уж большая заслуга. Для того, кто живёт в речке, — скромно прибавил он.

И тут птичка Тари, маленькая, белая с чёрным птичка, ростом чуть побольше голубя и чуть поменьше пигалицы, сделала такую удивительную вещь, что все ахнули. Она смело подлетела прямо к страшной пасти Крокодила, к самому его носу, и скомандовала:

— Открой рот!

Крокодил послушно открыл пасть, и все снова ахнули и отступили на шаг (не меньше!), потому что пасть у Крокодила была (ты не забыл?) **СТРАШНАЯ**, а в ней торчали **ОЧЕНЬ СТРАШНЫЕ ЗУБЫ**.

Но все ахнули гораздо громче (а многие даже зажмурились!), когда птичка Тари вскочила прямёхонько в крокодилю пасть!

— Смотри не вздумай закрыть рот, а то у нас ничего не



получится! — сказала она, и Крокодил, разинув пасть ещё шире, ответил:

— О-Э-О! — что должно было означать: «Конечно!» (Попробуй сам сказать «конечно» с открытым ртом, только ни в коем случае не закрывай его, а то у тебя ничего не получится...)

— Какой ужас! — крикнула птичка Тари спустя полминуты. — Просто страшно, что тут творится! Это не пасть, а какое-то... — Птичка запнулась, она хотела сказать «болото», но побоялась обидеть Крокодила. — Чего тут только нет! — продолжала она. — Даже пиявки! И чёрные, и зелёные, и с красными полосками! Да, самое время было почистить тебе зубы!

Крокодил, услышав про пиявок, только тяжело вздохнул.

— Ну, ничего, ничего, — продолжала птичка Тари, — сейчас мы всё приведём в порядок!

И птичка Тари принялась за дело.

— Ну вот и он — больной зуб! — вскоре крикнула она весело. — Сейчас мы его выдернем! Раз... два... три! Готово! Крокодил ойкнул.

Птичка тоже.

— Ой! — сказала она. — Ой, а под ним-то, оказывается, новый растёт. Как интересно!

— У нас так всегда бывает! — похвалился Крокодил (кстати, это сущая правда), но так как он ни на секунду не забывал, что пасть закрывать нельзя, то получилось у него только: У-А-А-Э-А-Ы-А-Э!

И не все поняли, что он хотел сказать.

Через пять минут всё было готово.

Звери и птицы были до крайности изумлены, увидев, что птичка Тари выпорхнула из крокодильей пасти целой и невредимой, и казалось, сильнее удивиться они не могли, но всё-таки им пришлось удивиться ещё больше, потому что первые слова, которые произнёс Крокодил, закрыв наконец пасть, были такие:

— Большое-большое спасибо тебе, добрая птичка! Мне гораздо, гораздо, гораздо легче!

И тут все звери и птицы сами разинули рты, словно хотели, чтобы птичка Тари тоже почистила им зубы. Но это, конечно, не так (тем более что у птиц, как ты знаешь, нет никаких зубов!). Просто они удивились до самой, самой последней крайности потому, что **НАСТОЯЩИЙ СТРАШНЫЙ КРОКОДИЛ ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ СКАЗАЛ НАСТОЯЩЕЕ ДОБРОЕ СЛОВО!**

— Какие пустяки,— скромно сказала птичка Тари.— Не стоит благодарности, тем более что пиявки были — первый сорт! Особенно эти, в красную полосочку! Если хочешь, я буду каждый день тебе чистить зубы!

— Ещё бы не хочу!..— сказал Крокодил.

— Договорились! — сказала птичка Тари, и мартышки вдруг захлопали в ладоши, все другие звери запрыгали и затопали копытами, а птицы запели свои самые весёлые песни, сами не зная почему...

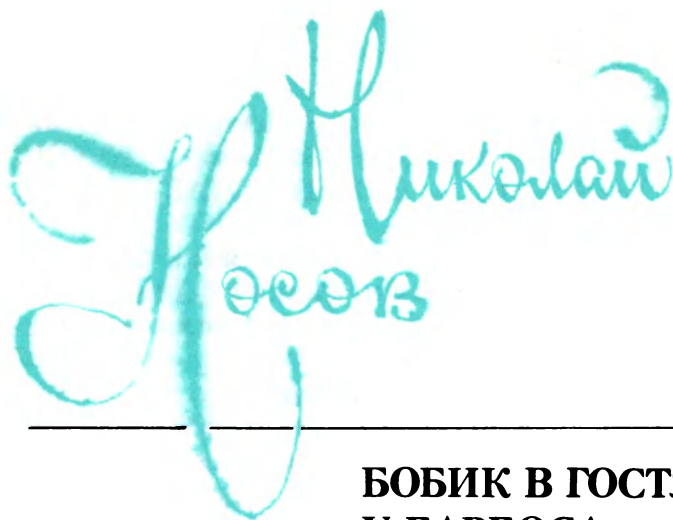
И вот с этого-то самого дня птичку Тари называют Ма-Тари-Кари, что на крокодильем языке означает: «Маленькая птичка, которая делает большие добрые дела...»

И если ты поедешь в Африку, ты сможешь своими глазами увидеть, как Ма-Тари-Кари чистит зубы Крокодилу и предупреждает его об опасности (ведь иногда и Крокодилу грозит опасность!..)

Некоторые, правда, зовут её за это Крокодиловым Сторожем, а то и Крокодилей Зубочисткой, но Ма-Тари-Кари не обижается: она говорит, что с тех пор, как они подружились, характер у Крокодила стал уже не такой **СТРАШНЫЙ**.

Что ж, это вполне возможно.





БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! — подумал Барбоска. — Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда, — говорит Бобик. — Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя, — ответил Барбос, — дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?



— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбосу. — Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да, — ответил Барбос, — у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик. — Говорят — я дворový пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стенке висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы, — ответил Барбос. — Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик. — У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Ты ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! бом!

— А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх ты! — сказал Барбос. — Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешишь.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай, — закричал он, показывая на зеркало, — там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — засмеялся Барбос.

— Как — я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбос. — Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик. — Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбос. — Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик. — Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь — я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а этот чудак в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно́ тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — похвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, уж это враки!

— Честное слово!

— А ну пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорей кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Барбос давай ему спину облизывать.

— Ох и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет дедушка?

— Что мне дедушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

— А где же дедушка спит?

— Дедушка там, в углу, на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не услышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька, — сказал Барбос, — опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.



ДОБРАЯ ХОЗЯЮШКА

Жила-была девочка. И был у неё петушок. Встанет утром петушок, запоёт:

— Ку-ка-реку! Доброе утро, хозяйюшка!

Подбежит к девочке, поклюёт у неё из рук крошки, сядет с ней рядом на заваulinke. Пёрышки разноцветные, словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отликает. Хороший был петушок.

Увидала как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

— Отдай мне курочку, а я тебе своего петушка отдам.

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову, да делать нечего — сама хозяйка отдаёт.

Согласилась соседка — дала курочку, взяла петушка.

Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тёпленькая, что ни день — свежее яичко несёт.

— Куд-кудах, моя хозяйюшка! Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмёт курочку на колени, пёрышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает.

Только раз приходит в гости соседка с уткой. Понравилась девочке утка. Просит она соседку:

— Отдай мне твою утку — я тебе свою курочку отдам.



Услыхала курочка, опустила пёрышки, опечалилась, да делать нечего — сама хозяйка отдаёт.

Стала девочка с уткой дружить. Ходят вместе на речку купаться.

Девочка плывёт — и утка рядышком.

— Тась-тась-тась, моя хозяйшкa! Не плыви далекó — в речке дно глубокó!

Выйдет девочка на бережок — и утка за ней.

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведёт. Увидала девочка:

— Ах, какой щенок хорошенький! Дай мне щенка — возьми мою утку!

Услыхала утка, захлопала крыльями, закричала, да делать нечего. Взял ее сосед, сунул под мышку и унёс.

Погладила девочка щенка и говорит:

— Был у меня петушок — я за него курочку взяла, была курочка — я её за утку отдала, теперь утку на щенка променяла.

Услышал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

— Не хочу с такой хозяйкой дружить! Не умеет она дружбой дорожить.

Проснулась девочка — никого у неё нет!



М. Сергеев
Мухомов

УПРЯМЫЙ КОЗЛЁНОК

Жил-был обыкновенный Козлёнок. Как все козлята, он был мал, но упрям. Он хотел всё делать по-своему. Однажды ему пришло в голову уйти погулять подальше от дома.

— Не ходи далеко! — предупредила его мать. — Собираются тучи. Быть грозе.

— Никакой грозы не будет! — ответил Козлёнок и поскакал по тропинке в дальний лес.

В лесу было темно, а скоро стало ещё темнее. Макушки высоких сосен гнулись от порывов сильного ветра. Большая чёрная туча нависла над самым лесом. И вдруг сверкнула ослепительная молния, а за нею грянул оглушительный гром.

Не помня себя от страха, маленький Козлёнок бросился наутёк. Ему казалось, что молния и гром гонятся за ним: так они сверкали и гремели за его спиной. Наконец большая чёрная туча прорвалась, и из неё полил ужасающий дождь. Целые потоки холодной воды обрушились на Козлёнка, который всё бежал и бежал. Он уже выбежал из леса и теперь скакал по незнакомому лугу. Он промок до ниточки, до последней шерстинки на теле, а дождь не унимался. Когда же вся вода из тучи вылилась и небо про-

яснилось, Козлёнок очутился на небольшом островке посредине настоящего озера. Всё вокруг было затоплено. Из воды тут и там торчали только верхушки каких-то кустов. До сухого берега было далеко.

Козлёнок не умел плавать. Ему ничего не оставалось делать, как ждать спасения. Дрожа от холода, он присел на корточки и стал ждать.

Скоро он увидел знакомую Свинью. Откуда ни возьмись она плыла мимо на лодочке.

— Спаси меня, Хрюшка! Сними меня с островка! — взмолился Козлёнок. — Забери меня с собой!

— Мне самой места мало! — прохрюкала в ответ Свинья и, покачиваясь на волнах, проплыла совсем близко от островка.

— Как тебе не стыдно! Апчхи! Апчхи! — два раза чихнул ей вслед Козлёнок, который не успел ещё обсохнуть, но уже успел простудиться.

Свинья уплыла на своей лодочке, и Козлёнок опять остался один.

В это самое время на берегу появились лесные разбойники. Это были известные кровожадные грабители Волк и Волчица. Ветер донёс до их разбойничьего логова запах мокрой козлиной шерсти, и они по запаху вышли на опушку леса.

Первое, что они увидели, было новое озеро, а посредине озера, на маленьком островке, маленького Козлёнка.

— Давно мы не лакомились свежей козлятинкой! — прорычал старый Волк.

— Сладкий кусочек! — облизнулась Волчица.

— Как бы нам до него добраться? — сказал старый Волк. — Можно было бы и вплавь, да я не люблю купаться перед обедом!

— Побежим скорее в наше логово, посоветуемся с братьями! — сказала Волчица. — Козлёнок никуда не денется, вода не скоро сойдёт...

Недолго раздумывая, разбойники скрылись в кустах.

А Козлёнок, ничего не подозревая, продолжал сидеть на своём островке.

— Неужели я так и погибну? — думал бедный Козлёнок, в тревоге глядя по сторонам. — Скоро ночь, а меня что-то никто не спасает...

— Кряк! Кряк! — послышалось вдруг над самой головой Козлёнка.

Козлёнок поднял голову и увидел дикую утку Крякву.

— Кряк! Что ты тут делаешь? — спросила Кряква, делая круг над островком.

— Неужели ты не видишь? — жалобно отвечал Козлёнок. — Сижу и жду помощи. Плавать я не умею, летать тоже, а до берега видишь как далеко!

— Хорошо! — сказала Кряква. — Наберись терпения и жди. Мы тебе поможем! — С этими словами она взмыла ввышину и быстро скрылась из виду.

Весть о том, что маленький Козлёнок попал в беду, как по телеграфу, разнеслась по окрестным лесам, полям и болотам.

Не прошло и часа, как на зелёной полянке собрались добрые звери и птицы. Прискакали Зайцы, притащились Бобры, прилетели Журавли. Старуха Цапля привела с собой двух Пеликанов, которые гостили у неё перед отлётом на юг.

Дикая утка Кряква рассказала всем о том, как она летала над лугом, который стал озером, и как она увидела на маленьком островке одинокого Козлёнка, попавшего в беду.

— Надо ему помочь! — закончила она свой рассказ.

Все, как один, согласились с Кряквой.

— Надо помочь! — хором сказали Зайцы.

— Выручим! — сказали Журавли.

— Поможем! — сказала Цапля и посмотрела на Пеликанов. Те молча закивали головами.

— А как? — спросил только что подлётевший Аист.

— Надо построить плот и на нём вывезти Козлёнка с островка! — предложили Бобры. Они были строителями и всегда предлагали что-нибудь построить.

Тут закипела работа. Бобры тотчас повалили большое дерево. За ним упало второе, за вторым третье.

Зайцы очищали стволы от ветвей и сучков. Журавли таскали готовые брёвна на берег озера и там связывали их одно к одному. Каждому нашлось дело.

Неожиданно в самый разгар работы прилетел Воробей.

— Я только что видел Козлёнка! — прочирикал он, запыхавшись. — Он плачет. Он голоден. Он с самого утра ничего не ел.

— Надо его накормить! — как всегда, хором сказали Зайцы.

— Накормить! — согласились Журавли.

— И посытнее! — предложили Бобры, не отрываясь от работы.

— А как? — спросил Аист.

Цапля промолчала. Она только многозначительно посмотрела на своих друзей Пеликанов. Те поняли её и молча открыли свои большие клювы. У каждого в сумке под клювом был припрятан порядочный запас свежей рыбы. Потому-то они и молчали всё время!

— Кряк! Козлята не едят рыбы! — воскликнула дикая утка Кряква. — Разве вы этого не знаете?

Пеликаны посмотрели друг на друга и, проглотив рыбу, быстро освободили сумки. Два шустрых Зайчонка куда-то исчезли и тут же вернулись с охапками свежей морковки и кочанами капусты.

Пеликаны разинули свои клювы, нагрузили пустые сумки овощами и, разбежавшись, поднялись в воздух вслед за провожатым -- Воробьём.

Через несколько минут они уже сбрасывали провиант прямо к ногам обрадованного Козлёнка. Освободившись от груза, Пеликаны повернули обратно к берегу, где с невероятной быстротой достраивался плот.

Но в разбойничьем логове тоже не дремали. Здесь точили ножи и кипятили воду в котле. А три самых отчаянных головореза, три молодых Волка, оседлав три толстых бревна, уже плыли по направлению к островку, на котором жалобно блеял маленький, глупый Козлёнок.

Хорошо, что разбойников заметила пролетавшая мимо



Трясогузка. Вовремя прилетела она к тому месту, где трудились верные друзья.

— Скорей, братцы! Скорей! — прощепетала она, кружась над строителями Бобрами. — Вы можете не успеть! Разбойники уже подплывают к островку!

Плот был уже почти готов, и его столкнули в воду. Ещё одно мгновение, и он уже покачивался на волнах, отдаляясь от берега. Команда Зайцев налаживала парус. Ими командовал самый храбрый Заяц, по прозвищу Трусохвостик.

Тем временем все, кто имел крылья, поднялись в воздух. Первыми поднялись Журавли, за ними дикая утка Кряк-ва, Аист и Цапля. Развернувшись над лесом, они построились в треугольник и взяли курс на островок посредине озера.

Разбойники Волки вовсю работали вёслами, тихо переговариваясь друг с другом.

— Уже недалеко! — говорил один. — Уже недалеко!

— Никуда он от нас не уйдёт! — говорил второй Волк. — Не уйдёт!

— Сейчас мы его сцапаем! — рычал третий разбойник. — Сцапаем!

Но не тут-то было! Не успели разбойники опомниться, как на них налетели дружные птицы: их острые клювы больно вонзались в волчьи шеи. Журавля сменял Аист, Аиста — Цапля. Разбойникам некуда было деться, а тут ещё налетели Пеликаны. Они летели медленно, потому что на этот раз были нагружены камнями. Весь свой тяжёлый груз они обрушили на головы Волков. Этого уже разбойники не могли выдержать. Хватаясь лапами за головы, воя от боли, они теряли вёсла и падали в воду. Спасая свою шкуру, они хотели было вплавь повернуть назад к берегу, но длинноклювые птицы кружились над ними и не давали плыть до тех пор, пока последний разбойник навсегда не скрылся под водой.

Ну, а плот пристал к островку. Козлик вне себя от радости расцеловался с Трусохвостиком и от души обнял каждого Зайца в отдельности.

Прямо на плоту Зайцы разожгли костёр, чтобы Козлик мог обсушиться и обогреться.

Мы не будем описывать возвращение Козлёнка домой к родителям. Скажем только по секрету, что два дня ему было больно сидеть на своём хвостике. Но этого следовало ожидать.

На третий день Козёл и Коза на праздничный обед пригласили всех, кто принимал участие в спасении Козлёнка. Никто не был забыт. Нашлось место и для Воробья, и для Трясогузки. На почётном месте сидела дикая утка Кряква, которая первая пришла на помощь маленькому упрямцу.

Неожиданно, без приглашения, появилась Свинья.

— А где моё место? — прохрюкала она ещё с порога. Но в ответ ей указали на дверь.

— Здесь место только тем, кто знает, как помогать друг другу в беде! — вежливо, но сухо и решительно заявил хозяин дома Козёл. — Вы же, соседка, поступили по-свински!

Так Хрюшка и ушла не солоно хлебавши.

А в доме Козла и Козы до поздней ночи были слышны песни и смех, да хруст кочерыжек.

Так, за празднично накрытым столом, в кругу настоящих, верных друзей, радостно и весело закончилась история, которая могла бы закончиться весьма печально...



Г. И. Игнатьев

БЕЛКИН СЕКРЕТ

Собрались осенью птицы в жаркие страны и позвали Белку с собой:

— Зачем тебе здесь мёрзнуть?

— Ничего, не замёрзну, у меня шуба тёплая, красивая.

— А там, где мы зимуем, у белок шубы нет, но зато они от ветки к ветке, от дерева к дереву по воздуху перелетают.

— Без крыльев и от земли не оторвёшься,— не поверила Белка.

— А вот и можно. Живут летающие белки далеко на Юге, на Зелёном острове в Синем океане. Можешь проверить, только адрес не забудь,— и птицы поднялись в небо.

Посмотрела Белка им вслед и вдруг решила:

— А почему бы и правда не посмотреть на летающих белок? А они пускай моей красивой шубкой полюбуются.

И отправилась вслед за птицами на Юг.

С ветки на ветку, с дерева на дерево, из одного леса в другой — радуется Белка:

— Каждый день — новые места! Интересно-то как. И летать я, оказывается, тоже умею.

Но вот путь Белке преградила широкая река. Через такую по воздуху не перелетишь. Пригорюнилась Белка,



но потом вспомнила, как родители учили её реки переплывать.

Разбежалась и прыгнула на плившее по воде бревно.

Сидит Белка на бревне, охорашивается: то серёжки свои почистит, то пышную серую шубку. Есть захочется — коры погрызёт. А пить — вода рядом.

Но вдруг налетела буря. Засверкали молнии. Гром загремел. Дождь хлынул. Волны так и швыряли бревно в разные стороны.

Ухватила Белка за сучок, зажмурилась от страха.

Но вот бревно перестало качаться, и она открыла глаза.

А перед ней — берег. На берегу высокие горы: на вершинах — снег, а у подножия — деревья с невиданными фруктами. И с пригорка Белку кто-то приветствует:

— Со счастливым прибытием. Я твоя сестра — Белка Кавказская. Так называли меня в честь этих гор. А тебя как зовут?

— Белка Векша. В честь северных лесов, — ответила путешественница. — Хочешь, поплывём со мной наших родичей в чужих землях искать? Посмотрим, как они живут, себя покажем.

— Нет, я — домоседка, — отказалась Белка Кавказская. — Тут у меня и Север, и Юг. А я на тёплых склонах зимую. Мне шубку менять не приходится, как тебе, летнюю на зимнюю. Она у меня всегда весенняя и немножко осенняя. Такой больше ни у кого нет! И запасов на зиму я не делаю. Еда в моём лесу круглый год бывает.

И посоветовала:

— Через горы не ходи. На вершинах часто снежные бури бушуют. Плыви по реке дальше: она тебя вынесет к морю, а море — к жарким странам.

Нашли они крепкую лодку. Натаскали в неё орехов, ягод и всякой всячины. Перегрызли верёвку, которой лодка была привязана, обнялись горячо и расстались.

Сидит Белка в лодке, орешки грызёт, берегами любит.

А берега всё раздвигаются и раздвигаются. Потом и вовсе скрылись из глаз.

— Куда они исчезли? — встревожилась Векша. А тут ещё из воды громадная зубастая пасть высунулась.

— Ой, таких страшилищ в реках не водится! Наверно, я уже в море, а это — акула, мне про неё птицы рассказывали, — и Белка юркнула под скамейку.

Долго плыла лодка по морю. Выглянет Белка за борт, а пасть тут как тут — так и целится схватить. Отстала акула, только когда море вынесло лодку на пустынный жёлтый берег. Ни деревца на нём, ни кустика. Песок да камни.

И вдруг Векша услышала:

— Здравствуй, сестра моя северная! Я — Белка Африканская. Тут птицы отдыхали — просили тебя встретить, если надумаешь к нам добраться...

Оглянулась Векша — никого. И позвала:

— Иди ко мне в лодку. Орехами полакомишься.

— Боюсь. В небе орёл, меня подстерегает.

Взяла Векша гостинцы и побежала на зов. А сестра её Африканская сидит за камнем почти голая. Только редкие шерстинки на ней. И те будто приклеены. И ушки у неё без серёжек. Чуть было у Векши не сорвалось с языка: «Ой, какая ты забавная», да вовремя спохватилась, что так нехорошо говорить. И только спросила:

— Ой, тебе не холодно?

— Вот обожди, солнышко подыметесь выше, ты своей шубке не обрадуешься. Прошу в мой домик, — и Африканская Белка юркнула в норку.

Векша просунула в норку голову — где там! Не пустила её дальше пышная зимняя шубка.

Пришлось сёстрам в тени камня беседовать. А солнце палило всё сильнее и сильнее. Камень жаром дышал, даже тень пропала. Некуда было от зноя спастись.

Белка Африканская объяснила:

— Из-за жары мы и не одеваемся.

— Айда вместе на Зелёный остров, — позвала её Векша. — Там тоже наши сёстры и братья живут.

— Нельзя мне летать. Поднимусь — орёл тут же меня схватит. А на песке, среди камней, не сразу разглядит.

А разглядит — я в норку успею спрятаться, — отказалась Африканская Белка.

Вечером, когда орёл улетел и жара спала, Африканская сестра проводила гостью на большой теплоход и посоветовала:

— Спрячься в трюме. Там всякой еды полно и не увидит тебя никто.

Долго шёл теплоход. А по каким водам шёл — из тёмного трюма разве увидишь? Но вот однажды люк трюма открылся. На длинной цепи опустился крюк. Зацепил он ящик, на котором сидела Белка, и в один миг вынес на причал.

Увидели Белку дети — и за ней. Но в самую опасную минуту она услышала:

— Прыгай мне на спину! — и кто-то опустился рядом.

Вцепилась Векша в чью-то спину и пришла в себя только на высоком дереве с огромными листьями.

— Ну, здравствуй, великая путешественница. Слышала я о тебе от птиц. Я твоя сестра — летающая Белка. Тагуан. Хочешь, летать тебя поучу?

— Поучи, — сказала Векша. — У нас в Сибири тоже есть летающие белки — летяги. Может, слышала?

— Как же, мы от птиц многое узнаём. А ты настойчивая, не побоялась такой дальней и опасной дороги. Наверно, быстро научишься летать...

Попыталась Векша взлететь с дерева вслед за Белкой Тагуан, и тут же на землю сорвалась, бок ушибла.

Удивилась Тагуан:

— Мои дети всю премудрость с первых дней понимают, а ты... Дай-ка я взгляну на твои лапки.

Посмотрела и головкой покачала:

— Никогда ты летать не научишься.

Потом свои лапки показала, с перепонками — не лапки, а крылышки.

— Видишь, наши лапки держат нас в воздухе, как человека — парашют. Ты можешь только с дерева на дерево прыгать, да и то если они близко друг к другу растут. А у нас

пальмы одна от другой далеко. Да и жарко тебе у нас будет...

— Так ведь я не жить сюда приехала,— испугалась Белка Векша.— Я на братьев да сестёр поглядеть хотела... Ну и... себя показать. А теперь... домой хочу. Как там наш лес без меня, не знаю.

— Не горюй. Что-нибудь придумаем,— сказала Тагуан. И придумала. Проводила Векшу на аэродром.

Там, на широком поле, было много самолётов. Одни приземлялись, другие поднимались в небо.

— Ты сядешь в самолёт с красными звёздами,— сказала Тагуан.— Он летит в ваши края.

Забралась Векша в самолёт с красными звёздами и полетела быстрее всех птиц и всех белок на свете. А сама про людей думала: какие молодцы, проложили дороги и в небе, и по земле, и по воде...

Через день она уже прыгала в родном лесу. И вовсе не огорчалась, что летать не научилась:

— Захочу — полечу, захочу — поплыву. Самое главное, что у меня друзей на свете много!

Наверно, поэтому Белка — такая игрунья, такая всегда весёлая.

Хорошо на свете тому, у кого много друзей!

Может быть, в этом и весь секрет?





БОБРИНАЯ ПРАВДА

Жил да был в одной реке Бобёр. Был тот Бобёр мудрый да трудолюбивый. Встанет на зорьке, выйдет на красный бережок песчаный, шубу свою почистит, рыбкой позавтракает — и за работу.

Жили с Бобром два бобрёнка, им тоже находилась работа: отец брёвнышки зубами срезает, а бобрята таскают да в ровную кучку складывают. Наготовят материалу — и за тонкое дело примутся: дом подновляют или плотину мастерят, чтобы в ней рыб ловить было способнее. Нелегко жилось, но дело спорилось.

Старый Бобёр не раз выговаривал детям:

— Нырать — ныряйте, играть — играйте, но дело не забывайте. Учитесь, пока я жив. Настанет срок — пригодится!

«Неужели пригодится?» — изумлялись про себя малыши.

Долго ли, коротко ли так жили бобрята, только настало время — и умер старый Бобёр. Остались бобрята одни. И тут ещё, как нарочно, весна бурная выдалась. Лёд на реке порвало-покорёжило и понесло с шумом. Льдины подымались на дыбы и с грохотом рушились в воду. Никогда



не видели бобрята такого ледохода, такой бурной воды в реке. Страх!

Наутро посмотрели, а у них весь дом разрушен и всю плотину ледоходом снесло. Приуныли было бобрята: как тут быть, как на белом свете жить? Но делать нечего — надо как-то.

Принялись они сначала дом строить. Вот когда пригодилась им отцовская выучка! Тут уж не до игры. Взялись они сначала брёвнышки заготавливать — как при отце было, — в кучу их таскать. Заготовили материал — стали дом строить. Дело нелёгкое — долго работали. Красивый вышел дом, просто не дом, а терем бобриный. Свежим деревом пахло от него и рекой. Рак-сосед на что неразговорчивый был, а и тот не удержался, похвалил.

Приободрились братья-бобрята, в силы свои поверили и стали плотину возводить — уж если жить, так жить по-настоящему! И плотина вышла у них плотная да прочная. Такую плотину даже крупной рыбе не прорвать.

Так бы и жили себе бобрята, да объявилась в реке злая Крыса. Поселилась она напротив, под тёмным обрывистым берегом. По вечерам выплывала из-за густой осоки и безобразничала на бобриной плотине: рыбу там хватала без разбора — большую и маленькую. Да ладно бы рыбу, а то и плотину рвала, да так, что только прутья по течению плыли.

Увидели это бобрята да и говорят Крысе:

— Что же ты, нескладная, плотину нарушаешь? Зачем разбойничаешь?

А Крыса в ответ:

— Какое ваше дело? Что хочу, то и делаю! Это моя плотина, убирайтесь отсюда!

— Как же твоя, когда мы ее делали?

— Сказано — моя, и плывите отсюда вон, пока ваши шубы целы!

Посмотрели бобрята друг на друга. Что делать? Драться с ней — такого у бобров не было заведено, да и что соседи скажут: бобры — и вдруг драчуны!

Пригорюнились бобрята и пошли к Раку.

— Рак, а Рак! Ты видел, что Крыса творит? Как нам от неё избавиться?

Рак пошевелил клешнями и говорит:

— Знаете Большой камень за перекатом?

— Знаем.

— Под ним живёт Сом-судья. Плывите к нему, он вас рассудит.

Поплыли бобрята к Сому. Глядь, а у Сома уже Крыса сидит, рыбу перед ним выложила. Задабривает...

— Что скажете, бобрята? — спросил Сом.

— Мы, бобры, что у Красного берега живём. Там и предки наши жили. Но вот пришла водяная Крыса, отобрала нашу плотину, гонит нас с насиженного места да ещё шубы порвать грозит.

— Это моя плотина! Моя! — зафырчала Крыса.

Насупился Сом. Усами поводит.

— Кому же верить? — спрашивает.

— Мне! Мне! — засуетилась Крыса. — Моя плотина! Моя! Я на ней рыбку ловлю! Вон какая рыбка!

А сама рыбу к Сому придвигает.

— Ладно, — буркнул Сом. — Завтра в полдень, когда солнце заденет за гору, приходите на суд. Чья правда — того и плотина будет!

Отправились бобрята домой. Расстроились: а ну как присудят плотину Крысе? Тогда и вовсе насиженное место оставлять придётся. Не жить же вместе с разбойницей. А куда переселяться?

По дороге заглянули они к Раку. Рассказали. Спрашивают того, не принести ли Сому рыбы, как это сделала Крыса.

Рак постучал клешнями и говорит:

— Если суд справедлив, он и так защитит вас.

— А если не защитит?

— Не бойтесь, — отвечает Рак. — На вашей стороне правда, а я свидетелем пойду. Когда суд?

— Завтра в полдень, когда солнце заденет за гору.

Настало утро. Бобрята встали пораньше, умылись, позавтракали, пригладили свои шубы и заторопились в

путь — не опоздать бы! Приплыли за перекал, к Большому камню, а Крыса уже там сидит. Всем глаза мозолит да прихорашивается. А речной народ уже на суд пришёл. Вылез из-под коряги Налим, приползла Улитка, Ракушка ещё с вечера место заняла и рот открыла — слушать приготовилась. Вот уже и Щука шаркнула из тины и заходила вокруг Крысы. Перемигиваются. Подруги... Все ждут, когда Сом проснётся. Он всю ночь на охоте был, не выспался.

Оробели бобрята, пристроились в сторонке. Притихли. Рака ждут да на солнышко поглядывают. Успеет ли приползти, ведь не близко!

Проснулся Сом, посмотрел вверх — солнышко за гору задело. Выплыл из-под большого камня — только муть пошла.

— Все собрались? — спросил Сом.

— Рака нет, — сказали бобрята.

— Семеро одного не ждут! — тотчас заметила Щука. — Давайте начинать!

И начался суд.

Спрашивает Сом Крысу:

— Чья это плотина?

— Моя! — отвечает Крыса.

Спрашивает бобрята:

— Чья это плотина?

— Наша плотина, — отвечают бобрята.

Задумались тут все: как же так?

Сом усами шевелит, ничего придумать не может, а Щука на ухо ему шепчет, чтобы отдал плотину Крысе без канители.

Видят бобрята, куда дело клонится, и вовсе приуныли. А тут ещё Крыса посмеивается тихонько, толкает бобрят в бока:

— Не тому вас старый Бобёр учил! Научил бы вас драться, а не работать, — глядишь, и отстояли бы плотину-то!

— Отстоим: на нашей стороне правда, — отвечают бобрята, а сами чуть не плачут. Обидно им: был у них один помощник — Рак, да и тот не приполз.

— Где ваша правда? В чём она? Нет правды, вся вышла! — смеётся Крыса опять.

Тут очнулся от раздумий Сом. Поднял свой ус — внимание!

Все притихли: что-то скажет Сом?

Вдруг по дну камни зашуршали — Рак ползёт.

— Рак! Рак! — закричали все. — Спросим Рака!

Приполз наконец Рак. Сом его спрашивает:

— Чья плотина?

— Бобрята плотина, вот чья! — отдуваясь с дороги, ответил Рак.

— А Крыса говорит, что её плотина. Кому верить?

— Обманщица эта Крыса. Совесть она совсем потеряла!

— Чем ты, Рак, это докажешь? — грозно спросил Сом.

— Мне нечего доказывать! Это пусть Крыса докажет, что она умеет строить плотину. Пусть она построит при нас плотину, а бобрята пусть строят другую. Вот и посмотрим: кто мастер из них — того и правда.

— Будь по-твоему, Рак! — сказал Сом и стукнул усом по камню.

Вот отвели бобрятам место, Крысе — другое, и стали они показывать своё умение.

Бобрята быстро — учить не надо — принялись за работу, и дело у них закипело. Начали они грызть прибрежный ивняк да брёвнышки припасать. Потом потащили их, стали в дно втыкать да камешками приваливать для прочности, как отец учил. Потом нарезали зубами прутьев гибких, заплели их меж брёвен — готова плотина. Сидят бобрята, отдуваются да шубы свои приглаживают.

А Крыса тоже — делать нечего — принялась за работу. Косится на бобрят, хочет сделать, как у них, а не получается. Начала ивняк грызть, да больно горячо взялась: хватила зубами под самый корень — и зуб сломала. Вымучила кое-как одно брёвнышко, стала в дно втыкать — не получается: заточить забыла. Хотела камнем привалить — опять неудача: лапу себе отдала. Что делать? А тут ещё брёвнышко вырвалось у неё да и поплыло по течению.

— Лови его! Лови! — смеётся Рак.

Вскинул Сом свой ус и говорит:

— Вот что, Крыса, ты на чужую плотину позарилась. В этой плотине не твой труд, не твой пот. Бобрята её сделали — у них она и останется. А за то, что ты нас обманывала да ещё суд задобрить хотела, — уходи из нашей реки! Чтобы до заката солнца не было тебя и в помине! Да смотри поторапливайся, а не то придём выгонять всем миром — худо тебе будет!

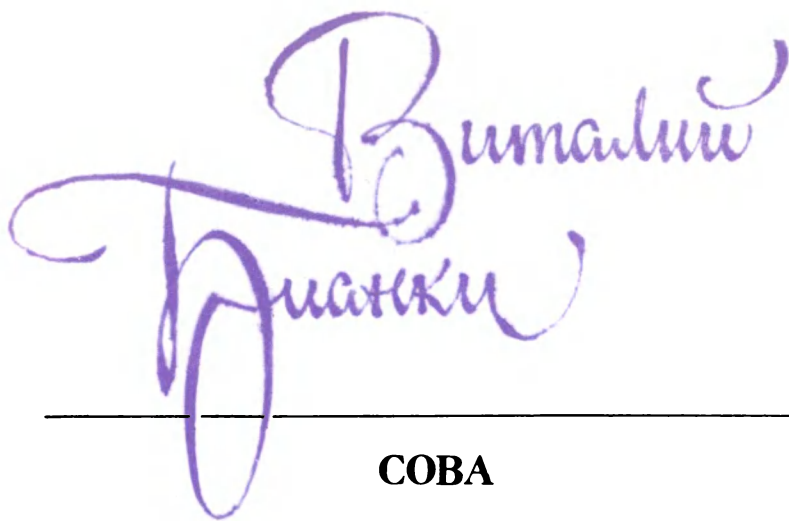
И ударил Сом усом по камню сильнее прежнего — кончен суд.

Разошёлся степенно речной народ по своим делам, только Щука в траву метнулась, будто и не знала Крысу, подружку свою.

А бобрята, радостные, поплыли домой. Рака они посадили на спину и везли по очереди — так ему быстрее. Вот едет Рак, держится клешнями за бобриную шубу, а сам твердит:

— Говорил я вам, что правда на вашей стороне! Правда в честном труде да в большом умении.





Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт — молоком белит.
Летит мимо Сова.

— Здорóво,— говорит,— друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова,— отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонишься,— какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же,— говорит,— старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить,— сам лови.

А Старик:

— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла :

— Хо-ха-ха, Старик! Гляди, как бы худо не вышло : мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут,— говорит Старик.— Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла :

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло : все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят,— говорит Старик.— Что от них толку : ни мёду, ни воску,— волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла :

— Хо-хо-ха, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло : не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

— И ветер разнесёт,— говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадёт цветень с цветка на цветок,— не родится клевер на лугу : не по нраву это Старiku.

А Сова из дупла :

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит,— трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла :

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе : придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг



и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старику нечем стало.

Нечем стало Старику чай белить — пошёл Старик Сове кланяться:

— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

— То-то,— говорит,— старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаться.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.



Натали
Дурова

ПЕГАЯ ФОМКА

Когда-то говорили, что крысы снятся не к добру. Однако, проснувшись, я очень обрадовалась, что мне приснились крысы и вся история про пегую Фомку — нашу маленькую дрессированную артистку. Послушайте же...

Белая, в чёрных и серых пятнах, она казалась чужой в своей колонии. Все крысы были серые-пресерые и большие, все боялись музыки и света, но считали себя необыкновенными. Ведь их крысиная колония находилась в самом настоящем цирке. Круглый барьер, который окаймлял рыхлый, усыпанный опилками манеж, служил неплохим жилищем. Здесь крысы построили себе домики, завели погреб, а ночами устраивали спортивные игры прямо на манеже. Всю ночь громадный манеж был в их распоряжении. Иногда здесь они казнили своих пленников. Это были белые крысы, сбежавшие от дрессировщика.

Строгими были законы крысиной колонии: только серые могли здесь жить. Недаром колония так и называлась — «Барьерная серость». Крысы очень гордились этим названием.

— Мы тоже цирковые, сжальтесь,— рыдали пленники.

— Ишь чего захотели,— говорила старая Бормочиха. В глухой и тайной крысиной колонии она была главной.—

«Цирковые»! — зловеще передразнивала она и, прошелестев хвостом, изрекала: — Только купол у нас один. А жизнь — разная. Обождите, мы ещё подточим разные ваши там сооружения. Ну да ладно! Вы же, негодные, всем людям стараетесь создать отдых, а когда люди вместе смеются и веселятся, знаете что бывает? То-то! Казнить! Казнить пленников! Только мы даём людям настоящую работу. Они ловят нас, что-то спасают, злятся, пугаются, идут на разные уловки, чтобы от нас избавиться. Да, именно мы даём им работу!

Обречённые пленники пытались объяснить, что такая работа людям вовсе ни к чему. Но их никто не слушал. Ведь они попали в колонию «Барьерная серость»!

Раньше Фомка тоже кричала со всеми: «Казнить их!» Тогда она ещё была маленькой и тоже казалась серой. Теперь ей исполнился год, и шкурка её побелела, она стала пегой. Может быть, поэтому, похожая и на белых и на серых крыс, она старалась молчать. Но старая Бормочиха не спускала глаз с Фомки, и внучке приходилось повиноваться. Однако Фомка открывала рот беззвучно, только для виду.

А вечером, заслышав музыку, она тихонько прокрадывалась к щели и смотрела представление. Среди всяких животных тут были и крысы, похожие на тех самых пленников. Они творили нечто совсем непонятное. Поглядывали на большого кота, будто на паршивую мышь, и взлетали с ним вместе на сверкающем самолёте под самый купол цирка.

Фомка не могла скрыть своего восторга даже от Бормочихи. Она знала, что бабушка больше всего боится котов и уборщиц.

— Ну кот, конечно, это кот, — говорила старуха. — По хитрости и ловкости с ним никто не сравнится, но зато нас сам слон боится.

Потом сердилась на Фомку:

— Эх, горе! И откуда ты взялась, пегая?

Но по-прежнему терпеливо учила внучку быть осторожной:

— На промысел можно выходить, только когда стемнеет... Темно, тихо, а сиденья стульев, прижавшись к спинкам, застыли перед нами и стоят навтыжку. Они нас тоже боятся. Повтори...

Фомка пискляво повторяла за Бормочихой все правила, но, выходя на промысел, она лакомилась растаявшим мороженым, а после из пустого стаканчика устраивала себе тумбу. Тут и начиналось для остальных крысят весёлое представление.

Но маленькой артистке не хватало умения.

И Фомка решила прокрадываться к щели по утрам, когда без музыки и аплодисментов крысы учатся выступать.

Так она и сделала.

На манеже, на высоких подставках, стояло шестнадцать бутылочек. По ним важно шествовал кот, а между бутылок скользили крысы. После бутылки убрали, натянули канат. Крысы вереницей поползли по нему. Кот же, мягко наступая им на лапки, тоже плавно двигался по канату.

— Хорошо! Ах как хорошо! — воскликнула Фомка. И, не выдержав, выскочила из своей щели.

— Ты что же это, лентяйка, не репетируешь? Да ещё и вымазалась, — раздалось над её головой.

«Выследила», — подумала Фомка и жалобно пискнула:

— Бабушка, я больше не буду!

Но вместо бабушки перед ней стоял дрессировщик. Фомка так растерялась, что даже не успела его укусить. Дрессировщик поднял её, усадил на высокую тумбу. Здесь Фомка окончательно растерялась. Крысы запищали — может, узнали в ней чужую. Но тут раздалась команда: «Вперёд!», и они, забыв о Фомке, поползли по канату. Фомка поспешила за ними. Она ползла и придумывала, что бы такое сделать необыкновенное. «Они все, эти белые крысы, должны меня признать. Я тоже храбрая, я нисколечки н-не б-боюсь к-кота!»

И, увидев над собой кошачью лапу, она вцепилась в неё зубами.

Кот взвыл и бросился бежать. Канат закачался, но кры-

сы, точно зёрнышки неспелого колоса, крепко держались на нём.

— За что? С какой стати? Это оскорбление! — мяукал кот.

— Успокойся, друг мой, она, наверное, новенькая, — протянула большая белая крыса.

— Ну, знаете, ещё три таких новеньких, и я останусь безо всех четырёх лап! — Цирковой кот был образованным и прекрасно считал до четырёх.

Репетицию остановили. Принесли маленькую клетку. Первым в неё вошёл, прихрамывая, кот, за ним засеменили крысы.

— Иди, иди, не задерживайся, — кто-то подтолкнул Фомку.

И она очутилась в клетке вместе со всеми.

Вскоре они были пересажены в другую, большую клетку, где находился красивый крысиный дом отдыха. Фомке всё это казалось необыкновенным. Специальные ванночки для купания. Кормушки, площадки для игр. Вот только погреба... Где они?

— Зачем? Ведь нам каждое утро и вечер приносят свежие продукты, — объясняла ей большая крыса, а другие косились недоверчиво в её сторону. Но Фомке белые крысы, все без исключения, казались теперь милыми и добрыми. Только кот пугал её. Он жил в той же большой клетке, хоть и не ночевал в домике. Кот там не уместался, поэтому спал на подушке у порога, и его устрашающее «кур-р-мяу», точно сквозной ветер, не переставало звучать целые сутки.

Однако кот вовсе не был похож на ветер, от которого холодеют лапки. Наоборот, зимой он заменял крысам печку.

— И его не заставляют вас ловить? — удивилась Фомка.

— Что ты! Мы же вместе работаем! Для людей.

При слове «люди» Фомка опасливо огляделась по сторонам и очень испугалась, увидев уборщицу. Испугалась, а потом удивилась. При дневном свете уборщица вовсе не была огромной чёрной тенью. У неё были синие глаза и круглые румяные щёки.



«О! Наверно, и мы просто от темноты стали серыми», — подумала Фомка.

— Ты отдохни, вечером спектакль, — советовали ей белые крысы.

Фомка попыталась задремать, и, странное дело, кошачье «кур-р-мяу» сквозь сон показалось ей музыкой.

А вечером, на представлении, Фомка едва не задохнулась от восторга. Манеж, будто огромный бриллиант, переливался всеми цветами радуги. Фомке даже показалось, что она сама — крохотная грань этого бриллианта, которая усиливает его блеск. Её лапки радостно вытанцовывали в такт вальса. Фомка почти не отличалась от ведущих артистов — крыс и вскоре даже оказалась в первой пятёрке, поэтому раньше многих попала на канат.

Но здесь — может, оттого, что над ней вновь появились кошачьи лапы, — голова у Фомки закружилась, лапки выпустили канат, и она упала на опилки. Дрессировщик сделал вид, что ничего не случилось, а Фомка бросилась бежать. Неожиданно свет стал мешать ей. Он бил прямо в глаза, и Фомка, слепая от света, стыда и обиды, толкалась мордочкой в барьер.

Старая Бормочиха из щели зорко глядела на внучку. Ей хотелось запищать во всё горло: «Здесь, здесь, здесь!», но она сдерживала себя. Из-за Фомки она не могла рисковать всей колонией. И всё же Бормочиха не выдержала: когда около щели показался Фомкин хвост, Бормочиха зубами втащила Фомку в барьер.

После светлого, яркого манежа колония показалась Фомке совсем неприглядной: сыро, серо, скользко. Она едва различала в темноте дорогу и брела за Бормочихой, которую угадывала по монотонному шуршанию хвоста.

Бормочиха не брала внучку. Она двигалась неторопливо, сопела и двигала челюстями. Но от этого Фомка чувствовала себя ещё более виноватой. Сопение бабушки казалось ей всхлипываниями. Потому Фомка не стала повторять обычное своё «больше не буду». Она нагнулась к сухой лапке старой Бормочихи, лизнула её и грустно прошептала:

— Прости! Там так хорошо! Прости...

Бормочиха молчала. Так и добрались они до своей норки, притихшие, точно возле крысоловки.

— Пускать тебя или нет? В нору, спрашиваю, пускать? — вдруг разворчалась Бормочиха. — Хорошо там, говоришь? Глупа ты, Фомка! Глупа. Не научила я тебя уму-разуму. Ведь там крысам ещё хуже, чем корабельным. Корабельная крыса тонущий корабль покинет, сбежит, а этих первый пожар испепелит. Ничего не останется от их сверкания. Мы же, покуда земля стоит, будем живы. Слышишь, живы! На то мы и есть серые крысы! Так пускать тебя или нет?

Фомка бросилась к бабушке. Сырой скользкий камешек подвернулся ей под лапки, и Фомка тяжело шлёпнулась подле Бормочихи.

— Ходить даже разучилась. Это всё люди виноваты, свет да те красноглазые белые крысы, — зло пропищала Бормочиха. — Идём!

Осталось уже немного, но Фомка не могла идти. Она спотыкалась, из-под её лапок катились камешки. То и дело она сталкивалась с бабушкой. Ей мешали идти и эти камешки, и даже собственные глаза, перед которыми всё ещё стоял сверкающий манеж. Стоял большой, необычно прожитый день. И маленькая Фомка думала:

«Нет, я тут не останусь среди серых крыс, которые рожутся и злобно пищат в темноте. Не останусь...»

Фомка никому об этом не сказала, но назавтра вовремя была на манеже, на репетиции.

Вот и вся история.

Об одном ещё хочу попросить тебя. Если когда-нибудь попадёшь в цирк на крысиное представление, поищи глазами пегую крысу. Её в самом деле зовут Фомка, и в цирк она попала из циркового барьера.



КАК ВОРОБЬЁНОК ПРИДУМАЛ ГОЛОСАМИ МЕНЯТЬСЯ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Это всё маленький Воробьёнок придумал — голосами меняться. Он и Мышонка, и Комарёнка на это подговорил, потому что он был очень завистливый, этот маленький Воробьёнок. Он только и делал, что всем завидовал. Особенно одному знакомому Собачонку, что тот может громко лаять, а он, Воробьёнок, не может. Он может только чирикать.

— Разве у нас с вами голоса? — убеждал он Мышонка и Комарёнка, — маленькие, тихие... Не знаю, как вам, но мне себя даже слушать противно. Вот у Собачонка, Медвежонка и Котёнка — вот у них это голоса: громкие, сильные, пронзительные... Неужели вам не завидно?

— Вообще-то завидно, — пропищал Комарёнок, — только зачем же они с нами голосами меняться будут? Им же, наверное, не завидно?

— Завидно не завидно, а я их уже уговорил. Согласны. Хоть сейчас, говорят, поменяемся.

— А хорошо бы мне медвежий голос, — прозвенел Комарёнок себе под нос. Ему тоже вдруг стало обидно, что у него такой слабенький голос. — Я бы как заревел на весь лес!.. Чтоб все слышали!.. У-а-у-а-у-а!..



И Комарёнок зазвенел, как бы он заревел на весь лес. Только у него ничего не получилось. Одно з-з-з-з, и то над самым ухом у Мышонка. Мышонок отмахнулся от Комарёнка и почесал лапкой у себя за ухом. Не верилось ему, что Воробьёнок и вправду договорился с Медвежонком. А голосом своим ему тоже вдруг захотелось поменяться. У мышат ведь вообще голосов почти что нет, так, один писк: пи-пи-пи, и даже объяснить невозможно, что это за голос.

В общем, пока наши друзья думали-гадали, верили не верили, на берег реки как раз появились Собачонок, Медвежонок и Котёнок. С шумом, конечно, появились: Медвежонок ревёт, Собачонок лает, Котёнок мяукает!

Легки на помине! Поздоровались и, не теряя времени, начали меняться. Завистливый Воробьёнок взял себе голос Собачонка, Комарёнок с Медвежонком поменялись. А Котёнок с Мышонком.

Дело было под вечер. Не успели своими новыми голосами друг перед другом похвастаться, как уже пора по домам. Мышонок, Медвежонок, Котёнок и Собачонок по домам, конечно, разошлись, а Комарёнок и Воробьёнок — те разлетелись!

Первым добежал до дома Мышонок. Он ближе всех жил. Домик у него был под землёй. Поскрёбся он тихо в норку, слышит мамин голос за дверью:

— Кто там? Это ты, Мышик?

Мыши ведь очень пугливые и поэтому сразу двери не открывают.

— Мяу! Мяу! — отвечает громко Мышонок. — Конечно, это я, ваш сын Мышик.

Он думал, что ему папа с мамой очень обрадуются, но за дверью стало тихо-тихо.

Мышонок поскрёбся и громче прежнего:

— Мяу-у бррияц! — что на языке кошек значит: «Откройте, это я!»

А мать с отцом слышали, что к ним в дом их враг — кошка стучится, как стреленут через чёрный ход и в лес, к самым дальним родственникам.

Бегут и думают: «Вот до чего кошки обнаглели — в собственном доме покоя не дают!»

Мышонок мяукал-мяукал, пока не надоело. Обошёл дом. Видит: дверь с чёрного хода открыта настежь, а дома никого, отца с матерью и след простыл. «Что такое?» — подумал Мышонок, мяукнул и недовольный улёгся спать. Не удалось перед родителями голосом новым похвастаться.

А в это время с Котёнком ещё забавней история приключилась.

Подбежал он к дому, позвонил «два длинных, три коротких».

— Это ты, Васька, пострелёнок, так поздно? — сердито спросила мама Кошка.

«Сейчас я всех удивлю», — подумал Котёнок и пропищал в ответ мышиным голосом: «Пи-пи-пи-пи» — что мышиному значит: «Я, мамочка».

«Что за оказия? — удивилась Кошка. — Мышонок в дверь стучится, сам в рот лезет, и за ужином охотиться не надо...»

Тут и отец Кот на мышкин голос вышел, и соседи в коридор все повылезли: «Авось и нам что-нибудь достанется».

Замерли все, только когти об пол точат да жадно облизываются.

Сняла старая Кошка крючок с дверей бесшумно, как это только кошки умеют делать. Приоткрыла дверь да как бросится на своего Котёнка, а за ней на него бросился папа Кот и все соседи. И задали же они ему трёпку, — шерсть от него так и летела во все стороны, пока не разобрались, что на своего родственника напали.

— Это ещё что за шутки? — промяукала старая Кошка. — И тебе не стыдно?

А маленький Васька-котёнок молчит, потому что ему и впрямь стало стыдно и ещё потому, что он боится сказать мышиным голосом, — опять набросятся и бока наломают. Юркнул он молча в комнату под диван, молча там лежал, а потом всё и рассказал, как дело было. А мать Кошка с отцом Котом как узнали, что он с Мышонком голосами по-

менялся, так его сразу за дверь и на улицу, чтобы впредь неповадно было от своего голоса отказываться.

— Стыд-то какой,— мяукнула вслед Котёнку его мама Кошка,— без своего голоса домой не возвращайся!

Вышел несчастный Котёнок на улицу, кругом ночь, чернота. Где Мышонка искать, чтобы у него свой голос обратно взять,— не знает. Мыши, они всегда от кошек адрес своих норок скрывают...

А смешнее всего история с Воробьёнком завистливым приключилась, с виновником всей этой истории. Он, когда поменялся с Собачонком голосом, сразу же домой полетел. Довольный такой, просто счастливый. Летит и на радостях лает, как Собачонка, что есть мочи и даже изо всех сил. А за ним Комарёнок, не отстает, на радостях тоже по-Медвежонкиному рывкает, тоже изо всех сил. Птицы из гнёзд высунулись, смотрят в тёмное небо, удивляются: неужели собаки и медведи по воздуху уже летать научились?! Этого только не хватало.

А Воробьёнок тем временем летал, летал и прилетел домой, а у отца с матерью гостей полным-полно, воробьёв конечно.

Хотел он сказать «добрый вечер» по-воробьиному, а вместо этого получилось: «Гав-гав-гав!» А воробьи не кошки, но тоже очень собак боятся, тем более летающих. Разлетелись с испуга в разные стороны. Так что Воробьёнок долго перелетал с дерева на дерево и всё спрашивал: «Вы моего папу и мою маму не видели?..»

А у Комарёнка ещё хуже получилось: у того от медвежьего голоса дом развалился, а мать и отец в обморок попадали. До сих пор, говорят, в себя не пришли.

А Медвежонка мать с отцом поколотили хорошенько. Он пришел домой, родители уже спят. Лёг Медвежонок под тёплый мамин бочок и пищит по-комариному: «Спокойной ночи, мамочка!» А Медвежонкина мама этих комаров терпеть не может, особенно когда они ещё в нос кусают. Поэтому она развернулась и как ударит Медвежонка, да прямо по лбу. Запищал от боли Медвежонок, но опять не по-медвежиному, а по-комариному. Это он хотел объяснить,

в чём дело. Тут отец спросонок взял да хлопнул его по затылку. Пришлось Медвежонку тоже всю ночь на улице провести.

Одним словом, всем досталось...

Кое-как ночь переждали, а утром снова все собрались у реки, на том же месте, и стали поскорей обратно своими голосами меняться. И правильно сделали.

А Воробьёнок, который всю эту историю затеял, сказал: «Никогда никому не буду завидовать!»

И правильно сделал, что так сказал, потому что какой у тебя голос есть, таким и разговаривай, а если всё-таки начнёшь кому-нибудь или чему-нибудь завидовать, вспомни эту историю и сразу же перестанешь.





НИР ТВАЗ

— Ну-с, тише,— сказал старый учитель Добряков и сел за стол.

Это, конечно, странно, что он так сказал. В комнате, кроме него, никого не было. Но старый учитель Добряков, в отличие от некоторых своих учеников, всегда знал, что делал, говорил и писал. Стоило старому учителю Добрякову сесть за стол, как всё, что было в комнате, начинало стучать, греметь, скрипеть, звенеть, звякать, хлопать, тренькать и бренькать... Теперь ты понял, о чём идёт речь? О предметах неодушевлённых, отвечающих на вопрос ЧТО: окнах, дверях, стаканах, пузырьках, блюдцах, флакончиках...

Поэтому старый учитель Добряков, садясь за стол, всегда обращался к вещам с просьбой вести себя потише. Но вещи, пользуясь добротой старого учителя, вели себя точь-в-точь как некоторые твои сверстники и сверстницы на уроках.

То дверь — «О-о-ох...» — скрипуче зевнёт, забыв о приличии. То форточка — «Бац!» — даст оплеуху задремавшей раме. То — «Хи-хи-хи...» — совсем уж не к месту зазвенят стаканчики в буфете.



Поэтому с предметами неодушевлёнными старому учителю Добрякову приходилось держать ухо востро, как, впрочем, и с одушевлёнными. Ты понимаешь, кого я имею в виду...

Иначе и быть не могло. Такая работа у старого учителя Добрякова, что всему дому приходилось шуметь поменьше. По вечерам он проверял сочинения своих учеников.

Вот и сегодня — сел за стол, повесил на нос очки и с удовольствием потёр руки. Перед большой и хорошей работой всегда так делают, не правда ли? Потом взял со стола первую попавшуюся тетрадь, прочитал, чья она, и удивился. Ученика с такой фамилией у него в классе не было. Старый учитель Добряков ещё раз прочитал: «Нир Тваз». Ты когда-нибудь встречал подобное имя? Старый учитель Добряков тоже не встречал.

«Это, наверно, шутка, — подумал он, — или я взял в учительской чужую тетрадь». Но нет, на тетради стоял его класс — четвёртый «Б». Может быть, тетрадь была старой, какого-нибудь прошедшего времени? Нет, год, месяц и число были сегодняшними, такими же, как и на календаре, висевшем над столом старого учителя Добрякова. А для точности на тетрадке стояла ещё одна дата — «XX столетие». Как будто сочинитель боялся, что его спутают с кем-нибудь из другого века.

Старый учитель Добряков пожал плечами и стал читать: «Как я провёл лето. Сочинение ученика 4-го класса «Б» Нир Тваза.

Это лето я провёл у своей бабушки на Луне. Там всё, как у нас, на Земле, кроме неба. Небо на Луне — это крыша, которая пропускает свет и космические корабли, но не пропускает холод.

На Луне много воздушных садов и озёр, только маленьких. В садах стоят прозрачные раздвижные домики. В озёрах растут разные деревья: вишни, сливы, абрикосы, груши, орехи. И все люди на Луне — «воздушные». Они не ходят, а летают. У меня тоже был крылолёт, и я летал куда хотел. Воздушные сады с домиками и озёрами тоже могут перелетать с места на место.

Бабушку я долго не видел, а когда увидел, то удивился. Она точь-в-точь как моя мама, такая же красивая и молодая. Это потому, что люди на Луне, как и на Земле, никогда не стареют. Бабушка сказала, что когда я вырасту, то не буду стареть до конца своей жизни.

На Луне, как и на Земле, люди никогда не спят. Потому что у всех по два сердца. Одно — своё, другое — искусственное. Когда одно отдыхает, другое работает. Я видел, когда смотрел книгу, что раньше люди много спали. Это просто ужасно, спать, когда так интересно жить.

Когда бабушка работала, я смотрел книги. Однажды книгозбор показал мне «Робинзона Крузо». О том, как один моряк потерялся, а потом нашёлся через много лет.

Я бы тоже хотел потеряться, чтобы напугать маму и бабушку. Но это невозможно. Мама и бабушка сразу найдут меня. Включат волнолов, настроенный на волну моего сердца, и узнают, где я нахожусь.

Иногда я бывал у бабушки на работе. Она заведовала на Луне «Временами года». Включала по очереди весну, лето, осень и зиму.

Своего дедушку я видел реже, чем бабушку. Дедушка заведовал на Луне «Большим светом Земли», сокращенно БСЗ. А ещё он писал книгу о своём путешествии в созвездие Большой Медведицы. И поэтому был всегда занят.

Когда приходило время, дедушка включал БСЗ, и на Земле продолжался день. Когда Луны на небе не было, Землю освещал искусственный спутник.

Однажды я спросил у бабушки, почему на Луне и на Земле четыре времени года, а не одно лето? Она сказала, что давно-давно, когда ни её, ни моей мамы ещё на свете не существовало, на Земле было общее голосование, и большинство людей решили сохранить на Земле весну, лето, осень и зиму, потому что каждое время года было чем-нибудь замечательно!

Бабушка всё время меня воспитывала и учила. Что я должен и чего не должен делать. А мне почему-то всегда хотелось наоборот: не делать так, как велят, а делать так, как запрещают.

Однажды я пришёл к бабушке на работу и среди лета включил «Зиму». У-у-у!.. Лучше бы я этого не делал, потому что сразу замёрз. И всё на Луне тоже замёрзло и покрылось инеем: люди, птицы, звери, озёра и деревья. На меня все рассердились, и Лунсовет решил отправить меня на Землю. Но когда Луна отогрелась, бабушка заступилась за меня, и я остался.

Но лучше бы я улетел...

Однажды я пришёл к дедушке на работу. Дедушка сидел и писал свою книгу. Он так увлёкся, что не заметил, как я взял и выключил БСЗ. Но тут вдруг тревожно зазвенел звонок и громкоговоритель испуганно закричал:

— Луна, Луна, я — Земля, я — Земля, что случилось?

Услышав голос Земли и узнав, в чём дело, дедушка очень рассердился. Ведь из-за того, что на Земле внезапно наступила ночь, могли произойти большие неприятности. И они были. Как я потом узнал, один мальчик упал в яму и сломал ногу.

Дедушка включил БСЗ и отвёл меня к бабушке.

— Этот мальчик — злой шалун, — сказал дедушка, — его надо отправить на перевоспитание.

Бабушка поплакала, но согласилась.

— Хорошо, — сказала она, — только куда-нибудь недалеко.

— В двадцатый век, — сказал дедушка.

Он отвёл меня в какую-то комнату, погладил по голове и сказал, что я вернусь, как только искуплю свою вину добрым поступком. Кто бездумно творит зло, тот может потом сделать его нарочно: на Земле, на Луне, на любой самой маленькой планете... А ещё он сказал, что все, кого посылают на перевоспитание, забывают о том, кем они раньше были и где жили. Чтобы они не думали о том, зачем их послали. Потом он велел мне зажмуриться, и когда я снова открыл глаза, то...»

Больше в тетради ничего не было.

Старый учитель Добряков снял очки, посмотрел вокруг и задумчивым голосом спросил:

— Ну-с, что вы об этом думаете?



В трудную минуту старый учитель Добряков привык советоваться со своими вещами. И вещи всегда были рады помочь старому учителю.

Настольная лампа под зелёным колпаком быстро-быстро заморгала электрическими ресничками. Так ей не терпелось высказаться...

Дверь скрипуче заохала, собираясь с мыслями...

Стаканчики в буфете зазвенели, перебивая друг друга...

Но старый учитель Добряков никому не дал договорить.

— Хорошо, хорошо, хорошо! — замахал он руками. — Я вас понял. Этому сочинению надо верить.

И вещи притихли, потому что старый учитель Добряков стал читать другое сочинение, другого мальчика о том, как он провёл лето у своей земной бабушки.

На следующий день старый учитель Добряков пришёл в класс и стал раздавать сочинения. В числе других получил свою тетрадь и мальчик по имени Нир Тваз. И хотя старый учитель Добряков видел его впервые, ему почему-то казалось, что он этого мальчика давным-давно знает. Это же казалось, наверно, и его ученикам, потому что никто из них не выразил ни малейшего удивления, увидев незнакомого гостя в своём классе. «Интересно, что будет, — подумал старый учитель Добряков, — если я попрошу его прочитать своё сочинение вслух?»

Между нами говоря, он подозревал, что мальчик смутится. Ничего подобного. Нир Тваз взял тетрадь и певучим голосом прочитал: «Это лето я провёл у своей бабушки на Луне...»

Ты, конечно, догадываешься, что произошло вслед за этим. Ну да, весь класс так и покатился со смеху. Но вот что удивительно — и старый учитель Добряков тут же обратился на это внимание, — мальчик, читавший своё сочинение, не отставал от других — хихикал, фыркал, прыскал наравне со всеми.

«Ах да, — вспомнил учитель Добряков, — он же забыл, кем был и где жил». И старый учитель вместе со всеми стал весело смеяться над приключениями мальчика на Луне.

На перемене старый учитель Добряков услышал, как

одна девочка из его класса сказала соседке по парте: «Какой у него красивый голос». Старый учитель сразу догадался, о ком она говорила.

Да, у Нир Тваза был очень красивый голос, и, когда его услышал учитель пения, он тут же записал мальчика в хоровой кружок. А когда Нир Тваз попался на глаза учителю рисования, тот просто ахнул от восторга. «Какая прекрасная натура», — сказал он и пригласил Нир Тваза на занятия кружка рисования.

Нечего и говорить, что все мальчики и девочки захотели рисовать только Нир Тваза. Так он им всем понравился. Но он и сам рисовал лучше всех их.

А как обрадовался Нир Твазу учитель физкультуры! Ещё бы, Нир Тваз за один день побил все школьные рекорды в беге, прыжках, плавании и метании.

Но и это не всё. Однажды Нир Тваз по ошибке зашёл в десятый «А» и, не задумываясь, решил написанную на доске задачу, над которой второй урок безуспешно бились старшеклассники. Вся школа ахнула, когда узнала об этом.

Но разве только это умел Нир Тваз? Он всё мог, всё умел, кроме одного — драться. Любой первоклассник мог запросто поколотить его, не рискуя получить сдачи. Но если ты думаешь, что это от недостатка силы или храбрости, то очень ошибаешься. Однажды, когда четвёртый класс «Б» гулял в зоопарке, из клетки вырвался молодой лев и зарычал на учеников. И что же? Нир Тваз схватил льва за гриву и держал, пока все не попрятались. Потом загнал льва в клетку и закрыл её на засов.

...В тот день, когда Нир Тваз не пришёл в школу, в городской больнице был спасён умирающий мальчик. Ему пересадили чужое сердце. Чьё? Неизвестно. Другой мальчик, который пожертвовал своё сердце умирающему, сразу исчез. Единственное, что запомнил врач, это то, что у него было два сердца. Так вот, узнав эту новость, старый учитель Добряков сказал мне по секрету, что мальчик с двойным сердцем был не кем иным, как Нир Твазом. Честно говоря, я до сих пор не знаю, верить мне в это или нет? А ты что скажешь?



ПРОДЕЛКИ ЗЛОЙ ОТМЕТКИ ЕДИНИЦЫ

Жила на свете злая отметка Единица. Много лет прожила, а ума не набралась. И такая она была надоедливая: заберётся в тетрадь к нерадивому ученику — никак от неё не избавишься.

Но вот однажды отличница Оля задумала выжить Единицу из их класса. Попросила она своих товарищей помочь лентяю, с которым крепко подружилась Единица. Товарищи, конечно, согласились. Вскоре тот отстающий ученик стал успевать по всем предметам. А Единицу Оля вытянула из его портфеля да и выбросила в открытую форточку.

Упала Единица в сугроб, выбралась из снега, сжала кулачки и пропищала:

— Ну гляди, Оля, я тебе отомщу!

Стала Единица думать, как бы своей обидчице какую-нибудь неприятность причинить. Думала, думала — ничего придумать не сумела. А тут вдруг случай сам представился.

Приближался Новый год. Лесные обитатели решили устроить у себя новогодний карнавал. Дедушка-Мороз и Снегурочка пригласили самых лучших учеников. Ну и конечно — Олю.



Узнала про это Единица и в тот самый день, когда Оля отправилась на лесной праздник, вышла из-за угла ей навстречу, поклонилась и притворно ласково спросила:

— Куда это ты спешишь?

— На лесной карнавал.

— Скажи пожалуйста! И я туда же.

Удивилась Оля:

— Ты?

— Ну да. Ведь я теперь уже не злая отметка, а Единица арифметическая и приношу только пользу.

Обрадовалась Оля:

— Вот хорошо!

А Единица возьми да предложи ей:

— Давай дружить!

— Давай,— согласилась Оля.

— Тогда пойдём, я поведу тебя самой короткой дорогой.

Взялись они за руки и отправились вместе. В лес вошли в удивительный: запорошённые деревья сверкают инеем на солнце, будто бриллиантами осыпаны.

Любуется Оля, глаз оторвать не может. А Единица ничего не замечает. Только и думает, как бы Олю в самую что ни на есть глухомань завести да там и оставить. Пусть замерзает! Небось из глухой чащи сама не выберется.

Вот Единица и говорит Оле:

— Смотри получше под ноги, а то собьёшься с пути, тропинка-то вон какая узенькая стала. Иди ты впереди, а я сзади.

Идёт Оля, смотрит себе под ноги. Шли они, шли, и вдруг Оле показалось, будто не слышны сзади шаги Единицы. Обернулась — так и есть. Исчезла куда-то её спутница. Подняла Оля глаза да так и ахнула: вокруг дубы мощно сплелись стволами, встали непроходимой стеной. Точно в ловушку попала. А тут вдруг вьюга протяжно завывала и темнеть начало.

Но Оля о себе не думает, ей за Единицу страшно: «Остала, бедненькая, сбилась с пути и, видно, заблудилась».

Начала Оля аукать да звать Единицу — куда там! Ветер с такой силой на неё набросился, что Оля сама своего го-

лоса не услышала. Попыталась она из страшного места выбраться. Заметит между стволами просвет, кинется, а едва добежит — там кол будто из-под земли вырастает.

Устала Оля. Села на пенёк передохнуть, и очень ей спать захотелось. Да вовремя вспомнила бабушкин наказ: «Заснёшь на морозе — не проснёшься». Вскочила на ноги, снова стала свободное место между стволами искать. Увидит, а пока подбежит — глядь, снова там непроходимая стена. Так и не смогла из той чащобы выбраться. Совсем из сил выбилась. Опустилась на пенёк и не заметила, как глаза сами собой закрылись...

А Единица за деревьями стояла и зло посмеивалась. Это она в просветы между дубами вставала, дорогу Оле загромождала.

Обрадовалась Единица тому, что Оля уснула:

— Поделом тебе, противная девчонка. Вот и замерзай в лесу!

Заторопилась Единица на лесную поляну, где стояла разукрашенная ёлка, чтобы подарок забрать, предназначенный для Оли. Побежала изо всех сил. И вдруг остановилась.

— Что это я, право. Страшно ведь самой в мешок с подарками лезть. А если кто увидит?

Стала Единица думать, кого бы из лесных обитателей попросить помочь ей.

«Может быть, ёжика? — И тут же сама себе ответила: — Нет, ёжик больно уж честный: всё лето на своих иголках грибы да ягоды таскает, на зиму запасы делает. Ёжик чужое взять не согласится.

А может быть, белку? Нет, и белку не уговоришь. Она тоже всё лето работает, в своё дупло орешки носит — на долгую зиму запасает».

Призадумалась Единица. И вдруг вспомнила про лису. Та любит чужое утащить. Немало кур в свою норку потаскала из колхозного птичника. Но где её найти? Думала, думала Единица и надумала: стала кукарекать. Лиса тут как тут. Носиком поводит, во все стороны смотрит. Вышла к ней Единица и посмеивается:

— Не ищи петушка, это я тебя вызвала.

Рассердилась лиса:

— Что за шутки неуместные?

— А ты не гневайся раньше времени. Есть у меня один секрет для тебя.

Обрадовалась Лиса. Она очень любила секреты.

— Говори поскорее!

— Э, нет,— остановила её Единица.— Скоро только сказка сказывается, а дело делается подольше. Веди меня в свою нору, там и поговорим.

Повела лиса Единицу к себе. Вошли в норку, а в ней тепло, уютно, пуховая перинка на постели. И так вдруг Единице вроде бы спать захотелось, вот она и говорит:

— Ох, отдохнула бы я. А ты, лисонька, не хочешь ли новогодний подарок получить?

— Кто же от подарков отказывается!

— Только, чур, подарок пополам поделим, согласна?

— Согласна,— отвечает лиса, а сама думает: «Так я тебе и отдала половину, держи карман шире». Сказала же она совсем другое:

— Меня Дед-Мороз в этом году оставил без подарка за то, что я много кур перетаскала в свою норку из колхозного птичника, так я буду рада и половинке.

— Вот и отлично,— говорит Единица.— Иди скорее на поляну, где стоит украшенная ёлка. Под ней мешок с новогодними подарками. Отыщи свёрток, где написано «Для Оли», и неси сюда.

Лиса даже испугалась:

— Что ты, что ты! А как же Оля без подарка останется?

Засмеялась Единица:

— Оля на праздники не ходит. Она дома с отстающими учениками занимается.

Обрадовалась лиса:

— Тогда другое дело. Я мигом.

Побежала лиса на лесную полянку. Видит, под разукрашенной ёлкой мешок большой-пребольшой лежит.

Подошла поближе, огляделась — никого. Стала в подар-

как лапками рыться. Нашла свёрток с надписью «Для Оли», схватила и спряталась в кусты.

Только успела спрятаться, смотрит, Дед-Мороз идёт, Снегурочка да звери лесные с гостями.

А птицы с ветки на ветку перепархивают.

Начал Дед-Мороз подарки раздавать, а лисе не терпится узнать, что в Олином свёртке. Да не знала лиса, что в этом году Дед-Мороз решил исполнить желание каждого своего гостя и посылал он своих снежинок узнать, кто что хочет получить.

Когда снежинки кружились в открытой Олиной форточке, она говорила своей бабушке:

— Вот была бы у меня волшебная собачка... ну, такая, чтоб Единицу на расстоянии чуяла и в класс не пускала.

Снежинки рассказали об этом Дедушке-Морозу, и он приготовил Оле в подарок именно такую собачку. Но лиса-то про это понятия не имела. Развязала она пакет, выскочила оттуда собачка да как вцепится в лисий хвост: ведь от лисы Единичьиным духом пахло. Лиса от боли так и взвыла. И туда кинется, и сюда — никак не может от собачьих зубов освободиться. Пришлось бежать к Деду-Морозу. Упала лиса перед ним на передние лапки и повинилась: так, мол, и так — взяла я самовольно Олин подарок, потому что сама она на праздник не придёт, с отстающими учениками занимается.

Ну, Дед-Мороз, конечно, лису освободил и послал за Олей быстрогоного оленя.

Вернулся олень, докладывает: так, мол, и так — Оли дома нет, а сорока-белобока видела, как Оля вместе с отметкой Единицей в лес ушла.

Рассердился Дед-Мороз на лису:

— Видно, не все ты мне рассказала. Говори, где Оля, где Единица?

Испугалась лиса: знает, с Дедом-Морозом шутки плохи:

— Олю я в глаза не видела, а Единица, точно, в моей норке спит. Это она мне сказала, что Оля дома с отстающими учениками занимается.

— Тут что-то неладное, — проговорил Дед-Мороз. —

Надо идти к лисьей норе, допытаться у Единицы, где она Олю оставила.

И пошли все звери и все гости с Дедом-Морозом и Снегурочкой к лисьей норе. И птицы опять над их головами с ветки на ветку перепархивали.

А Единица в это время сладко спала на мягкой перинке. Вдруг услышала она сквозь сон голос Деда-Мороза :

— А ну, выходи, Единица, на расправу! Ответ держать будешь за Олю-отличницу.

Испугалась Единица, вскочила и стала новый выход из норки искать. Ей это было нетрудно: ведь Единица тонкая, будто палка.

Просверлила в другом конце дыру, выскочила и помчалась прочь.

Надоело Деду-Морозу ждать Единицу, велел он лисе из норы её вытащить. Шмыгнула лиса в норку и тотчас увидела новый ход, похожий на окошко. Пролезть в него — не пролезешь, только холод идёт. Да и куда лиса за Единицей погонится? Всё равно её не догнать. И в какую сторону она убежала — неизвестно.

Вылезла лиса из норы, о том, что видела, Деду-Морозу рассказала.

— От нас не уйдёт,— ответил Дед-Мороз. Подозвал волшебную собачку и приказал ей :

— А ну-ка, вперёд, за Единицей!

Собачка сразу же взяла след и побежала. Все — за ней. А птицы поверху перепархивали с ветки на ветку.

Единица тем временем далеко убежала, да утомилась и решила отдохнуть. Легла на проталину — слышит, шум какой-то. Приложила ухо к земле — так и есть, погоня. Помчалась быстрее прежнего. Вот и асфальтовое шоссе. Лес позади остался. Дай, думает Единица, послушаю, не осталась ли погоня. Приложила ухо к земле, а топот уже совсем близко. Что делать? Видит, столбик с указателем стоит, а на нём цифра 22. Взобралась по столбику, встала впереди, и оказалось на указателе 122.

А тут собачка волшебная прибежала, а за ней Дед-Мо-



роз, Снегурочка, гости и лесные обитатели. Стала собачка на указатель лаять, а Снегурочка говорит:

— Дедушка, убери собачку в карман, видно, она след потеряла, зря лает.

Положил Дед-Мороз собачку в карман, и побежали они дальше. А Единица спрыгнула со столбика, засмеялась и помчалась в другую сторону.

Вот бегут наши преследователи, а собачка в кармане у Деда-Мороза всё лает да лает, ну прямо надрывается.

Тогда опять Снегурочка не выдержала и говорит:

— Дедушка, а может, мы напрасно у того указателя не остановились, не искали Единицу. Ведь попусту волшебная собачка так лаять не станет.

— Не станет,— согласился Дедушка-Мороз.— Пожалуй, я и впрямь зря тебя послушал.

И повернули они все обратно. Прибежали к столбику, смотрят, а на указателе только 22 осталось. Тут они и догадались, как ловко провела их Единица.

Выпустил Дед-Мороз из кармана волшебную собачку, и она сразу же бросилась совсем в другую сторону.

А Единица тем временем опять далеко убежала. И рада-радешенька: «Ай да я! Как ловко всех обманула!»

Тут вроде бы и отдохнуть можно, только снова до её слуха шум какой-то донёсся. Погоня! Что делать? Вокруг — ни деревца, ни кустика, один особнячок неподалёку стоит. Бросилась Единица к домику, видит, форточка открыта. Шмыг в неё. Ну, думает, спряталась я от погони...

А в этом особнячке работал большой учёный. Он только что закончил трудный чертёж. Проверил все цифры и собрался ехать домой Новый год встречать. Только успел одеться, как стук в дверь раздался. Открыл учёный дверь, смотрит и глазам своим не верит: стоят Дед-Мороз, Снегурочка, звери лесные, а с ними — девочки и мальчики.

Дед-Мороз поздоровался с учёным и говорит:

— К вам в форточку злая отметка Единица прыгнула. Она завела в лес Олю-отличницу и бросила там. Нужно отыскать её как можно быстрее, а без Единицы мы не найдём.

— Что ж,— отвечает учёный,— пойдёмте посмотрим.

Прошли они все в кабинет, взглянул учёный на чертёж и сразу же увидел Единицу. Она как в форточку прыгнула, так на лист с цифрами и попала. Заметила нолик, столкнула, а сама встала на его место.

— Выходи, самозванка! — прикрикнул на неё учёный. — Не то резинкой сотру!

Испугалась Единица. Сошла с чертежа.

— Веди нас туда, где Олю оставила, — приказал Дед-Мороз.

Пришлось вести, ничего не поделаешь. Вышли все из домика, а учёный и говорит:

— И я с вами. Какая тут встреча Нового года, когда человек в опасности.

Идёт Единица впереди, все за ней. Долго шли. В такое глухое место забрели, что даже Дед-Мороз удивился:

— Не знал я про эту чащобу, а сказали бы — не поверил.

Пошли они дальше, а идти с каждым шагом становилось всё труднее и труднее. Ноги в сугробах вязли. Стволы деревьев путь преграждали. А тут ещё Единица куда-то исчезла. Никто и не заметил, как она в сугроб нарочно провалилась, чтобы спрятаться.

Поохали, поахали, повозмущались и решили все без Единицы путь продолжать, Олю искать.

Шли они так, шли — ещё гуще стала чащоба. Ещё больше удивился Дед-Мороз:

— Вспомню про такое — себе самому не поверю...

А потом пришли они в такое страшное место, будто в ловушку попали. Стволы вековых дубов со всех сторон стеной встали, сухие ветви звёзды и месяц закрыли. Темным-темно вокруг, в двух шагах ничего не видно, а тут ещё вьюга протяжно завывала.

И вдруг Снегурочка наткнулась на пенёк, где Оля сидела. Снежок её засыпал — не то спит, не то замёрзла.

Стали Олю тормошить. Открыла она глаза, смотрит, ничего не поймёт.

— Ой, — говорит, — а где Единица? Она, бедненькая, потерялась в лесу.

— Не вспоминай ты про злодейку Единицу,— сказал Дед-Мороз. Ведь это она тебя нарочно в такую глухомань завела, да и бросила, чтобы ты замёрзла. Ну да ладно, что о ней говорить! Новый год через несколько минут наступит. Не дойти нам до той поляны, где украшенная ёлка стоит. Далеко. Давайте-ка выбираться отсюда.

Вышли все из этой западни, сразу звёздное небо с золотым месяцем открылось. Видят — небольшая поляна лесная. На поляне — ёлка зелёная. Пушистая, высокая. Подошёл к ней Дед-Мороз, простёр над ней руки и попросил:

— Небо звёздное, небо щедрое, сбрось на эту ёлочку несколько звёздочек.

И посыпался звёздный дождь. Украсил он ёлку, да так красиво, что куда той, прежней, что вдалеке наряженная осталась.

Встали тут все в хоровод, новогоднюю песню запели. А Единица вылезла из снега и глядит на них с завистью из-за сугроба. Вдруг она почувствовала, что сзади кто-то стоит. Оглянулась, а это нолик.

— Ты зачем здесь?

— А я один не могу. Я всегда при ком-нибудь должен находиться. Вот я за тобой и катился всё время. Не надо было меня с чертежа сталкивать и на моё место вставать. Зато теперь ты уже не Единица, а вместе со мной стала десяткой.

Рассердилась Единица:

— Не хочу быть десяткой! Хочу оставаться Единицей, чтобы зло ребятам делать.

Отыскала она глазами учёного — и к нему:

— Уважаемый учёный, разделите, пожалуйста, меня с ноликом.

— Изволь.

Взял учёный десятку и разделил её пополам. Запрыгала весёлая, жизнерадостная пятёрка. А Единицы как не бывало.

В это время лесные часы пробили двенадцать раз, и наступил Новый год.



КУКУШОНОК, ПРИНЦ С НАШЕГО ДВОРА

КУКУШОНОК ЗНАКОМИТСЯ С ГНОМОМ

В маленьком городе на окраинной улице, в доме № 10, жили-были одиннадцать принцев и одна принцесса.

Принцы были самые обыкновенные — гоняли в футбол, иногда дрались, а иногда мирились, а вот принцесса... Словом, принцесса была такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Звали её Таня.

Старший принц, по имени Кешка, был лучшим форвардом дворовой футбольной команды и умел шевелить ушами. А младший принц, Сашка, которому только исполнилось одиннадцать лет, был вратарём, и ребята чаще звали его не по имени, а Кукушонком, оттого что лицо у него было всё в веснушках.

Раз вечером принцесса вышла во двор. Принцы бросили мяч и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

— Вот чего, принцесса Танька, скажи правду: кого ты из нас полюбишь, когда мы вырастем?

Принцы ждали ответа спокойно, только маленький Сашка, который ужасно любил Таню, открыл рот от волнения, шагнул к ней и смотрел не отрываясь.

— Вот ещё! — фыркнула Таня, закинула русую косу за спину, посмотрела своими огромными синими глазами на ребят и сказала: — Никого я не полюблю — очень надо. А уж тебя, Кукушонок, и подавно. Закрой рот, а то воробей влетит. И айда в кино на семичасовой!

Она выбежала на улицу, и принцы за ней.

Только Сашка остался стоять посреди опустевшего двора. Постоял немного и тоже побрёл за ребятами. По улице мчались машины, автобусы и троллейбусы. Электрические часы на столбе, пошевелив чёрным усом, показали без четверти семь. Шло множество пешеходов, торопясь со службы домой. Принцессы не было видно, и принцев тоже. Совсем грустно стало Сашке. Он уже решил идти домой, когда рядом остановился маленький старичок в высокой остроконечной синей шапке с красной кисточкой и тихим голосом попросил:

— Не можете ли вы... кхе... кхе... молодой человек, перевести меня на другую сторону?

Сашка взял старичка за руку и перевёл через улицу.

— Спасибо! — сказал старичок и вежливо приподнял высокую синюю шапку с красной кисточкой.

Он приподнял шапку только на одну секунду, но Сашка успел заметить, что на голове у старичка растут не волосы, а цветы — одуванчики и ромашки. И хотя Сашка знал не очень много древних старичков, всё-таки он подумал, что это странно. Да и зима ведь — какие зимой одуванчики и ромашки?!

Сашка не подал вида, что разглядел цветы, но старичок сам догадался, поднялся на носки, чтобы дотянуться до уха мальчика, и зашептал:

— Тут нечего удивляться, потому что я ведь не обыкновенный гном, а Гном Цветочный. Сам посуди, чему же расти на голове Цветочного Гнома? В молодые годы росли пионы и розы, а теперь... кхе, кхе... одуванчики и ромашки. Это ведь тоже не так уж плохо.

— Нет, я ужасно люблю одуванчики и ромашки,— сказал Сашка и по лицу гнома угадал, что его ответ понравился.

— Да,— сказал гном,— одуванчики и ромашки — хорошие цветы. И я очень рад, что встретился с тобой, потому что ты воспитанный мальчик и у тебя на лице столько прекрасных веснушек, таких ярких, что они даже светятся; а веснушки — цветы весны. И я рад, что встретился с тобой сейчас, потому что сегодня у меня особенный день. Десять тысяч лет я был Цветочным Гномом, а теперь перехожу на пенсию и становлюсь гномом-пенсионером! Пойдём ко мне и посидим вместе: в такой вечер не очень приятно быть одному. А я сделаю для тебя своё самое последнее волшебство.

У ЦВЕТОЧНОГО ГНОМА

Гном жил на четвёртом этаже обыкновенного шестиэтажного дома. В комнате его около двери стоял кактус, согнувшийся от старости, с длинными колючками. На полу и на подоконнике выстроились горшки с цветами: розами, гвоздиками, фиалками, астрами и всякими другими, названий которых Сашка не знал.

Между цветами, громко жужжа, летало множество пчёл и шмелей. Посреди комнаты стоял стол — лист водяной лилии на зелёном стебле.

— Милости просим! — сказал гном и повесил на одну из колючек кактуса пальто и шапку.

Сашка тоже повесил на кактус куртку и кепку.

— Тжи-тжи,— сказал гном.— Тжи-тжи!..

Пчёлы и шмели ещё быстрее стали летать от цветка к цветку. Они роняли в чашки — ландышевые колокольчики — капли цветочного нектара.

— Скоро мы расстанемся, мой мальчик,— сказал гном.— Запомни, если я тебе когда-нибудь понадобится, скажи такие слова: «Тамбарато клуторео римбеоно», и я появлюсь. Но я могу прийти к тебе, только если ты бу-

дешь один. И только два раза в жизни я откликнусь на твой зов.

Гном и Сашка выпили цветочный нектар за счастье всех хороших людей и всех хороших гномов.

— А теперь,— торжественно сказал гном,— подумай хорошенько, какое волшебство ты хочешь, чтобы я сделал для тебя.

Сашке и думать было нечего: больше всего на свете он хотел, чтобы веснушки у него на лице стали невидимыми...

Ах, наверно, Сашка слишком тихо высказал свое желание. Да ещё пчёлы и шмели громко жужжали, заглушая голос мальчика. Поэтому-то и произошло ужасное несчастье, о котором будет рассказано в этой правдивой истории.

— Быть по-твоему! — воскликнул гном и высыпал на середину стола — листа водяной лилии — зелёный порошок из зелёной коробочки.

Зелёный туман, пахнувший цветами и травами, поднялся над столом и окутал всё, что было в комнате. Из дымки парами стали появляться цветы: пион с бледно-жёлтой розой, тюльпан с астрой, важный львиный зев с маргариткой. И почему-то Сашка совсем не удивился: как это цветы ходят словно человечки, мягко ступая крошечными ногами.

Лица у цветов были печальные, цветы выходили из зелёного тумана и, коснувшись руками мальчика, повторяли одно и то же:

— Что же теперь с тобой будет?!

И, сказав это, снова скрывались.

А потом зелёный туман рассеялся, и Сашка увидел, что он снова стоит у ворот своего дома под ярким уличным фонарём, там, где гном попросил перевести его через улицу. Только автобусов, автомобилей и пешеходов к вечеру стало гораздо меньше.

Сашка подумал, что, может быть, вся история с Цветочным Гномом приснилась ему да и сейчас он спит, и быстро проговорил стишок, по которому Таня узнавала, снится ли это или происходит на самом деле:



Кит по улице бежит,
Прямо к солнцу слон летит.
Я гляжу и удивляюсь
И, конечно, просыпаюсь.

Сашка проговорил Танин стишок, как можно шире открыл глаза и понял — нет, он не спит.

Часы показывали без двадцати девять, значит, подумал он, Кешка и другие принцы и принцесса вот-вот вернутся с семичасового сеанса.

Он обрадовался и решил, что расскажет обо всём ребятам — вот удивятся-то.

САШКА ПОНИМАЕТ, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Только он успел это решить, в конце улицы показались принцесса и принцы. На ходу они переговаривались весёлыми голосами — значит, картина была хорошая.

Принцы подбежали и остановились на своём любимом месте у часов. Принцесса стояла так близко от Сашки, что могла бы погладить его по голове, как она иногда делала.

— И куда это Кукушонок подевался? — невесело проговорила принцесса.

Она смотрела огромными синими глазами вперёд, но почему-то не видела Сашки.

— Ой, ребята! — воскликнула она. — Смотрите, какие красивые жёлтые искорки. Вот, рядом со мной!

Принцесса сказала это и вместе с принцами побежала к воротам.

Только Сашка не двинулся с места. Он зажмурился, протянул вперёд руку, а потом стал медленно открывать глаза. И когда он совсем открыл их, то увидел... В том-то и дело, что он ничего не видел. Он снял варежку, но и без варежки рука не стала видимой.

Теперь Сашка понял, что с ним произошло. Старичок гном не расслышал и превратил в невидимку его, а веснушки оставил видимыми.

Кукушонок бежал домой и думал: «Но мама-то меня увидит!»

На звонок мама открыла сразу: время было позднее.

— Опять ребята балуются,— тихо сказала она и закрыла дверь; Сашка под её рукой проскользнул в квартиру.

Мама позвонила по телефону Тане, спросила:

— Ты Сашку моего не встречала? — и медленно опустила трубку.— Боже мой! Боже мой! Где же он пропадает? — прошептала она.

— Я здесь! — сказал Сашка.

— Не смей играть со мной в прятки! Я и так переволновалась.

Но Сашка и не думал играть в прятки.

— Где же ты? — уже сердито окликнула мама.

Тогда Сашка рассказал, что с ним произошло.

— Глупый, скверный гном! — воскликнула мама и заплакала.— Сколько раз я предупреждала,— не смей говорить с незнакомыми! Какой злой гном!

— Нет,— сказал Сашка,— гном добрый, просто он не расслышал.

— Веснушки видны...— сквозь слёзы сказала мама.— Они даже светятся. Одни только веснушки...

Мама пошарила в воздухе и посадила сына к себе на колени.

— Я выпью бутылку чернил,— сказал Сашка.

— Выдумал! Так и отравиться недолго. Я тебе никогда не позволю.

— Тогда я вымажусь чёрной... нет, лучше жёлтой ваксой. И ты меня натрёшь щёткой.

— Нет, нет! — сказала мама.

Она выбежала на кухню и скоро вернулась с чашкой гоголя-моголя и бутылкой с рыбьим жиром:

— Это обязательно поможет. Доктор говорит, что это всегда помогает.

Сашка терпеть не мог гоголь-моголь, но съел всё, что было в чашке, и, взглянув на маму, умоляюще спросил:

— Немножко видно? Чутьочку?

— Иди спать,— сказала мама, даже забыв о рыбьем

жире.— Иди спать. У меня предчувствие, что завтра мы проснёмся, и всё будет... ну, как всегда!..

Она подождала, пока Сашка разденется, подоткнула одеяло, наугад поцеловала сына и вышла из Сашкиной комнаты.

ГНОМ ГАДАЕТ ПО РОМАШКЕ

— Тамбарато клуторео римбеоно! — прошептал Сашка, как только остался один.

Гном сразу появился.

Он снял шапку, аккуратно расчесал гребёнкой ромашки и одуванчики и подошёл к Сашиной постели.

Лицо у гнома было очень довольное.

— Здорово получилось,— сказал он, наклонив голову, маленькой сморщенной ладонью погладил Сашку по лицу и удивлённо воскликнул: — Да ты плачешь? Почему?.. Ах, вот в чём дело! Я, старый дурак, ослышался. Но это же так прекрасно — быть невидимкой! Кино? Кхе, кхе... на любой сеанс, всё равно, можно до шестнадцати лет или нельзя. Футбол? На любую трибуну! В трамвай? Милости просим без билета. Хоть в космический корабль...

Сашка всхлипывал:

— Пусть, пусть хоть мама меня видит. И Таня. И Мария Петровна, если я приготовил уроки...

— Да, да...— печально сказал гном, в глубокой задумчивости шагая из угла в угол.— В сущности, у гномов всё, как у людей. Думаешь сделать самым прекрасным образом, а получается хуже некуда. Конечно, неделю назад или даже вчера я бы тебя в два счёта расколдовал. Но теперь я на пенсии. А гномам-пенсионерам нечего и думать о волшебстве.

Гном поднял голову и огляделся. На стене висел солдатский вещмешок.

— Хм...— пробормотал гном.— А если попробовать всё-таки?.. Чей это мешок?

— Дедушкин...— сквозь слёзы выговорил Сашка.— Он с ним уходил на фронт и с ним вернулся в сорок пятом.

— Прекрасно,— сказал гном.— Солдатский мешок счастливый, раз солдат вернулся с войны... А если не выйдет?.. Так ведь другого не придумаешь! Погадать? Хотя я не очень люблю всякие суеверия. Ну, а вдруг?..

Гном сорвал с головы самую большую ромашку и стал отрывать лепесток за лепестком, приговаривая:

— Получится... заблудится... с дороги собьётся... домой вернётся...

Лепестки падали на пол.

— Страшной смертью умрёт...— бормотал гном,— счастье найдёт... получится... заблудится... с дороги собьётся... домой вернётся... страшной смертью умрёт...

Последний лепесток оставался на ромашке. Только странный какой-то. Вроде бы и лепесток, но очень маленький и кривой, и чуть синеватый. Гном протянул руку к этому лепестку, но не тронул его и тихонько проговорил:

— Принц Звёздочка! Теперь я буду звать тебя так. Есть одно-единственное средство расколдовать тебя. Но средство это трудное и опасное.

— Я ничего не боюсь! — сказал Сашка, хотя он многого боялся — темноты, диктантов, Марии Петровны, когда она сердитая, Кешки, когда тот с мячом нёсся к Сашкиным воротам.— Я ничего не боюсь! — твёрдо повторил Сашка.

— Это великолепно, что ты ничего не боишься! — воскликнул гном и от радости захлопал в ладоши.— Моё средство по плечу только самому храброму. Вставай! Одевайся потеплее — шубу, валенки, шапку-ушанку. Вещмешок за спину! Вот так... Ну, посидим перед дорогой. На всякий случай запомни: последнюю неделю перед Новым годом и в первый новогодний день все звери понимают людей, а люди — зверей. Может быть, тебе это пригодится... А теперь самое главное. Когда встретишь веснушчатого человека, скажи про себя: «Веснушка, веснушка! С носа слезай, в мешок полезай!» Наберётся полный мешок веснушек, возвращайся домой, позови меня, и я тебя в два счёта расколдую.

Не очень приятно в декабрьский мороз — а всего-то одна неделя оставалась до Нового года,— да ещё глухой ночью

уходить из тёплой комнаты в неведомый путь. Но что делаешь, если иначе нельзя?

— Согласен? — ещё раз спросил гном.

— Согласен, — ответил Сашка.

Как только гном услышал это, он ухватился за кривенький синеватый лепесток — последний у ромашки, сказал:

— Маленький-то маленький, но маленькие чаще всего и говорят правду, — и оторвал лепесток.

Едва только он оторвал его, лепесток превратился в белую птицу с синими крыльями, как у зимородка. Птица стрелой взвилась в воздух и звонким голосом пропела: «Счастье найдёт!»

Сразу исчез потолок, тонкая стенка, за которой спала, горько всхлипывая во сне, Сашина мама. Исчезли гном, весь дом № 10...

Кругом шумел дремучий бор. Яркие освещённые луной, стояли высокие ели. Кутаясь в снежные шубы и потрескивая от мороза, они пели:

Не бойтесь, ели, холода,
Не бойтесь, зайцы, голода,
И люди — колдунов.
Не бойтесь странных снов!
Не бойтесь страшных слов!
Дорожка вьётся, вьётся,
Бежит, бежит, несётся
С бедой вперегонки.
Спеши и ты, не мешкая,
Как белка за орешками,
Как птица за весной,
Ты — за своей судьбой!

Сашка прислушался к песне и побежал в глубь леса.

САШКА ЗНАКОМИТСЯ С ЗАЙЦЕМ, ВАРИТ С НИМ СУП И ГОВОРIT О ЖИЗНИ

Невесело было на душе у Сашки. А тут ещё мимо пробежал Заяц и изо всех сил крикнул:

— Спасите!



Сашка посмотрел и увидел два зелёных огня. Он вначале подумал: «Машина с зелёными фарами». Вгляделся, а это волк. Сашка едва успел юркнуть за сосну. Волк прыгнул и опустился совсем рядом. Потом снова сжался для прыжка, взвился в воздух, и ещё б секунда — конец косому.

Сашке так страшно стало за Зайца, что он, забыв об опасности, закричал:

— Стрелять буду!

От человеческого голоса волк шарахнулся в чащу. Глядит из-за стволов зелёными глазами, думает: «Голос — человеческий, но тоненький. Да и какой охотник станет предупреждать волка?! Взял да и пристрелил. Нет, это не охотник, а мальчишка заблудился. Заяц убежал, не догонишь. Хорошо бы хоть человечинкой закусить. В мороз ложиться натошак — самое вредное дело». Подумал всё это волк, вышел на дорожку и сказал сладким голосом:

— Ты чего испугался? Я с косым в прятки играл. Теперь, если хочешь, с тобой поиграем, погреемся. Я ведь хорошо вижу — вон ты где, во-о-он!

Очень хотелось Сашке сказать волку: «Старый, а врёшь! Ничего ты не видишь, потому что я невидимка». Но он удержался и тихонько, на носках, пошёл прочь.

А потом побежал что есть духу.

И всё ему казалось, кто-то дышит близко, за спиной — догоняет.

Бежал Сашка, бежал — чувствует, нет больше сил, и остановился. Будь что будет...

— А я думал, ты волк! — сказал Сашка, обернувшись и увидев косого.

— Какой я волк, если я Заяц. Волк давно спит. А мне не захотелось тебя одного в лесу оставлять. Мало ли чего...

— Как ты меня нашёл? — спросил Сашка.

— По следам, — ответил Заяц. — Следы, а над ними искры золотые.

— Есть хочется и холодно, — пожаловался Сашка.

— Беда не велика.

Заяц убежал и скоро вернулся. Идёт на задних лапах, а в передних у него морковка, три картошки и петрушка. Заяц бросил всё это на снег и говорит:

— Давай супчику горячего сварим! Посмотри, что у тебя там, в мешке. В солдатских мешках много чего бывает.

Сашка вытряхнул мешок, и на снег вывалились соль в тряпочке, коробок спичек, завёрнутый в клеёнку, закопчённый котелок и две ложки.

Натаסקали Заяц с Сашкой хворосту, сидят у огня, варят суп в котелке и разговаривают.

— Дедушка у тебя живой? — спрашивает Заяц.

— Его с войны раненого привезли... Он через год умер... А у тебя дедушка живой?

— Охотники убили.

Понравился Сашке Заяц, он и рассказал, что с ним приключилось.

— Не знаю, что и посоветовать, — ответил Заяц. — Если бы тебе шишки были нужны или жёлуди, а то — веснушки. Где их найдёшь в лесу — веснушки?! Веснушчатых волков я не встречал. И лисиц и медведей веснушчатых тоже не встречал. Дедушка, когда живой был, рассказывал, будто есть такие звери с длинной шеей — выше сосны, так у них по всей шкуре вроде веснушек. И кошки есть больше человека, тоже вся шкура в веснушках.

«Это он о жирафах и леопардах, — догадался Сашка. — Есть-то они есть, но за морем — в Африке».

— И ещё дедушка рассказывал, что где-то недалеко тут есть царство-государство, называется Золотое. Может, там... Только очень оно страшное!

— Чем же страшное? — спросил Сашка.

— Дедушка рассказывал: окружено Золотое царство золотой оградой. А за оградой золотой дворец. И там на золотом троне царь Колдун. Приведут тебя к царю Колдуну, и он задаст один-единственный вопрос, а какой — никому не известно. Ответишь как нужно, скажи три каких хочешь желания, Колдун выполнит. А не ответишь — отрубят голову.

Сказал это Заяц, положил соли в суп и заплакал.

— Чего плачешь? — спросил Сашка.

— Жалко мне тебя, — ответил Заяц.

— Не жалей прежде времени. Я иногда очень хорошо отвечаю на вопросы. Раз на контрольной по арифметике четыре с плюсом у Марии Петровны отхватил, а она знаешь какая строгая!

— Строгая-то строгая, да ведь голов не рубит?!

— Нет, голов она не рубит, — ответил Сашка и спросил: — Плохо зайцам живётся?

— Вроде бы ничего, только все дразнятся.

— Как? — спросил Сашка.

— И «косой», и «что это такое — кругом шуба, внутри жаркое»?

— Ну это и меня дразнят: и «конопатый», и «кукушонки», по-всякому.

— И обижают очень волки, лисы... — вздохнул Заяц. — От волка надо так бежать — «вздвойкой» называется: в одну сторону бежишь, а после по своему следу — обратно. Или «петлей»; или «скидку» делаешь: бежишь, бежишь, а потом ка-а-ак прыгнешь в сторону сколько сил хватит, волк и собьётся со следу. От лисы — по-другому, от охотника тоже надо уметь улизнуть... Пока научишься...

— И людям не очень легко учиться, — сказал Сашка. — А тебя б на человека можно выучить. Ну, на отличника — не знаю, а на троечника, как я... Хочешь?

— Да нет, я заячью капусту люблю.

— И человеческая капуста есть!

— Есть-то есть, да я у мамы один. Она меня «мой зайчушка» зовёт. Как бы она меня стала называть, если бы я человеком стал?

— Не знаю, — подумав, сказал Сашка.

— То-то и оно. Нет, я как был зайцем — «комочек пуха, длинное ухо, прыгает ловко, любит морковку», — так и останусь.

За разговором незаметно суп поспел. Поели Сашка с Зайцем, подложили хворосту в огонь, прижались друг к другу, чтобы было теплее, и уснули.

Проснувшись, Сашка решил, что обязательно пойдёт в Золотое царство: веснушки ведь тоже золотые, там их должно быть видимо-невидимо.

Поднялись они с Заяцем, как только рассвело, позавтракали — и в путь.

САШКА И ЗАЯЦ ЗНАКОМЯТСЯ С РЫЦАРЕМ

Вышли друзья из лесу, видят — в поле две дороги. Одна дорога торная и на краю столб со стрелкой: «В Золотое царство». А вторая дорога, рядом, вся в белом, чистом снегу. Ни одного следа — ни лошадиного, ни волчьего, ни заячьего. Стрелка на столбе в обратную сторону указывает: «Дорога из Золотого царства».

Заяц посмотрел и пригорюнился.

— Чего приуныл? — спрашивает Сашка.

— Как же не горевать? — отвечает Заяц. — Сколько рыцарей, и конных и пеших, проехало и прошло в Золотое царство, а на той дороге, которая ведёт обратно, — ни следочка.

Сашка пожал плечами, улыбнулся:

— Значит, хорошо в этом царстве, недаром оно Золотым называется, — рыцари и остаются там, которые любят золото. А мы нагребём мешок веснушек — и домой.

— Здорово бы, — вздохнул Заяц. — А если голову потеряем?

Только он это сказал, на дороге показался Рыцарь: огромный, в железной кольчуге и в железных латах, на саврасом коне.

Заяц выбежал навстречу, поклонился и вежливо спросил:

— Удостоите ответом, высокородный господин Рыцарь, не знаю, как вас звать-величать: куда путь держите и по какой надобности?

— Зови нас просто: Герцог Непобедимый, Граф Неустрашимый, Барон Всезнайский, — ответил Рыцарь таким громким голосом, что деревья близ дороги согнулись до

земли.— А едем мы в Золотое царство по той причине, что в собственном нашем герцогстве даже мыши с голоду подошли, не считая подданных; так что пришла пора золотишком раздобыться. Вот и надумали мы податься в это самое Золотое царство и либо к тамошней царевне посвататься, будь она неладна, либо на службу поступить к царю Колдуну, мечом позабавиться. Понял заячьим своим умишком?

— Понять-то понял, но только слух идёт — в Золотом царстве, прежде чем не то чтобы золото добыть, а самую обыкновенную морковку, надо на неизвестно какой вопрос неизвестно как ответить. Кто ответит, царь Колдун три его желания выполнит. А кто не сумеет — голову с плеч. И ещё слух идёт, будто уже тысячу лет сколько рыцарей ни приезжало в это царство, ни один не сумел на неизвестный вопрос правильно ответить.

— Ха-ха-ха! — захохотал Рыцарь.— Это всё были не высокородные рыцари, а рыцаришки. И сообрази ты заячьим умишком: какой вопрос надо выдумать, чтобы в моей башке, где можно сварить сорок бочек самого крепкого мёда, да ещё быка, не сварился бы наилучший ответ.

Сказав это, Рыцарь прищипорил костлявого коня ржавыми шпорами и затрусил в Золотое царство.

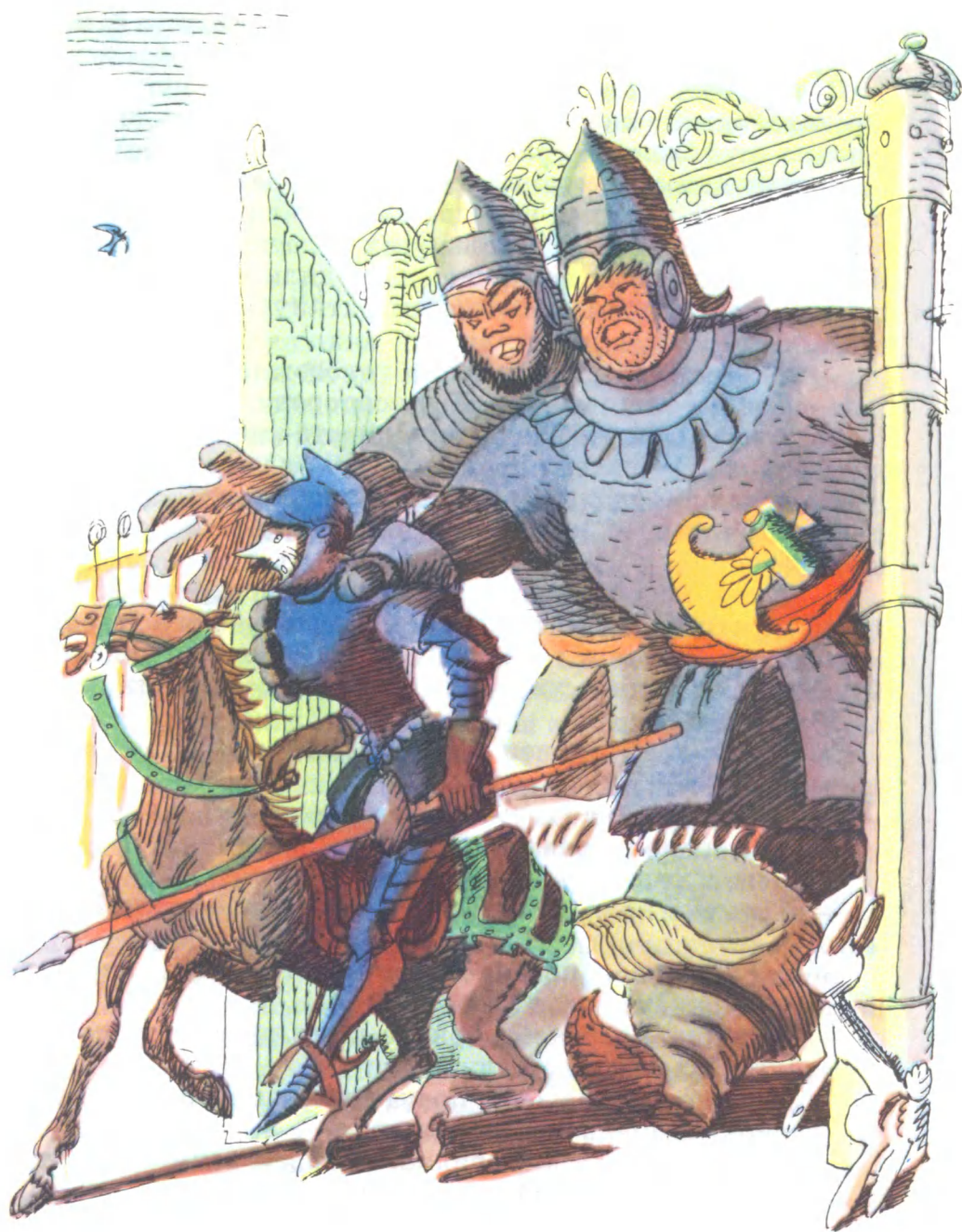
А Сашка взял Зайца за лапу и побежал следом.

Дорога поднималась в гору. Как только Рыцарь, Сашка и Заяц добрались до вершины, перед ними открылась такая чудесная картина, что Сашка тихонько ахнул.

Внизу, в ложбине, под ясным синим небом высились золотые ворота. От них, сколько хватало глаз, тянулась золотая ограда, а за оградой сверкал золотой дворец.

— А ты, глупый, боялся! — сказал Сашка Зайцу и побежал вслед за Рыцарем, который при виде Золотого царства стегнул плёткой коня.

Сашка с Зайцем бежали за Рыцарем не отставая, так что видели впереди только длинный седой хвост саврасого коня. А у самых ворот конь испугался чего-то, шарахнулся в сторону, и Сашка во второй раз увидел Золотое царство, издали так ему приглянувшееся.



Да, было чего испугаться, и не только коню, но и самому бесстрашному человеку.

Ограда состояла из тесного ряда высоких золотых пик, переплетённых золотыми змеями. На острие каждой пики торчала отрубленная голова. Во дворе, вымощенном золотыми плитками, понурившись, стояло бессчётное множество коней, на которых неподвижно сидели рыцари в богатом боевом убранстве, в кольчугах и латах, но без голов. Между безголовыми всадниками бродили воины богатырского роста с золотыми топорами, заткнутыми за красные кушаки.

— Бежим скорее! — не своим голосом крикнул Заяц.

— Поедем-ка и мы подобру-поздорову в свое Великое Герцогство. Авось мышки оставили что-нибудь нам с саврасым на обед, — сказал Рыцарь и дёрнул повод.

Но поздно. С грохотом распахнулись ворота. Два воина стащили Рыцаря с коня, схватили за руки и повели ко дворцу.

— А ты, косой, тоже на золотишко позарился?! — закричал третий воин и сгрёб Зайца за уши. — Чего хотел, то и получишь. Зажарит тебя повар на сковородке и подаст их Колдунскому Величеству на золотом блюде; кстати, и время обеденное.

Видит Сашка — конец Зайцу. Подбежал к воину и крикнул:

— Отпусти сейчас же верного моего друга!

Воин оторопел и разжал руки.

— Беги в лес! — шепнул Сашка.

— Ты меня не выдал в беде, и я тебя не оставлю! — ответил Заяц.

Воин опомнился, поглядел на то место, откуда слышался человеческий голос, и заорал:

— Кто ты такой, чтобы приказывать, да ещё тут, во владениях их Колдунского Величества?

— Я — принц Звёздочка по имени Сашка и по прозвищу Кукушонок! — смело ответил Сашка.

— Сколько имён, а не видно, — сказал воин. — Ты что, маленький такой, что тебя не видеть?

— Я не маленький, я уже в школе учусь. А не видно меня потому, что я невидимка.

Подумал воин, почесал голову и сказал:

— Ну, ладно, пусть их Колдунское Величество сами разбираются, что с тобой делать.

Дверь захлопнулась и сразу снова распахнулась, теперь уже для Сашки.

ЦАРЬ КОЛДУН И КОЛДУНСКАЯ ДОЧКА

Сквозь широкие окна дворца лил яркий свет, и Сашка сразу увидел царя Колдуна. Тот сидел на золотом троне, стоящем на помосте, покрытом коврами. Туловище и шея у него были такие длинные, что голова находилась где-то под самым куполом.

От подножия трона к голове царя Колдуна поднимались две узенькие лестницы с перильцами. У одной сидел худой карлик в белом халате и белом колпаке, а у другой лестницы — толстый карлик в парчовом халате.

В левом окне тучей кружила стая чёрных птиц с голыми шеями, похожих на коршунов и всё время каркающих противными вороньими голосами: «Карр, карр, карр!»

А в правом окне светило солнце, и в синем небе бесшумно летали белые птицы — лебеди-трубачи и чайки. Выше всех парила маленькая птица с синими крыльями, похожая на зимородка. Она широко открывала клюв, и, хотя Сашка ничего не мог расслышать, ему казалось, будто птица повторяет знакомые слова: «Счастье найдёт!»

Рядом с правым окном стоял ещё один помост, закрытый голубым занавесом, по которому были вышиты одуванчики и ромашки.

— Эй, ты! — зычным грубым голосом крикнул царь Колдун. — Эй, лейб-медик, тощий дармоед, живо поднимайся к нашему Колдунскому Величеству, а то пыль насела на царственные очи и мы не видим нового рыцаря!

Карлик в белом халате ловко, как обезьяна, вскарабкался по лестнице, и из-под купола послышался его тоненький голос:

— Разрешите доложить вашему Колдунскому Величеству, что сиятельнейшие ваши глаза не видят нового рыцаря, именующего себя принцем Звёздочкой, не из-за пыли, а оттого, что он невидимка.

— Эй ты, Первый Министр, начинай, если не хочешь, чтобы я отрубил и твою глупую башку! — снова раздался голос царя Колдуна.

Карлик в парчовом халате подбежал к краю помоста и, развернув свиток пергамента, ровным голосом, каким на уроке диктуют условия задачи, прочитал:

— «Слушай и внимай, Невидимка, именующий себя принцем Звёздочкой! Сейчас тебе будет задан их Колдунским Величеством вопрос, и ты должен будешь ответить на него одним-единственным словом, потому что молчание — золото, и если ты выговоришь два или три слова, то тем самым ограбишь их Колдунское Величество, а такое преступление карается казнью.

И если слово, которое ты скажешь, будет ложью, ты будешь казнён, потому что ложь перед лицом их Колдунского Величества карается смертью.

И если твоё слово будет правдой, ты будешь казнён, потому что правдой, как и золотом, во всём Золотом царстве может владеть и распоряжаться один только царь Колдун.

Но если ты ответишь словом, которое не будет ни ложью, ни правдой или, родившись ложью, само собой станет правдой, то есть исполнишь то, что тысячу лет не удавалось ни одному рыцарю, то твоё слово будет помещено в комнате царских драгоценностей рядом с алмазом в тысячу каратов и Драконом с двадцатью головами, побеждённым царём Колдуном и хранящимся в банке со спиртом. А ты будешь отпущен подобру-поздорову, и царь Колдун выполнит любые твои три желания!»

Карлик свернул пергамент. Едва он замолк, снова раздался грозный голос царя Колдуна:

— Слушай вопрос и отвечай: какая она, нашего Колдунского Величества колдунская дочка, которую — так и быть, открою тебе великую тайну — во всём нашем Золотом

царстве зовут Уродина? Отвечай, рыцарь Невидимка, раз уж тебе надоела собственная голова.

Едва царь Колдун вымолвил это, сам собой раздёрнулся голубой занавес, и Сашка увидел трон, поменьше царского, и на нём колдунскую дочку!

НЕ ПРАВДА И НЕ ЛОЖЬ, ТАК ЧТО Ж?

Ах, Сашка был веснушчатым и зимой и летом, очень веснушчатым — недаром принцесса Таня прозвала его Кукушонком,— но у колдунской дочки веснушек было в сто раз больше, всяких: светлых и почти чёрных, крошечных, как крупинки пшена, и больших, как медные монеты.

Она была ужасно веснушчатая. И едва Сашка увидел её, он пожалел девочку так сильно, что забыл о грозном царе Колдуне и вообще обо всём, и сказал тихо, только ей, первое слово, пришедшее на ум:

— Милая!..

Чёрные птицы ворвались во дворец и закаркали:

— Карр! Карр! Карр! Уродина! Уродина! Уродина! Карр! Карр! Карр! Ложь! Ложь! Ложь!

Но девочка будто не слышала страшного карканья.

— «Милая»,— повторила она слово, которого никогда в жизни никто ей не говорил. Ведь как только она родилась и царь Колдун увидел дочку, он сказал: «Уродина!» — и повелел изгнать царицу за то, что она родила ему безобразную дочь.

С тех пор вслед за царём Колдуном её называли Уродиной и Первый Министр, и Лейб-медик, и царские воины, и царские слуги; даже Кормилица, жалевшая девочку, называла её так, боясь прогневать царя.

Теперь первый раз в жизни она услышала: «Милая!»

— Карр! Карр! Карр! Ложь! Ложь! Ложь! — пронзительно кричали вороньими голосами чёрные коршуны, но ни Сашка, ни царевна не слышали их.

Царевна тихо, словно про себя, ещё раз повторила это слово. И просияла, как солнце. Как только она улыбнулась,

чёрные коршуны перестали каркать и один за другим вылетели в окно.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай! — не теряя времени, прошептал Сашка.

Веснушки, одна за другой, стали исчезать не только с носа, но и со щёк, со лба, с подбородка царевны и золотой дорожкой полетели туда, где стоял Сашка с солдатским мешком за плечами.

А сияющее лицо царевны становилось всё прекраснее.

В окно дворца влетели белые птицы: самой первой та, с синими крыльями, как у зимородка, за ней белые чайки и белые лебеди. И лебеди-трубачи протрубили:

— Правда! Правда! Правда!

— Да! — проговорил царь Колдун. — Ты сказал слово, которое, родившись, стало правдой. Выходит, ты победил меня, самого мудрого на свете царя Колдуна. Ну, говори скорее свои желания, дерзкий невидимый мальчишка! Хотя я и так знаю, чего ты потребуешь: половину моего Золотого царства, красавицу-царевну и ещё бриллиант в тысячу каратов, который хранится в комнате драгоценностей.

— Нет! — сказал Сашка, сам удивляясь своей смелости. — Половины Золотого царства мне не нужно, потому что я живу с мамой очень далеко, в своём микрорайоне. И на красавице-царице я не хочу жениться, потому что я ещё учусь в пятом классе и есть у нас в доме принцесса Таня. И алмаза в тысячу каратов мне не нужно. Моё первое желание: чтобы всем рыцарям и всем твоим подданным, которых казнили палачи, сейчас же пришили головы и отпустили их с подарками по домам.

— Ты слышал, что приказал Невидимка? — грозным голосом крикнул Колдун Лейб-медику.

Лейб-медик, подхватив два ведёрка — одно с живой, а другое с мёртвой водой, — сломя голову бросился из дворца.

Скоро начали доноситься приветственные возгласы:

— Да здравствует Невидимка!

Тем временем Сашка, которого никто уже не охранял, подошёл к открытым дверям дворца. Никогда ещё дворцо-



вая площадь не была такой прекрасной. Над ней кружили лебеди, на золотой мостовой гарцевали сотни рыцарей, тысячи принарядившихся обитателей Золотого царства размахивали флажками, плясали и прыгали от радости. Ведь так мало праздников выпадало им на долю; и у очень многих только что воскресли отцы и матери, деды и бабушки, которых они никогда уже не надеялись увидеть живыми.

Солнце светило совсем по-весеннему, и на лицах прохожих появились веснушки.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай! — прошептал Сашка.

Его шёпота никто не слышал из-за громовых криков: «Да здравствует Невидимка!» — но веснушки одна за другой стали подниматься в воздух, собираться в стаи и облачками полетели к Сашке, опускаясь в солдатский мешок.

Когда мешок раздулся, как футбольный мяч, Сашка тихонько вернулся во дворец и сказал, обращаясь к царю Колдуну:

— Второе моё желание: чтобы во все части света отправились кареты и гонцы за царицей. Мама-то уж никому не позволит обижать дочку.

— Ты слышал, что приказал Невидимка? — грозным голосом крикнул царь Колдун толстому Первому Министру, и тот выбежал из дворца, чтобы отдать необходимые распоряжения.

— А третье моё желание, чтобы сейчас же мы оба, мой верный друг Заяц и я, очутились у меня дома.

— Закрой глаза! — сказал царь Колдун.

ЗАЯЦ ИГРАЕТ ЗАЙЦА

Когда Сашка открыл глаза, то увидел, что стоит на своей лестничной площадке.

Он позвонил, и мама сразу открыла, будто ждала звонка:

— Мамочка, это я! — сказал Сашка.

— Сашок? — переспросила мама и сначала счастливо улыбнулась, а потом сказала: — Ты превратился в зайца?! Какой ужас! Оставался бы уж лучше невидимкой!

— Мамочка, мамочка! Это мой друг Заяц, — сказал Сашка. — А я как был невидимкой, так пока и остался.

— Очень рада познакомиться с другом моего сына, — сказала Сашина мама, немного покраснев. — И пожалуйста, простите меня. Меня зовут Анна Максимовна, но лучше называйте меня просто — тётя Аня.

— А меня зовут Заяц Зайцевич, но лучше называйте меня просто Заяц.

— Чего это мы стоим на площадке? — сказала Сашина мама и пропустила Сашку и Зайца впереди себя.

Заяц с мамой прошли в мамину комнату, а Сашка юркнул в свою, и сквозь тонкую стенку он услышал их голоса. Заяц хорошо и интересно рассказывал, как надо зимой хранить морковь в норе, а мама — как шинковать капусту.

Сашка понял, что Заяц и мама понравились друг другу, и больше не прислушивался к их беседе, тем более что пора было приниматься за свои дела.

Он сбросил тяжёлый дедушкин мешок на пол и прошептал три слова:

— Тамбарато клуторео римбеоно!

Гном появился в тот же миг; он потрогал мешок и сказал Сашке:

— Молодец! Скорее в ванную...

Гном высыпал всё, что было в мешке, в ванну, и она наполнилась золотой пеной. Всплывшие наверх тёмные веснушки гном собрал черпаком, как снимают пенку, когда варят варенье, и слил их в раковину.

Несколько секунд он думал, озабоченно наморщив лоб, потом улыбнулся, повесил на крючок для полотенец свою синюю с красной кисточкой шапку, сорвал с головы одуванчик и из стебля выжал пять капель густого молочно-белого сока. Пена посветлела и стала похожа на взбитый белок.

— Раздевайся! — скомандовал гном.

С головой нырнув в тёплую пену, Сашка снова услышал тонкий голос гнома:

— Пусть всё станет, как прежде! Всё! Всё! Всё!

Вынырнув, Сашка увидел свои руки, а скосив глаза, увидел нос и понял, что стал видимым.

Ему захотелось закричать во весь голос «ура», но он удержался и подбежал к зеркалу.

— Всё, как было,— довольным голосом проговорил гном.— И веснушки светятся...

Сашка понял, что гном снова немного напугал, но, взглянув на своё отражение, не огорчился, а, может быть, даже обрадовался тому, что всё осталось по-прежнему.

Надо было поскорей поблагодарить гнома, но, когда Сашка обернулся, в ванной никого не оказалось.

«Жалко»,— грустно подумал Сашка.

Из коридора он услышал голос Зайца:

— Я вас обязательно научу бегать «вздвойкой» и делать «скидку». Вот увидите, это совсем легко!

— Спасибо! — ответила мама.— Но бегать «вздвойкой» по городу не разрешит милиция и...

Она не закончила, потому что в этот миг Сашка переступил порог.

— Кукушонок! — воскликнула мама и бросилась обнимать его.

Зазвонил телефон. Мама сняла трубку, и Сашка услышал недовольный голос Марии Петровны:

— Мы начинаем наш новогодний спектакль, дорогая Анна Максимовна. Все уже в костюмах, загримированы, а вашего сына нет и нет...

— Он сейчас придёт,— через силу сказала мама.— Сейчас, сию минуту,— и, опустив трубку, почти упала на стул.

— Что с тобой? — испуганно спросил Сашка.

— Костюм...— еле слышно ответила мама.— Я подумала: раз ты невидимый, зачем же шить заячий костюмчик.

Она открыла шкаф и вынула распоротые муфту и горжетку:

— Боже мой, как нам быть?!

Сашка молчал.

— А если мне сыграть эту роль? — вдруг предложил Заяц.— Я всегда мечтал сыграть в настоящем спектакле.

Сашка и Заяц вперегонки побежали в школу на новогодний утренник. А мама осталась дома.

Спектакль прошёл хорошо, но лучше всех сыграл Заяц. Когда опустился занавес, его вызывали без конца. После утренника Мария Петровна позвонила Сашиной маме:

— Это просто удивительно, как играл ваш сын! Я человек сдержанный, но не удержалась и аплодировала. Как он вошёл в роль, какая собранность... От всей души поздравляю!

Анна Максимовна хотела сказать всю правду, но подумала, что Заяц и Сашка обидятся на неё, если она выдаст их тайну, а Мария Петровна всё равно не поверит, скажет: бабушкины сказки...

ЕЛИ КАЧАЮТСЯ, И СКАЗКА КОНЧАЕТСЯ

Вечером принцесса Таня вышла во двор. Десять принцев бросили играть в футбол и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

— Вот и Новый год. Все мы стали старше, и ты должна наконец решить, кого из нас полюбишь, когда мы кончим учиться!

— Да ну вас! — фыркнула Таня и пошла прочь.

У ворот она увидела Сашку и Зайца.

Зайцу было пора в лес, и Сашка его провожал; он нёс авоську, в которую мама положила морковку и капусту.

— Кукушонок! — радостно воскликнула Таня. — Я так соскучилась... Где ты пропадал?

— Проводим моего друга. На обратном пути я всё объясню.

И они пошли втроём, взявшись за руки, по улице, потом по полянке до опушки леса, потом по лесу.

Около высокой ели Заяц закопал подарки в снег.

— Завтра перетащу в нору. — И, протянув лапку сперва Тане, а потом Сашке, грустно добавил: — Дальше нельзя. Во-первых, следы. А во-вторых, поздно.

— Встретимся завтра вечером, — предложил Сашка.

— Нет,— ответил Заяц.— Завтра я уже не смогу говорить по-человечьи. Давайте встретимся через год!

— Непременно! — воскликнул Сашка.

И Таня тоже сказала:

— Мы непременно придём! Через год, в новогодний вечер.

Заяц помахал лапкой и побежал.

— Смотри берегись! — крикнул Сашка вслед.

Заяц разбежался и, прыгнув в сторону, сделал «скидку». Он пролетел над маленькими ёлочками, далеко и высоко, и скрылся в чащобе.

Таня и Сашка постояли немного и пошли домой. На опушке они остановились, и Сашка рассказал Тане всю эту историю, с той самой минуты, когда он познакомился с гномом.

Я тоже был на полянке, сидел на пне и всё слышал. Нет, я не был невидимкой, но они не замечали меня.

Когда Сашка закончил рассказ, Таня посмотрела вверх и сказала:

— Красиво... Звёзды горят — правда, как веснушки, и ели качаются...

«Ели качаются, и сказка кончается», — подумал я.





ЗВЕЗДОЛЁТ «БРУНЬКА»

Аня живёт в большом московском доме. На первом этаже.

Аня очень любит музыку и сама играет в школьном оркестре народных инструментов. Играет она на балалайке, которую ей подарил дедушка. Балалайка старая, потому что и дедушке её тоже подарил его дедушка. Поэтому у балалайки особенный звук: нежный, певучий. Будто из какой-то волшебной глубины доносится.

Аня не просто играет на балалайке. Когда Аня играет, кажется, что целый оркестр звучит. Почему так получается, никто понять не может и Аня сама не может объяснить. Получается — и всё. И ещё звучит балалайка у Ани так, будто она всё время кому-то что-то рассказывает: то весёлое, точно в пляс зовёт, то смешное, то грустное, то сказочное.

Тронет Аня рукой струны — балалайка сразу отзовется: «Брунь-брунь-брунь...» Может быть, поэтому ребята и прозвали Аню «брунь-брунь-Брунькой». Но Ане и самой это прозвище нравится: ведь Аня знает, что когда-то, давным-давно, балалайку тоже называли брунькой. И потом они в самом деле похожи: у балалайки, как и у Ани, головка



гордая, фигурка стройная, талия тонкая и юбочка пышным веером расходится.

Так вот, Аня не просто играла на своей балалайке. Она играла и всякий раз как будто вслушивалась. Внимательно так вслушивалась, точно боялась хоть один самый слабенький звук упустить. А балалайка заливалась — рассказывала, и не только весёлое или грустное, не только серьёзное, но иногда вроде бы и совсем серьёзное и в то же время с хитрецей. И тогда глаза у Ани из серьёзных делались озорными и лукавыми. Может, балалайка ей подсказывала? Ну вот те самые советы, которые Брунька-Аня после давала ребятам. Про это я сейчас и расскажу.

Жил-был рядом с Аней ещё один мальчик. Просто мальчик, и даже неважно, как его звали. Главное, что он был очень ленивый, может быть, из всех мальчиков самый ленивый мальчик на свете.

Выйдет он на улицу погулять и идёт в ту сторону, куда ветер дует. Он только и мог шагать, когда ветер дует в спину. А начнёт ветер дуть в другую сторону, ну и он поворачивает в ту же сторону. А если ветер переставал дуть, то мальчик останавливался и не знал, куда ему идти. Целый день мог стоять — ветра дожидаться.

А ещё любил он шагать с горки, но на горку подниматься не любил. И очень удивлялся: отчего это — земля круглая, а ходить по ней приходится то вверх, то вниз. Неужели нельзя так сделать, думал он, чтобы всегда идти под горку, а ещё лучше — чтобы под горку и чтобы тебя ветер в спину подталкивал.

От таких забот где уж было мальчику уроки учить или маме по дому помогать. И так он в конце концов разленился, что вовсе перестал из дому выходить.

Обо всём этом и узнала от соседей Брунька.

Узнала она про самого ленивого мальчика на свете и решила его вылечить от лени. Спросила она у него: а сам-то он хочет ли вылечиться? Но ему даже и ответить было лень. Представляете, до чего дело дошло?

— Да,— решила Брунька.— Тут простые лекарства не помогут, тут, брунь-брунь, волшебные средства нужны.

Призадумалась она. Заиграла тихонько на своей бала-лайке, вслушиваясь в каждый звук, даже в самый коротенький. И лицо у неё было серьёзное-серьёзное. И у бала-лайки голос тоже был серьёзный, как у мамы, когда она из дому уходит и велит, что без неё сделать надо.

А потом насыпала Брунька мальчику полный карман, брунь-брунь, волшебных горошин и велела лечиться так: неумоготу мальчику что-то делать, но, оказывается, нужно это сделать непременно, а после сразу волшебную горошину принять.

«Что-то уж слишком простое лечение,— подумал про себя мальчик.— Наверно, не подействует». Но решил на всякий случай проверить. Вышел на улицу, а на улице ветер со всех сторон дует прямо в лицо, а куда идти надо — улица, как назло, круто в гору поднимается. Испугался мальчик и ветра и горы, хотел было сразу волшебную горошину проглотить, но ещё больше испугался: вдруг не поможет? Решил делать, как Брунька велела. Пошёл прямо навстречу ветру и не заметил, как на гору поднялся. Проглотил горошину и засмеялся: не обманула Брунька — волшебные это горошины.

И с этого раза всё у мальчишки пошло на лад. Ленё ему урок выучить, а он выучит и тут же Брунькину горошину примет. Ленё в магазин идти, а он сбегает — и опять горошину в рот. И так, благодаря Бруньке, совсем от лени избавился...

Правда, удивительная и, можно сказать, волшебная история? Я и сам, когда про это услышал, удивился. Одно мне было непонятно: зачем горошины глотать, если дело ты уже сделал?

Но Брунька засмеялась и сказала: «А я же его совсем не горошиной, а сказкой вылечила. Сказки — они ведь, брунь-брунь, всегда чудеса делают».

Действительно, чудеса!

Вы и сами в это поверите, если узнаете про второй Брунькин совет.

Другой мальчишка был весь какой-то дёрганный, как стрелка на уличных электрических часах. Да ещё когда

разговаривал, то всегда почему-то оглядывался по сторонам, как будто кого-то боялся.

Брунька у него спросила, чего он всё время дергается и оглядывается, а мальчишка грустно сказал, что он очень «нервный». Тогда Брунька сказала, что нужно говорить не «нервный», а «нервный». Это во-первых. А во-вторых, ему ещё рано быть нервным.

Но мальчишка после Брунькиных слов ещё больше задёргался и занервничал и, вроде бы заикаясь, сказал: а как же ему не нервничать, если все на нервы действуют с утра до вечера. Брунька, конечно, заинтересовалась, почему это мальчишке все на нервы действуют. Может быть, он преувеличивает?

— Ка-ка-как эт-то пре-преувеличиваю? — закричал на Бруньку мальчишка. — Я вот, например, только сажусь в автобус и сразу начинаю беспокоиться. Всю дорогу до самой школы беспокоюсь. В школе на уроках все шесть уроков трясусь. А на перемене и вовсе дрожу с ног до головы.

Надо же, удивилась Брунька, такой большой мальчишка, а в автобусе он беспокоится, на уроках трясётся, а на перемене и вовсе весь дрожит. С чего бы это?

А оказалось, вот с чего: в автобусе мальчишка беспокоится, потому что он всегда ездит зайцем, без билета. И поэтому всегда боится, как бы не вошёл контролёр.

В школе он трясётся из-за того, что уроки дома не учит, и потому боится, как бы его к доске не вызвали. А на перемене он дрожит из-за одного парнишки из соседнего класса. Вдруг подойдёт да ка-ак даст по лбу или ножку подставит.

Выслушала Брунька мальчишку и спросила:

— А хочешь никогда не дрожать и не бояться?

— Ко-конечно хо-хочу, — сказал мальчишка, дёргаясь и заикаясь.

— Тогда ты вот что сделай: в автобусе, как войдёшь, купи билет. В школу приди с выученными уроками. А на перемене, если тебе кто захочет дать по лбу, схвати его за руку вот так... Только для этого сперва потренироваться нужно.

А через неделю Брунька снова встретила этого мальчишку на улице и сначала даже не узнала его. Он сам её первый узнал, подошёл, так спокойно и весело с ней поздоровался и заговорил, ничуть не заикаясь.

— Прямо сказочный ты мне совет дала, Брунька,— сказал он и с такой силой пожал ей руку, что Брунька даже ойкнула...

А может быть, это запела тоненько, с хитрецей, балалайка, которую она прижимала к себе: «Ох, брунь-брунь-брунь...»

Советы советами, но Брунька совсем новую сказку торопилась рассказать девчонкам, что поджидали её на лавочке. Про свой Звездолёт, тоже по имени Брунька, о новых полётах со скоростью сказочной мысли.

Девчонки, конечно, всё время ахали и охали, то и дело перебивали Бруньку всякими вопросами и переспрашивали её.

— А почему об этом в газетах ничего не писали? — спросила одна из девочек.

Брунька хотела уже ответить, но не успела. Из-за её спины мальчишеский голос с насмешкой произнёс:

— Потому что она всё врёт, никуда она не летала.

— А вот и летала. Все знают,— повторила упрямо Брунька. Она обернулась и увидела за своей спиной мальчишку, который не верил, что она летала к звёздам. С ним рядом стояло ещё несколько ребят. Брунька и не заметила, когда они подошли к скамейке.

— Ты это девчонкам заливай насчёт полёта,— повторил мальчишка, по-видимому самый главный в компании.— Они чему хочешь поверят, а мы лучше тебя знаем, летала ты в космос или нет.

— Почему это вы лучше неё знаете? — стали заступаться за Бруньку девочки.— Да наша Брунька оттого и Брунька, что у неё дома есть «Брунька», а та «Брунька»...

— Ну, запутались, запутались,— сказал самый главный мальчишка.— А вот мы — в самом деле космонавты. То есть будущие космонавты,— поправился он.— А пока на космонавтов учимся.

— Мы учимся,— поддержали теперь все мальчишки своего самого главного.

— Всё равно я летала,— ещё раз повторила Брунька.

— А вдруг мы возьмём и проверим, как ты летала? — сказал самый главный мальчишка.

— А как вы проверите? — заинтересовалась Брунька.

— Очень просто,— сказал главный мальчишка.— Есть тут одна ракета учебная, мы тебя— в ракету, а ракету— в космос, так и проверим. Ты же дорогу знаешь, верно?

— Проверяйте,— согласилась Брунька.

Бруньку хлебом не корми, дай ей только поучаствовать в новой сказке. Поэтому она охотно и сразу согласилась.

Согласилась и не пожалела... Но об этом после.

Брунька, значит, согласилась, чтобы товарищи её проверили.

— Только мы тебя с закрытыми глазами проверять будем,— сказал главный мальчишка.— Не забоишься?

— Не боюсь,— сказала Брунька, хотя, честно говоря, сама немножко и забоялась. Ей ведь было совсем неизвестно, какие испытания ждут её впереди.

Мальчишки завязали Бруньке глаза тёмной повязкой и куда-то повели.

Судя по всему, она с мальчишками сначала куда-то ехала на трамвае, потом на метро, потом на троллейбусе. Потом ещё немного прошли пешком. Потом остановились. Услышали шум космодрома.

— Хочешь увидеть ракету, на которой полетишь в космос? — услышала Брунька голос главного мальчишки.

— Конечно, хочу.

Брунька открыла глаза и увидела настоящую ракету. Ракета стояла на настоящей взлётной площадке. Вокруг ракеты сустились рабочие, и было видно по всему, что её готовят к взлёту.

Не успела Брунька ахнуть от восторга, как ей глаза снова завязали. Потом куда-то повели, подняли на лифте, вве-

ли в какую-то комнату и стали надевать на неё костюм космонавта.

Потом спустили опять на лифте, куда-то опять повели, подняли опять на лифте.

— Это мы в кабину космонавта поднимаемся,— услышала она голос главного мальчишки. Лифт загудел и остановился. Дверца открылась и захлопнулась.

— Космонавт, в люк,— услышала Брунька снова голос главного мальчишки. И она полезла в люк.

Затем её усадили в кресло космонавта. Главный мальчишка с ней попрощался и вылез из кабины. Люк захлопнулся.

И Брунька осталась в кабине космонавта одна.

Что она испытала при взлёте, она после рассказала девочкам:

— Ой, девочки, сначала я испытала ужасную тяжесть. Потом меня закрутило, закрутило, закрутило, как на карусели. Потом стало поднимать. А потом я поплыла, как рыба в воде. Поплыла, поплыла. Голова, конечно, кружится, в ушах звенит. А меня спрашивают: «Как самочувствие?» А я громко, на весь мир отвечаю: «Самочувствие отличное!» Тут и посадка уже началась. Вот когда в плотные слои атмосферы входила, тут было тяжело.

— А посадка? — спросили девочки.

— А посадка была мягкая. Как будто на пуховую подушку села...

— Слезай, приехали,— произнёс голос главного мальчишки. Мальчишка снял с Бруньки шлем, развязал повязку. Брунька огляделась по сторонам — находилась она в какой-то большой комнате.

— Где же моя кабина? — спросила Брунька.— Где я?

Главный мальчишка засмеялся и сказал:

— На съёмочной площадке. Здесь кино снимается о полёте мальчишек и девчонок в космос. Тут всё, как настоящее. Мы тебя по-космонавтски проверяли.

— В космос ты, конечно, не летала, но испытание выдержала,— сказал кто-то из ребят.

— Нет, ребята,— не согласился главный мальчишка.— Раз она испытание выдержала, значит, она в космос летала. Она же не знала, что она не летит в космос. А ты молодец, Брунька, что согласилась. Ты, наверно, и в самом деле всё можешь...

Вот так девочка Аня, по прозвищу Брунька, к звёздам не летала, а всё-таки летала.

Ну вот, дорогие ребята, полёт закончился. Но сказки продолжаются. Потому что полётам сказочного звездолёта, со скоростью сказочной мысли, нет предела и конца...



М. Сергей
Мухомов

ПОХОЖДЕНИЯ РУБЛЯ

Я ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ

Я — Рубль. Новенький советский бумажный Рубль. Родился я в большом кирпичном доме, где у каждого входа и выхода стоят часовые и куда ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ!

Не успел я появиться на свет, как попал в общество собратьев-близнецов, похожих на меня как две капли воды. Мы очутились в одной пачке, туго перехваченной крест-накрест бумажной лентой, на которой было написано: «СТО РУБЛЕЙ». Перед тем как это написать, нас пересчитали и аккуратно сложили вместе, запечатали, чтобы мы не разбежались. Мы лежали, прижавшись друг к другу своими личными номерами, и каждому из нас хотелось поскорее вырваться на свободу, чтобы начать полную разных приключений, интересную жизнь.

Из разговоров, которые велись вокруг нас людьми, я узнал, что сначала меня отправят в какой-то БАНК, что только оттуда я попаду в какую-то КАССУ и что уже в этой таинственной КАССЕ и решится моя участь.

Мы набрались терпения и стали ждать. У каждого из нас своя дорога, своя судьба...

Я НАЧИНАЮ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ

В пачке было темно и тесно. Мы уже давно томились в ней и порядком надоели друг другу. Нас только что вынули из какого-то мешка, и теперь мы лежали на дне просторного железного ящика.

«Может быть, это и есть КАССА?» — подумал я про себя.

Я хотел поделиться своей догадкой с соседом, но тут над нашей головой что-то треснуло. Это лопнула бумажная лента. Чьи-то ловкие, тонкие пальцы схватили меня за уголок и вытащили на свет.

— Вот вам на счастье новый Рубль! — произнёс приятный женский голос.

— Большое спасибо!

Не успел я сообразить, что со мной происходит, как очутился на гладкой тарелочке.

А через мгновение я уже лежал в глубоком мягком помещении. Я не знал тогда, что это помещение называется карманом и что всю жизнь мне придётся переходить из кармана в карман.

Так, не успев даже попрощаться со своими собратьями, я начал самостоятельную жизнь.

Я ВСТРЕЧАЮ ЗЕМЛЯКА

Я попал в карман к столяру. Он работал на мебельной фабрике и делал диван-кровати. Откровенно говоря, мне было приятно: моя жизнь началась с того, что я достался человеку как вознаграждение за его труд.

«Я настоящий трудовой Рубль,— с гордостью думал я.— Интересно, что меня ждёт впереди? Что со мной будет дальше? Как меня будут тратить и, главное, на что?..»

Я настолько был занят своими мыслями, что не заметил лежащую рядом со мной в кармане монету. Как потом оказалось, это был Пятачок. Он прикоснулся ко мне холодным металлическим боком и вежливо извинился.

— Может быть, мы познакомимся? — предложил он. — В темноте я не вижу вашего лица. Что касается меня, то я — Пятачок.

— Будем знакомы! — сказал я. — Я — Рубль!

— А я — Пятачок! — ещё раз повторил он. — Но если вы Рубль, то у нас есть нечто общее.

— Что именно? — поинтересовался я.

— Государственный герб! — сказал Пятачок.

— Возможно, — неопределённо ответил я, впервые имея дело с монетой.

— Вы бы могли в этом убедиться, — продолжал Пятачок. — Но я не хотел вас обидеть сравнением с собой. Прежде всего я простой Пятачок, а вы — целый Рубль, да к тому же, видимо, новый, ещё не бывший в употреблении. А раз так, то вы ещё не имели дела с такими, как я. Но герб у нас с вами общий. И все мы, независимо от нашего достоинства, гордо носим его. Самый старший среди нас Полтинник. А дальше уже идёте вы — рубли!.. Одним словом, мы земляки, и это должно нас сближать...

Мы разговорились. Пятачок был по возрасту старше меня и охотно поведал мне историю своей жизни.

Она была скорее печальной, чем радостной.

Он много раз был бит в «расшибалочке» — в никудышной уличной игре, которую любят мальчишки. Один раз его чуть было не положили на трамвайный рельс, чтобы посмотреть, во что он превратится, после того как по нему пройдут колёса. Чудом ему удалось не стать калекой.

— А теперь я не вылезая из метро! — закончил Пятачок свой грустный рассказ. — Большинство людей, которым я попадаю в руки, берегут меня для того, чтобы я оплатил проезд под землёй. Впрочем, однажды...

Пятачок не успел закончить фразу. Вернее, я не успел её дослушать. В карман опустилась рука, нащупала одного из нас и потащила наверх. «Одним из нас» оказался я.

— До встречи, дружище! — успел я только крикнуть в глубину кармана.

Я УЗНАЮ СЕБЕ ЦЕНУ

Прямо из тёплого, уютного кармана рабочей куртки я попал куда-то, где всё дышало сыростью и свежей землёй. Как я потом догадался, это был цветочный киоск.

— Рублишко-то новенький! — сказал женский голос и добавил: — Если вы, гражданин, хотите купить цветы, то не скупитесь!

— А я и не скуплюсь! — отвечал мужской голос. — Я выбираю... Дайте мне, пожалуйста, эти гвоздики и получите с меня рубль.

Я мельком успел увидеть в большом ведре охапку красивых красных цветов. В то же мгновение меня бросили в ящик стола.

Мне было не по себе.

«Я трудовой Рубль, а никакой не «рубличко»! — уговаривал я сам себя. — Как она посмела меня так назвать!»

Понемногу я успокоился.

«В конце концов, — пришёл я к выводу, — уже хорошо, что Человек, который меня заработал, хотел доставить радость другим и купил цветы. Меня начали тратить!»

— И ты здесь? — неожиданно обратился ко мне кто-то из глубины ящика.

Я вгляделся в темноту и, к своему удивлению, увидел одного из моих братьев-близнецов. Я сразу узнал его. У него был другой личный номер, но та же серия, что и у меня, — мы были из одной пачки!

— Не удивляйся! — продолжал мой собрат. — Меня тоже истратили на цветы. Это добрая примета. Сегодня Восьмое марта. Сегодня все покупают цветы. На один рубль здесь дают три гвоздики. Вот наша с тобой цена!

Я не мог сразу сообразить, много ли это или мало, наша ли это цена или цена цветов.

Во всяком случае, для начала я узнал, что на меня можно купить три прекрасных цветка.

Тут послышалось:

— Дайте мне, гражданочка, три рубля и получите рубль сдачи!



Не поняв ещё, что это значит, я перекочевал из ящика в дамскую сумочку.

Надо мной звонко щёлкнул замок. Я снова очутился в полной темноте.

Зажатый между пудреницей и паспортом, я чуть не потерял сознание от одуряющего запаха духов.

НЕЧАЯННОЕ ЗНАКОМСТВО

Однажды со мной приключилось чрезвычайное происшествие. Шофёр такси отсчитал меня очередному пассажиру. Мой новый хозяин повертел меня в руках, внимательно со всех сторон рассмотрел и аккуратно запрятал в толстый бумажник. Здесь приятно пахло кожей и табаком, но деньги, окружающие меня, не имели со мной ничего общего. И они не были похожи на те, с которыми мне приходилось общаться до сих пор. Все они были другого размера и цвета, и на них были совсем другие картинки.

Я сразу заметил, что незнакомцы с неохотой потеснились, чтобы дать мне место.

— Если я не ошибаюсь, мы имеем дело с советским Рублём? — громко произнёс один из незнакомцев.

— Вы угадали, — сдержанно сказал я.

— В таком случае разрешите представиться! — продолжал незнакомец. — Все мы тут — американские доллары! Затесалось среди нас несколько французских франков, но они не в счёт!

— Очень приятно познакомиться! — официально ответил я. Мне почему-то не понравился заносчивый тон Доллара и его явно пренебрежительное отношение к французскому Франку.

— Мы совершенно случайно попали в Москву, — продолжал Доллар тем же развязным тоном. — Надеюсь, что нас ни на что не истратят. Нам бы не хотелось тут задерживаться...

— А почему? — поинтересовался я.

— Любим шататься по свету! — хвастливо вмешался в

разговор второй Доллар.— Я, например, был недавно в одной жаркой стране.

— Что вы там делали? Как вы там оказались? — задал я сразу два вопроса.

— Нас было несколько десятков тысяч,— охотно ответил второй Доллар.— Нас привезли для того, чтобы выплатить жалованье американским солдатам. Лично я достался лётчику, и в первый же день мы полетели с ним на бомбёжку. Мы вдребезги разгромили школу, мост и несколько домов. Потом мой хозяин оставил меня в баре... А потом я очутился опять в Америке, но на этот раз в руках у одного чёрного. Бедняга не успел меня истратить. Его убили во время облавы. Видите это небольшое пятнышко возле портрета президента Вашингтона? Оно уже почти выцвело, но ещё заметно.

При этих словах Доллар повернулся ко мне боком, чтобы мне было лучше видно. Я с ужасом посмотрел на буроватое пятнышко возле портрета пожилого человека с умным и добрым лицом.

Мне было жаль и бедного негра, и почему-то президента Вашингтона, изображённого на Долларе...

Может быть, мне надо было ему что-то ответить? Или рассказать что-нибудь? Ну хотя бы про то, что лично я никогда никому не доставался в награду за убийство, за разрушенную школу...

Но я промолчал. Я не хотел продолжать разговор. Мне и так было всё ясно. Французские франки тоже молчали.

Бумажник раскрылся, и на меня купили деревянную матрёшку...

Я ОСТАЮСЬ ДОМА

В магазине сувениров былолюдно и шумно.

Покупатели рассматривали, выбирали и покупали: янтарные бусы и запонки, деревянные и лакированные ковши и ложки, куклы-матрёшки и костяные олени упряжки, чёрные чайные подносы, расписанные яркими цветами, тяжёлые кувшины и кружки из керамики...

«Кому достанусь я теперь? — гадал я, лёжа в одном из отделений кассы.— Неужели мне опять суждено попасть в общество каких-нибудь «знатных иностранцев»? Кажется, их здесь полно...»

Новый кассовый аппарат приятно позванивал.

Кто-то протянул кассирше пять рублей, и она вместе с чеком выдала меня покупателю. Тот небрежно опустил меня в карман плаща, получил покупку, вышел из магазина, сел в такси и поехал прямо в аэропорт.

Из разговора пассажира с шофёром я узнал, что пассажир — известный советский футболист и что он через два часа вылетает за границу для участия в матче на первенство Европы.

«Сейчас мы расстанемся — меня отдадут за проезд!» — решил я, когда водитель остановил машину. Но не тут-то было!

— Сколько с меня? — спросил футболист.

— Ничего не надо! — неожиданно ответил шофёр.— Я так загадал, чтобы вы домой с кубком вернулись. Счастливого вам полёта! Ни пуха ни пера!..

«Что теперь со мной будет?» — не на шутку разволновался я.

Сквозь лёгкую ткань плаща до меня доносился волнующий шум — рёв моторов с лётного поля, жужжание автокаров, объявления по радио, прощальные возгласы отлетающих и провожающих.

«Что со мной будет? Вот сейчас объявят посадку, мой футболист поднимется по трапу в кабину самолёта, найдёт своё кресло, снимет плащ, свернёт его и положит на полку или повесит на вешалку. И никто не догадается, что в правом кармане этого плаща летит в Европу бумажный советский Рубль!»

Но я никуда не улетел. Я остался дома. В газетном киоске. Вместо меня за границу полетел свежий номер журнала «Здоровье». Ну, и на здоровье! Вы думаете, я был огорчён? Ничуть! Что бы я делал за границей? Лежал бы в кармане плаща?

МЕНЯ БЕРУТ В ДОЛГ

Люди не имели от меня никаких секретов. Они просто забывали о моём присутствии. Так, например, случилось, когда я лежал в кармане у одного генерала. Он беседовал с офицерами Генерального штаба. О чём они говорили? Это — военная тайна. А я не болтун...

Часто я становился невольным свидетелем людских радостей и печалей, деловых разговоров, горячих споров и семейных ссор. Иногда мне хотелось чему-то помешать, а иногда, наоборот, помочь. И не скрою, мне это порой удавалось.

— Слушай, Павлик! Одолжи мне, пожалуйста, рубль! До завтра! — попросил как-то один мальчик своего школьного товарища.

— А зачем тебе рубль? — спросил товарищ.

— Мы, понимаешь, нечаянно разбили мячом стекло в одной квартире, и теперь, оказывается, его нужно вставить. Одолжи рубль! Выручи!

— Рад бы, да не могу. Нет у меня рубля! — соврал Павлик.

У меня просто дух захватило от такой неправды.

У Павлика был сильный насморк, и, когда он полез в карман за носовым платком, я нарочно зацепился за платок и выпал на пол, прямо к ногам мальчика, попросившего меня в долг.

— Эх ты, жадина! — сказал мальчик, который попросил меня в долг.

Павлик молчал.

— Хочешь, я засуну себе за шиворот живую лягушку? — неожиданно спросил мальчик, попавший мячом в чужое окно.

— Зачем? — удивился жадина.

— А ты мне тогда за это дашь рубль!

— Хочу! Давай засовывай! — согласился жадина.

Мне стало противно. И всё-таки я попал к стекольщику, а от него — в книжный киоск, где на меня купили детскую книжку.

Я ПОПАДАЮ НА РЫНОК

В одно из летних воскресений я впервые попал на колхозный рынок. Должен признаться, мне выдался трудный денёк!

Всё началось с того, что моя хозяйка купила кучку белых грибов. Не успел я опомниться, как меня уже отдали за баночку мёда.

В глубоком кармане фартука, куда меня опустили, жужжала большая страшная оса. Выбираясь на волю, она ползала по мне, цепляясь за меня своими липкими лапками, и даже пыталась ужалить. На моё счастье, пчеловод разменял десять рублей гражданину в форме железнодорожника, и тот недолго думая отнёс меня в овощной ряд, где выбрал себе арбуз.

Из овощного ряда я переместился в молочный — к творогу и сметане, а потом — в мясной, где на железных крюках висели куски парной говядины, телятины и розовые окорока. От меня ещё пахло душистым липовым мёдом, и потому на этот раз ко мне сразу же привязалась противная жирная муха. Она щекотала меня своим хоботком, и я с нетерпением ждал следующих рук...

Мне нравилось, когда меня тратили. Однако в толчее и сутолоке рынка мне, бумажному Рублю, было нелегко. Меня клали прямо на грязные, сырые прилавки, совали в руки продавцам, комкали, мяти... Переходя из рук в руки, я впитывал в себя по пути свежие запахи огородов, полей, садов и лесов — запахи цветов, овощей, ягод, грибов, мёда и прочих даров природы, но всё же, честно говоря, мне хотелось поскорее выбраться отсюда...

Под вечер, в душном кошельке, туго набитом мелочью, меня вынесли наконец за ворота рынка и положили на хранение в сберкассу.

РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Я пытаюсь восстановить в памяти события прошедшего дня.

Как же это случилось?..

Утром меня оставили в молочном магазине. Затем я попал в руки девушки, которая зашла на почту, чтобы телеграммой поздравить с днём рождения своего брата. Ей дали тридцать пять копеек сдачи, а я остался на почте...

Что было дальше?.. Я попал к старичку пенсионеру. Он покупал конверты и почтовые марки... Ну, а потом?.. Я никак не могу вспомнить, что было потом... И вдруг я вижу себя на блюде. Серебряные и медные монеты лежат здесь вперемешку с бумажными деньгами. У многих из них жалкий и неопрятный вид. От старого, скомканного рубля, который прикасается ко мне своим рваным боком, почему-то пахнет копчёной рыбой. Я — на прилавке пивного ларька. Меня пропили... Я твёрдо решаю ни с кем не знакомиться.

Успокаивая себя тем, что не каждый человек, который пьёт пиво, должен обязательно быть пьяницей, я жду... Наконец чьи-то грубые пальцы берут меня с блюда и засовывают в карман. Он пуст, и в нём большая дыра. Сквозь неё видна нога человека, обутая в давно нечищенный ботинок. Боясь провалиться в дыру, я стараюсь прижаться в уголок и зацепиться там за грубый шов. От большого напряжения меня покидают силы и пробирает нервная дрожь...

И вот я лежу под дождём на холодной сырой земле, вдавленный в грязь колесом велосипедиста. Худшее, что могло со мной случиться, случилось: меня потеряли!..

Мысли возвращают меня к первым дням моей жизни, а затем и вся жизнь проходит передо мной. Я никогда не расставался с людьми, но и не задерживался у них. Я находился в обращении...

Правда, как-то раз неожиданно попал к одной маленькой девочке, но у неё пробыл не больше недели. Девочка высыпала однажды всё содержимое копилки на прилавок и купила замечательную куклу. Стоило её наклонить, как она говорила «мама» и закрывала при этом свои неестественно чёрные глаза с неестественно большими голубыми ресницами.

Куда и на что меня только не тратили!

На меня покупали хлеб и лекарства, мороженое и картошку, ученические тетради и лотерейные билеты, детские

книжки и пуговицы, резиновый клей и яблоки, шнурки для ботинок и зубную пасту, пастилу и стиральный порошок, юбилейные значки и рыболовные крючки, цветные ленты, календари и ещё сотни разных мелочей.

Правда, не без меня были куплены и такие вещи, как пылесос, фотоаппарат, часы, телевизор, пишущая машинка и велосипед.

Признаться, меня больше устраивало, когда при моей помощи приобретали что-нибудь не дороже моей личной стоимости. Тогда я чувствовал себя хозяином положения! Когда же меня докладывали к другим деньгам, чтобы оплатить покупку, мне начинало казаться, что сам я не имею большого значения.

Впрочем, я понимал, что, не будь меня в нужный момент под рукой, никто не смог бы приобрести ни одной дорогой вещи.

— Здесь не хватает одного рубля! — сказала однажды кассирша, обращаясь к молодому человеку.

Тот нервно обшарил карманы и, только обнаружив меня, заложенного между страницами записной книжки, облегчённо вздохнул. Кассирша протянула чек, и молодой человек уехал из магазина на собственном велосипеде.

А если бы он меня не нашёл?..

Я был в потоке жизни, я находился в обращении!..

Меня брали в уплату за проход и проезд, за газ и бензин, за бритьё и стрижку, за стирку белья и ремонт очков, за траурные венки и свадебные наряды.

Меня переводили по почте и телеграфу, меняли на мелочь в киосках, клали на хранение в сберкассы, брали в долг и давали займы. Где я только не перебивал за мою недолгую жизнь!

Я летал и плавал. Меня возили в поездах и на машинах.

Я назывался то зарплатой, то доплатой, то гонораром, то стипендией, то штрафом, то пенсией, то налогом, то выигрышем, то взносом, то премией...

Однако мне не всегда везло на людей.

Вскоре после моего рождения я узнал, что люди относятся ко мне по-разному. Одни старались меня не менять,

не комкать, не перегибать пополам; они тратили меня с толком, были бережливы. Другие, наоборот, относились ко мне без должного уважения. «Подумаешь, рублёвка!» — пренебрежительно говорили они и тратили меня как попало.

А иной раз мне становилось мучительно стыдно, когда меня исподтишка совали в чью-то ладонь. К счастью, это случалось редко.

Я не был героем, но самые счастливые минуты моей жизни наступали тогда, когда я помогал людям делать добро. Особенно мне запомнился день, когда меня внесли в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Я, конечно, изменился и уже не хрустел, как прежде, но, несмотря на свой помятый вид, не утратил покупной способности и по-прежнему оставался полноценным Рублём.

И вот я потерян!

Человек выпил кружку пива, сунул меня в дырявый карман и потерял. И случилось это не на улице, где любой прохожий мог бы увидеть меня и поднять, а на загородном шоссе, по которому мчатся машины и никому нет дела до того, что у обочины лежит намокший под дождём старый Рубль...

«Неужели всё кончено? Неужели мне суждено бесславно пропасть?» — так думал я, приходя в отчаяние.

Я СПАСЁН!

Я очнулся от того, что кто-то осторожно взял меня в руки.

— Угадай, что я нашёл? — услышал я мальчишеский голос.

Я лежал на тёплой детской ладони. Две пары глаз с интересом разглядывали меня.

— Рубль! — прошептала девочка с удивлением.

— Чуть было не прошёл мимо, — сказал мальчик.

— Какой мокрый, грязный, весь порванный...— сказала девочка.— Брось! Куда он теперь годится? Его нигде не примут!

Я похолодел от ужаса.

«Примут! Примут! — хотелось крикнуть ребятам.— Примут! Вы посмотрите на мой личный номер, он цел! Мой номер: пять миллионов сто восемьдесят одна тысяча девятьсот сорок один. А две буквы впереди — это моя серия. Главное, чтобы был цел личный номер! Это вам скажут в любой кассе. Делайте со мной что хотите, только не бросайте меня!»

Всё это я хотел крикнуть, но, как вы сами понимаете, молчал.

Мальчик, поднявший меня, тоже молчал. Он думал.

Потом разглядел меня и серьёзно сказал:

— Знаешь, деньгами не бросаются! Это же всё-таки как-никак рубль! В нём сто копеек!

От волнения я распался на две половинки.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

— Чего тебе, мальчик? — спросил кассир, когда перед ним в окошечке кассы появилась чья-то вихрастая голова.

— Скажите, пожалуйста, вы бы не могли поменять мне рубль? — ответил паренёк.

— А ну, покажи! — добродушно сказал кассир.

Мальчик положил меня на резиновую подстилочку в окошке кассы.

Высушенный и проглаженный тёплым утюгом, я был похож на инвалида, вернувшегося из больницы. Только вместо бинта на мне была белая полоска бумаги, скрепляющая обе мои половинки.

И тем не менее я был счастлив. Всё, что со мной произошло, казалось мне страшным сном.

Но теперь я попал в добрые, надёжные руки...

— Да-а! — вздохнул кассир. — Видать, своё отслужил...
Смотри, как ему досталось! Ну что ж! Номер цел, серия
цела — поменяем! Вот тебе твой рубль, мальчик! Держи на
счастье!

И случилось чудо: в руках кассира я превратился в
новый блестящий серебряный Рубль! С одной стороны у
меня сиял Государственный герб Советского Союза, а
на другой стороне был изображён солдат с ребёнком
на руках...

Когда вам попадётся серебряный рубль, посмотрите вни-
мательно, может быть, это я...



Содержание

Здравствуй, сказка! *Предисловие В. Разумневича* 5

Аркадий Гайдар

СКАЗКА ПРО ВОЕННУЮ ТАЙНУ, МАЛЬЧИША-
КИБАЛЬЧИША И ЕГО ТВЁРДОЕ СЛОВО * 12

Софья Могилевская

СКАЗКА О ГРОМКОМ БАРАБАНЕ * 23

Евгений Пермяк

ТАЙНА ЦЕНЫ * 33

Аркадий Гайдар

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ * 38

Валентина Осеева

ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА * 45

Владимир Воробьёв

СТЁПА-НЕДОТЕПА * 54

Евгений Шварц

СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ * 58

Евгений Пермяк

ТРУДОВОЙ ОГОНЁК * 69

Ольга Романченко

ВИТЯ В СТРАНЕ ЛОДЫРАНТИИ * 74

Андрей Платонов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК * 82

Произведения, отмеченные звездочкой, вышли до 27 мая 1973 года.

- Евгений Шварц*
ДВА БРАТА * 87
- Сергей Воронин*
ХРАБРЫЙ КЛОУН * 107
- Евгений Пермяк*
ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ * 111
- Константин Паустовский*
ПОХОЖДЕНИЯ ЖУКА-НОСОРОГА * 115
- Валентин Беспалов*
СИЛА СЛОВА * 121
- Николай Тихонов*
УМНЫЙ ТАНК * 122
- Константин Паустовский*
РАСТРЕПАННЫЙ ВОРОВЕЙ * 126
- Валентин Катаев*
ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК * 136
- Сергей Воронин*
ДОБРАЯ РАКОВИНА * 147
- Анатолий Митяев*
МУРАВЕЙ И КОСМОНАВТ * 151
- Валентин Катаев*
ДУДОЧКА И КУВШИНЧИК * 161
- Евгений Шварц*
РАССЕЯННЫЙ ВОЛШЕБНИК * 168
- Виталий Бианки*
ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ * 173
- Леонид Пантелеев*
ДВЕ ЛЯГУШКИ * 181
- Виктор Важдаев*
БЕЛЫЙ ВОРОН И КРОТ * 184
- Борис Житков*
КРУЖЕЧКА ПОД ЕЛОЧКОЙ * 187

Валерий Медведев
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГУСЕНКА ЗАПЛАТКИНА * 191

Виталий Бианки
КТО ЧЕМ ПОЁТ? * 204

Борис Заходер
МА-ТАРИ-КАРИ * 208

Николай Носов
БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА * 216

Валентина Осеева
ДОБРАЯ ХОЗЯЮШКА * 222

Сергей Михалков
УПРЯМЫЙ КОЗЛЁНОК * 225

Нина Ногина
БЕЛКИН СЕКРЕТ 232

Василий Лебедев
БОБРИНАЯ ПРАВДА * 238

Виталий Бианки
СОВА * 245

Наталия Дурова
ПЕГАЯ ФОМКА * 249

Валерий Медведев
КАК ВОРОБЬЁНОК ПРИДУМАЛ ГОЛОСАМИ
МЕНЯТЬСЯ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО * 256

Василий Гольшкин
НИР ТВАЗ * 262

Алла Кириллова
ПРОДЕЛКИ ЗЛОЙ ОТМЕТКИ ЕДИНИЦЫ 270

Александр Шаров
КУКУШОНОК, ПРИНЦ С НАШЕГО ДВОРА * 281

Валерий Медведев
ЗВЕЗДОЛЁТ «БРУНЬКА» 309

Сергей Михалков
ПОХОЖДЕНИЯ РУБЛЯ * 318

Для младшего школьного возраста

ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ

СКАЗКИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Составитель *Ольга Ивановна РОМАНЧЕНКО*

Заведующая редакцией *Л. Сурова*

Редактор *И. Колчина*

Оформление художника *Е. Никитина*

Обложка художника *Т. Ковригиной*

Иллюстрации художников:

Э. Гороховского

В. Лосина

Е. Моница

В. Перцова

Л. Толкмакова

Н. Устинова

В. Чижикова

Художественный редактор *М. Кудрявцева*

Технические редакторы *Г. Бессонова,*

Л. Маракасова, И. Лукашова

Корректоры *З. Комарова, И. Попкова*

ИБ № 4359

Подписано к печати с готовых диапозитивов. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,57. Усл. кр.-отт. 195,10. Уч.-изд. л. 18,70. Тираж 80 000 экз. Заказ 4210. Цена 2 р. 50 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.



2 р. 50 к.

